

ЛИ БАРДУГО

ПРОДАЖНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ ПОБЕДИТЬ -
МЕНЯЙ ПРАВИЛА ИГРЫ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА
«ШЕСТЕРКА ВОРОНОВ»

ГришиВерс

Ли Бардуго

Продажное королевство

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-4

Бардуго Л.

Продажное королевство / Л. Бардуго — «Издательство АСТ»,
2016 — (ГришиВерс)

ISBN 978-5-17-108910-8

Казу Бреккеру и его команде удалось повернуть столь дерзкое похищение, что они и сами не поняли, как остались в живых. Но обещанная заоблачная награда уплывает из рук, и юные изгои вынуждены снова бороться за свою жизнь. Их обвели вокруг пальца и лишили ценного члена команды. Теперь у них не хватает людей, очень мало союзников и почти не осталось надежды. Давние соперники и новые враги бросают вызов коварству Каза, а его окружение подвергают испытанию на прочность. На темных и извилистых улочках Кеттердама разразится война – она и решит судьбу гришей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-108910-8

© Бардуго Л., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Часть первая. Покинутые	6
Часть вторая. Смертельный ветер	42
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ли Бардуго

Продажное королевство

© 2016 by Leigh Bardugo

© А. Харченко, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

*Холли и Саре, которые помогли мне строить;
Ною, укрепившему стены;
И Джо, укрепившему меня.*

Часть первая. Покинутые

1. Ретвенко

Ретвенко навалился на барную стойку и сунул нос в свой грязный стакан. Даже виски не могло его согреть. Ничто не согревало в этом покинутом всеми святыми городе. И не было спасения от удушающей вони, мешанины запахов трюмов, гниющих моллюсков и мокрых камней, которые, казалось, впитались в его поры, словно он погрузился в самую сущность этого города и настоялся в ней, как чашка самого отвратительного чая в мире.

Особенно это было заметно в такой жалкой дыре, как Бочка, – в маленьком кабаке, теснившемся на нижнем этаже одного из самых мрачных жилых домов в трущобах. Его и без того плохо сложенный потолок просел под натиском дурной погоды, балки почернели от сажи с камина, который давно перестали топить, а дымоход забился мусором. Пол покрывал слой опилок, чтобы впитывать пролитые напитки, рвотные массы и все остальное, что посетители бара не могли удержать. Ретвенко задумался, гадая, когда же здесь в последний раз подметали. Затем еще глубже сунул нос в стакан, вдыхая сладковатый аромат дешевого виски. От этого у него заслезились глаза.

– Его нужно пить, а не нюхать, – хохотнул бармен.

Ретвенко опустил стакан и посмотрел на мужчину затуманенным взором. У него была толстая шея и широкая, похожая на бочку грудь – настоящий громила. Ретвенко не раз наблюдал, как бармен вышвыривал шумных посетителей на улицу, однако трудно было воспринимать всерьез человека, одетого по той нелепой моде, которую предпочитали молодые люди в Бочке. На бармене была розовая рубашка, рукава которой едва не трескались на огромных бицепсах, и пестрый красно-оранжевый клетчатый жилет. Он выглядел как расфуфыренный, полинявший краб.

– Скажи мне, – начал Ретвенко. Его керчийский и без того был далек от совершенства, а после пары опустошенных стаканов и подавно. – Почему этот город смердит? Как прокисший суп? Или раковина с грязной посудой?

Бармен снова рассмеялся.

– Таков наш Кеттердам. Ты привыкнешь.

Ретвенко покачал головой. Ему не хотелось привыкать ни к городу, ни к его зловонию. Работа на советника Худе нагоняла скуку, но, по крайней мере, в его комнате всегда было тепло и сухо. Как ценному гришу ему обеспечивали уют и сытый желудок. В те времена он проклинал Худе, перегоняя через море принадлежавшие советнику корабли с ценным грузом. Ретвенко возмущали условия его договора – глупой сделки, на которую он согласился, чтобы сбежать из Равки после гражданской войны. Но что теперь? Теперь он частенько вспоминал о мастерской гришей в доме советника, о весело горящем огне в очаге, черном хлебе с маслом и толстыми кусками ветчины. После смерти Худе керчийский Торговый совет позволил Ретвенко ходить в рейсы, чтобы он мог выплачивать долг. Получал он гроши, но какие еще у него были варианты? Он был шквальным-гришом во враждебном городе, без каких-либо навыков, помимо своих врожденных способностей.

– Еще? – спросил бармен, показывая на пустой стакан.

Ретвенко помедлил с ответом. Не стоило тратить деньги. Если он будет правильно распорядиться своими финансами, достаточно наняться еще на один рейс, может, на два, и тогда ему хватит сбережений, чтобы выплатить долг и купить билет в Равку в каюту третьего класса. Это все, что ему нужно.

Меньше чем через час он должен появиться на причале. Сегодня обещают бурю, так что экипажу понадобится Ретвенко, чтобы тот укротил порывы ветра и безопасно доставил их корабль в безопасности в нужный порт. Он не знал, в какой именно, и ему было плевать. Капитан назовет координаты, Ретвенко надует паруса или успокоит небо. А затем получит гонорар. Но ветер еще не поднялся. Может, ему удастся проспаться первую часть рейса? Он постучал по стойке и кивнул. Что ж тут поделать? Он заслуживал хоть какого-то утешения в этом мире.

– Я вам не мальчик на побегушках, – пробормотал шквальный.

– Что-что? – спросил бармен, наливая в стакан.

Ретвенко лишь отмахнулся от него. Этому человеку, неотесанной деревенщине, никогда его не понять. Он прозябал в тени. И на что надеялся? На лишнюю монету в кармане? На кокетливый взгляд симпатичной девушки? Ему ничего не известно о военной славе, о том, что значит быть почитаемым.

– Ты равкианец?

Даже несмотря на туман в голове из-за выпитого виски, Ретвенко насторожился.

– А что?

– Ничего. Просто акцент у тебя равкианский.

Ретвенко велел себе расслабиться. В Кеттердам приезжало множество равкианцев в поисках работы. Ничто в нем не выдавало гриша. Собственная трусость вызывала отвращение – к себе, к бармену, к этому городу.

Ему хотелось просто сидеть и наслаждаться выпивкой. В баре было пусто, так что и опастаться некого, и, несмотря на внушительные мышцы бармена, Ретвенко знал, что легко с ним справится. Но когда ты гриш, даже стоять на месте значит нарываться на неприятности. В последнее время ходили слухи об участвовавших случаях похищений в Кеттердаме – гриши исчезали прямо на улице или в своих домах. Наверняка их хватали работорговцы и продавали по самой высокой цене. Ретвенко не допустит, чтобы подобное случилось с ним, когда он так близок к возвращению домой.

Он осушил стакан виски одним глотком, стукнул монетой по стойке и встал со стула. Чаевых не оставил. Пускай сам зарабатывает на жизнь.

Выйдя наружу, Ретвенко ощутил головокружение, и от влажного вонючего воздуха не становилось лучше. Он опустил взгляд в землю и направился к Четвертой гавани, надеясь, что прогулка поможет проветрить голову. «Еще два рейса», – повторял он себе. Еще пару недель в море, пару месяцев в этом городе. Как-нибудь да выдержит. Он гадал, ждут ли его старые друзья в Равке. Поговаривали, что юный король раздает помилования, как конфеты, желая поскорее восстановить Вторую армию гришей, которую уничтожили во время войны.

– Еще два рейса, – снова сказал он себе, топая ботинками по влажной весенней земле.

Как может быть так холодно и сыро в это время года? Жить здесь – все равно что оказаться зажатым в холодной подмышке ледяного гиганта. Ретвенко пошел вдоль Графканала и вздрогнул, увидев остров Черной Вуали, спрятанный в излучине. Когда-то именно там, в маленьких каменных домиках, стоящих над водой, керчийские богачи хоронили своих умерших родственников. Из-за особенностей климата остров постоянно был окутан зябкой мглой, и ходили слухи, что на нем обитают призраки. Ретвенко ускорил шаг. Он не был суеверным, – и с силой гриша ему нет причин опасаться того, что могут скрывать тени, – но кому нравится гулять рядом с кладбищем?

Он закутался в пальто и быстро пошел по улице Хафенштрат, внимательно следя за движениями в каждом переулке. Скоро он вернется в Равку, где сможет бродить по городу без всякого страха. Если, конечно, его помилуют.

Ретвенко еще глубже зарылся в свое пальто. Эта война настроила одних гришей против других, и его сторона отличилась особой жестокостью. Он убивал бывших товарищей, мирных

жителей, даже детей. Но что сделано, то сделано. Король Николай нуждался в армии, а Ретвенко был очень хорошим солдатом.

Он коротко кивнул стражнику, сидевшему в маленькой будке у входа в Четвертую гавань, и оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что за ним никто не следует. Затем прошел мимо грузовых контейнеров к докам, нашел нужный причал и встал в очередь, чтобы записаться у первого помощника. Ретвенко знал его по прошлым рейсам – вечно недовольный и в скверном настроении человек с тощей шеей, торчащей из воротника пальто. Он держал толстую пачку документов, и Ретвенко заметил фиолетовую восковую печать одного из членов Торгового совета. В этом городе подобные печати ценились больше золота и гарантировали лучший причал в гавани, а также привилегированный доступ к докам. Почему советники получали такое преимущество? Из-за денег. Их деятельность приносила Кеттердаму прибыль. В Равке быть могущественным значило нечто большее. Там стихии повиновались воле гришей, и страной правил настоящий король, а не кучка выскочек-торговцев. Правда, Ретвенко пытался свергнуть отца этого короля, но дела это не меняло.

– Экипаж пока не готов, – сказал первый помощник, когда Ретвенко назвал свое имя. – Можешь погреться в конторе начальника порта. Мы ждем сигнала от Совета приливов.

– Рад за вас, – невозмутимо ответил Ретвенко.

Он взглянул на одну из черных обелисковых башен, нависающих над гаванью. Если бы он знал наверняка, что достопочтенный и могучий Совет приливов видит его из своей смотровой башни, он бы в точности дал им понять, что думает, при помощи нескольких жестов. Предположительно они были гришами, но разве эти ребята хоть раз пошевелили пальцем, чтобы помочь другим гришам в городе? Тем, к кому удача повернулась спиной и кто нуждался в дружеском участии?

– Нет, ни разу, – ответил он сам себе.

Первый помощник скривился.

– *Гезен*, Ретвенко! Ты что, пил?

– Нет.

– От тебя разит виски.

Шквальный принялся.

– Да, немного.

– Протрезвись давай. Выпей чашку крепкого кофе или пожуй юрду. Этот хлопок должен быть в Джерхольме ровно через две недели, и мы платим тебе не за то, чтобы ты лечился от похмелья в трюме. Все ясно?

– Да-да, – отмахнулся Ретвенко, уже направляясь к конторе начальника порта. Но, отойдя на пару шагов, он резко дернул запястьем. Крошечный вихрь выхватил документы из рук первого помощника и раскидал их по докам.

– Черт! – выругался тот, ползая по деревянным доскам и пытаясь поймать страницы, пока их не сдуло в море.

Ретвенко злорадно ухмыльнулся, но затем его охватила тоска. Он был сверхчеловеком, одаренным шквальным, прекрасным солдатом, но здесь он – просто *наемный работник*, старый грустный равкианец, который плохо говорит на керчийском и слишком много пьет. «*Дома, – твердил он себе. – Скоро я буду дома*». Он получит помилование и снова проявит себя. Будет бороться за свою родину. Будет спать под крышей, которая не протекает, и носить синий шерстяной кафтан, отороченный мехом серебряной лисы. Он снова будет Эмилом Ретвенко, а не жалкой тенью самого себя.

– Кофе там, – сказал клерк, когда гриш вошел в кабинет, и указал на медный кофейник в углу.

– А чай?

– Только кофе.

«Ну и страна!» Ретвенко налил полную чашку темной мутной жидкости, просто чтобы погреть руки. Он терпеть не мог ее вкус, только если положить туда много сахара, но о нем начальник почему-то не позаботился.

– Ветер дует, – заметил клерк, когда снаружи зазвонил колокольчик, потревоженный нарастающим бризом.

– У меня есть уши, – проворчал Ретвенко.

– Не думаю, что здесь он будет сильным, но как только вы выйдете из гавани...

– Умолкни! – резко сказал мужчина. Он быстро поднялся на ноги и прислушался.

– Что? – спросил клерк. – Это...

Ретвенко прижал палец к губам.

– Кто-то кричит.

Звук доносился со стороны пришвартованного корабля.

– Это просто чайки. Скоро взойдет солнце и...

Ретвенко поднял руку, и клерка отбросило к стене порывом ветра.

– Я же сказал, *умолкни!*

Клерк раскрыл рот, повиснув на стене.

– Так ты тот гриш, которого они наняли в команду?

Ради всех святых, ему что, придется вытянуть весь воздух из легких этого парня, чтобы тот не мог дышать и наконец заткнулся?

Через мутные окна было видно, как начало голубеть рассветное небо. Чайки пронзительно кричали, выискивая в волнах свой завтрак. Может, это алкоголь сыграл с ним шутку?

Ретвенко опустил клерка на пол. Он пролил свой кофе, но не стал утруждать себя походом к кофейнику за второй чашкой.

– Говорил же, что это пустяки, – сказал паренек, поднимаясь на ноги. – Необязательно было так горячиться. – Клерк стряхнул с себя пыль и вернулся за стол. – Я никогда не встречал ни одного из вас. Гришей. – Ретвенко фыркнул. Наверняка он встречал их, просто не знал об этом. – Тебе хорошо платят за рейсы?

– Недостаточно хорошо.

– Я... – но что бы клерк ни собирался сказать, его оборвала входная дверь, взорвавшаяся градом щепок.

Ретвенко быстро прикрыл лицо руками. Затем пригнулся и перекатился за стол, чтобы укрыться. В комнату вошла женщина – черные волосы, золотые глаза. Шуханка.

Клерк потянулся к пистолету, прикрепленному к днищу стола.

– Они пришли за жалованьем! – крикнул он. – Никто не заберет у меня жалованье.

Ретвенко ошеломленно наблюдал, как долговязый клерк встал в позу воина возмездия и открыл огонь. О святые, ничто так не мотивировало людей в Керчии, как деньги!

Ретвенко выглянул из-за стола как раз вовремя, чтобы увидеть, как пуля попала женщине прямо в грудь. Ее отбросило назад на дверной косяк, и она упала на пол. В воздухе остро запахло порохом и металлическим привкусом крови. В животе у Ретвенко позорно екнуло. Давненько у него на глазах никого не застреливали – и то это было во время войны.

– Никто не заберет у меня жалованье, – довольно повторил клерк.

Но не успел шквальным ответом, как шуханка схватилась окровавленной рукой за дверную раму и поднялась на ноги.

Ретвенко часто заморгал. Сколько же виски он выпил?

Женщина шагнула вперед. Сквозь ее порванную блузку были видны кровь, плоть, пронизанная пулями, и блеск чего-то похожего на металл.

Парнишка попытался перезарядить пистолет, но женщина действовала очень быстро. Она выхватила оружие у него из рук и ударила им клерка по голове, сбив того с ног. Затем отбросила пистолет и обратила взгляд своих золотых глаз на Ретвенко.

– Забирай деньги! – крикнул он, пятась назад. Порылся в карманах и швырнул ей почти пустой кошелек. – Забирай что хочешь!

Женщина слегка улыбнулась... то была жалость? Насмешка? Ретвенко не знал. Но он понял, что пришла она вовсе не за деньгами – за ним. И не важно, работороговец она или наемница, или вообще кто-то третий. Ей придется сражаться с солдатом, а не с каким-то трусливым слабаком.

Он вскочил на ноги – мышцы плохо слушались, – и занял боевую позицию, выставив руки вперед. Через комнату пролетел вихрь воющего ветра, опрокидывая стул, стол и горячий кофейник в сторону женщины. Она отбилась от них без особого труда, словно от паутины.

Ретвенко сосредоточился и взмахнул обеими руками, чувствуя, как в ушах стреляет от внезапно упавшего давления. Ветер перерос в поднимающуюся бурю. Может, эту женщину и не остановить пулями, но посмотрим, как она справится с яростью бури!

Шуханка зарычала, когда штормовой ветер отбросил ее обратно в открытый дверной проем. Женщина схватилась за косяк, пытаясь удержаться.

Ретвенко захохотал. Он уже и забыл, какое это удовольствие – сражаться. Но сзади раздался оглушительный треск и визг гвоздей, вырывающихся на свободу и раздирающих древесину. Он оглянулся через плечо и мельком успел рассмотреть рассветное небо и пристань. Стена исчезла.

Кто-то сильный схватил его, прижав руки Ретвенко так, чтобы тот не мог ими двигать. Затем они взлетели, и вскоре гавань начала сжиматься под его ногами, становясь все меньше и меньше. Ретвенко увидел крышу конторы начальника порта, тело первого помощника, распластавшееся на доке, корабль, на котором он должен был плыть, – палуба судна превратилась в месиво из сломанных досок и бездыханных тел, валявшихся у разбитых мачт. Его похитители сначала наведались туда.

Холодный ветер обдувал лицо. Сердце отбивало хаотичный ритм в его ушах.

– Пожалуйста, – начал умолять он, когда они взмыли выше, хоть и сам не знал, о чем просит.

Боясь шевельнуться слишком резко, Ретвенко вытянул шею, чтобы взглянуть на своего похитителя, затем испустил испуганный стон, что-то среднее между всхлипом и паническим визгом животного, загнанного в ловушку.

Его держал шуханец с иссиня-черными волосами, собранными в тугий пучок, и прищуренными от ветра золотыми глазами. На спине у него росли два широких крыла, бьющих по воздуху: скрепленные шарнирами, искусно обработанные, с вьющейся серебряной филигранью и натянутой парусиной. Что это был за ангел? Или демон? Какой-то странный оживший механизм? Может, Ретвенко просто потерял рассудок?

Опустив голову, Эмиль увидел тень, которую они отбрасывали на мерцающую поверхность моря далеко внизу: две головы, два крыла, четыре ноги. Он стал огромным чудовищем, и это же чудовище его поглотит. Молитвы Ретвенко переросли в крики, но все равно остались неуслышанными.

2. Уайлен

«Что я здесь делаю?»

Эта мысль проносилась в голове Уайлена не меньше шести раз в день с тех пор, как он познакомился с Казом Бреккером. Но в такую ночь, как эта, в ночь, когда они «работали», она снова и снова звучала на все лады, как будто у него в голове распевался нервный тенор: «Что здесь делаю что здесь делаю что здесь делаю».

Уайлен потянул за край своего форменного небесно-голубого жакета – такие носили официанты в клубе «Кучевые облака», – и попытался принять непринужденную позу. *«Представь,*

что это званый ужин», – говорил он себе. Уайлен пережил бесчисленное количество утомительных приемов в доме своего отца. Этот ничем не отличался. Если подумать, тут было даже проще. Никаких неловких бесед о его учебе или о том, когда он планирует пойти в университет. Все, что от него требовалось, – это оставаться спокойным, следовать указаниям Каза и придумать, куда деть свои руки. Сомкнуть их спереди? Слишком в духе певца на концерте. Сзади? Слишком по-военному. Он попытался просто держать их опущенными, но и это ему не понравилось. Почему он никогда не обращал внимания на то, как стоят официанты? Несмотря на заверения Каза, что сегодня зал на втором этаже принадлежит только им, Уайлен не сомневался, что в любую минуту сюда мог войти кто-то из персонала, ткнуть в него пальцем и закричать: «Самозванец!» С другой стороны, большую часть времени Уайлен и чувствовал себя самозванцем.

С их возвращения в Кеттердам прошла всего неделя и почти месяц с тех пор, как они покинули Джерхольм. Почти все это время Уайлен находился в обличье Кювея, но всякий раз, как он замечал свое отражение в зеркале или витрине магазина, он долго не мог осознать, что смотрит не на чужака. Теперь это его лицо: золотистые глаза, широкий лоб, черные волосы. Его старую личину стерли, и Уайлен плохо знал человека, которым стал – человека, стоящего в приватном кабинете одного из самых роскошных игорных домов Крышки, играющего свою роль в очередном спектакле, придуманном Казом Бреккером.

Игрок за столом поднял бокал шампанского, чтобы его наполнили, и Уайлен метнулся вперед, покинув свой пост у стены. Когда он доставал бутылку из серебряного ведерка со льдом, его руки дрожали, но годы, проведенные на приемах отца, не прошли даром. По крайней мере он знал, как правильно налить шампанское в бокал, чтобы оно не вспенилось. Уайлен так и слышал насмешливый голос Джеспера: «Поразительные навыки, маленький купец».

Он решил мельком взглянуть на товарища. Стрелок сидел за столом, согнувшись над картами. На нем была потрепанная военно-морская тужурка, обшитая маленькими золотыми звездочками. Мятая рубашка сияла белизной на фоне его смуглой кожи. Джеспер устало потер лицо. Они играли в карты уже больше двух часов. Уайлен даже не знал, напускная это усталость или настоящая.

Юноша наполнил еще один бокал, вспоминая указания Бреккера.

«Просто принимай заказы игроков и прислушивайся к разговору Смита, – сказал он. – Это работа, Уайлен. Выполняй».

Почему все называли это работой? На работу это совсем не похоже. Похоже на другое: как будто он оступился и внезапно начал падать. Похоже на панику. Тогда Уайлен принялся рассматривать комнату – трюк, которым он пользовался, чтобы справиться с силами, каждый раз, когда попадал в новое место или когда его отец пребывал в особенно дурном расположении духа. Он внимательно изучил узор из переплетенных звезд на полированном деревянном полу, лампы в форме ракушек на люстре из дутого стекла, обои из кобальтового шелка с ворсистыми серебряными облаками, нарисованными на них. Окон в помещении не было, чтобы не впускать естественный свет. Каз говорил, что их нет ни в одном игорном доме, потому что боссы хотят, чтобы игроки теряли счет времени.

Уайлен наблюдал, как Каз раздает новые карты Смиту, Джесперу и другим игрокам, сидящим за круглым столом. На нем был такой же небесно-голубой жакет, как на Уайлене, а вот перчатки Казу пришлось снять. Уайлен заставлял себя не пялиться. Дело не только в том, что видеть Каза с оголенными руками было странно и непривычно, а в том, как они двигались, управляемые, казалось, тайным механизмом, суть которого Уайлен не понимал. Когда он учился рисовать, он много раз рассматривал анатомический атлас. Он хорошо разбирался в мускулатуре, знал, как кости, суставы и связки соединяются друг с другом. Но руки Каза двигались так, словно были созданы исключительно для того, чтобы жонглировать картами. Длинные бледные пальцы сгибались в простом ритме, движения при раздаче карт были отто-

ченными, ни одного лишнего жеста. Каз заявлял, что может контролировать любую колоду. Тогда почему же Джеспер так чудовищно проигрывал?

Когда Бреккер изложил эту часть плана в их укрытии на острове Черной Вуали, Уайлен отнесся к затее скептически, и в кои веки он был не единственным, у кого были вопросы к Казу.

– Правильно ли я поняла, – начала Нина, – твой великий замысел заключается в том, чтобы дать Джесперу краткосрочный кредит и заставить его играть в карты с Корнелисом Смитом?

– Смиут нравятся блондинки и высокие ставки в «Ежевике на троих», – ответил Бреккер. – Мы дадим ему и то и другое. Я буду на раздаче первую половину вечера, а во второй подключится Шпект.

Уайлен плохо знал Шпекта. Он был бывшим моряком и членом «Отбросов» и управлял их шхуной, на которой они плыли в Ледовый Двор. Откровенно говоря, по мнению Уайлена, Шпект выглядел устрашающе – с этой седой бородой и татуировками, покрывавшими большую часть его шеи. Но даже в голосе Шпекта звучала обеспокоенность, когда он произнес:

– Я могу раздавать карты, Каз, но не умею контролировать колоду.

– Тебе и не надо. С того момента, как ты сядешь за стол, начнется честная игра. Главное – задержать Смита до полуночи. Когда заступит новая смена, мы можем потерять его. Как только я встану, он начнет думать о том, не пересест ли ему за другой стол или завершить вечер, так что сделайте все, что в ваших силах, чтобы его задница была крепко приклеена к стулу.

– Я справлюсь, – отозвался Джеспер.

Нина нахмурилась.

– Ну да, конечно, а еще я могу для второй части плана замаскироваться под торговца юрдой-паремом. И что может пойти не так?

Уайлен выразился бы немного иначе, но он был совершенно с ней согласен. Им следовало бы держать Джеспера подальше от игорных домов, а не поощрять его пристрастие к риску. Но Каз стоял на своем.

– Просто делай свою работу и проследи, чтобы Смит был полностью увлечен тобой до полуночи. Ты знаешь, что на кону.

Все знали. Жизнь Инеж. И как Уайлен мог с этим поспорить? Он чувствовал вину всякий раз, когда думал об этом. Ван Эк сказал, что будет ждать выдачи Кювея Юл-Бо в течение семи дней, а затем начнет пытать Инеж. Их время подходило к концу. Уайлен знал, что никак не мог помешать отцу подставить их команду и похитить девушку. *Знал*, но все равно чувствовал себя виноватым.

– И что я должна делать с ним после полуночи? – спросила Нина.

– Попытайся уговорить его провести с тобой ночь.

– Что?! – прошипел Матиас, краснея до кончиков ушей.

– Он откажется.

Нина хмыкнула.

– Черта с два.

– Нина... – прорычал Матиас.

– Смит никогда не жульничает в игре и не обманывает свою жену, – сказал Каз. – Он такой же, как и половина любителей, расхаживающих по Бочке. Большую часть времени он почтенный и порядочный человек – строгая экономия и полбокала вина за ужином. Но раз в неделю ему нравится чувствовать себя таким отщепенцем, соревнующимся в острословии с крупными шишками Восточного Обруча. И он любит, когда в такие вечера рядом сидит красивая блондинка.

Нина надулась.

– Если он такой правильный, почему ты хочешь, чтобы я попыталась...

– Потому что Смит купается в золоте, и любая уважающая себя девушка с Западного Обруча непременно попыталась бы.

– Мне это не нравится, – нахмурился Матиас.

Губы Джеспера расплылись в безрассудной, фирменной улыбке стрелка.

– Давай будем откровенными, Матиас, тебе вообще мало что нравится.

– Задержите Смита в «Кучевых облаках» с восьми до полуночи, – распорядился Каз. – Это четыре часа игры, так что не теряйте бдительность.

Нина определенно справлялась с этой задачей, и Уайлен не знал, восхищаться ему или волноваться. Девушка была одета в прозрачное лавандовое платье, оснащенное каким-то подобием корсета, который поднимал ее грудь до тревожных высот, и, хотя она сильно похудела после своей борьбы с паремом, Смицу все равно было за что ухватиться. Она уверенно устроилась у него на колене, обхватив мужчину за плечи, и что-то ласково мурлыкала ему на ухо, поглаживая его грудь и время от времени просовывая руку под рубашку, напоминая гончую, выискивающую лакомство. Остановившись она исключительно для того, чтобы заказать устриц или еще одну бутылку шампанского. Уайлен знал, что Нина в состоянии справиться с любым мужчиной и в любой ситуации, но ему не нравилось, что ей приходится сидеть полуголой на коленях какого-то плотоядно ухмыляющегося адвоката в продуваемой сквозняками комнате игорного дома. Как минимум она может простудиться.

Джеспер в очередной раз бросил карты и раздраженно выдохнул. Последние два часа он медленно проигрывал. Парень осторожно делал ставки, но, похоже, ни удача, ни Каз не были сегодня на его стороне. И как им удержать Смита за столом, если у Джеспера закончатся деньги? Хватит ли других игроков с высокими ставками для приманки? В комнате их было несколько – они маячили у стен, наблюдали за игрой, и каждый надеялся занять местечко, если кто-то проиграет всю наличность. Никто из них понятия не имел, какую на самом деле игру затеял Каз.

Когда Уайлен наклонился, чтобы наполнить бокал Нины, то услышал бормотание Смита:

– Карточная игра как дуэль. Маленькие порезы и выпады, которые готовят сцену к финальному смертельному удару, – он глянул на Джеспера. – Этот паренек залил весь стол своей кровью.

– Не представляю, как тебе удается держать все правила в голове, – хихикнула Нина.

Смит довольно улыбнулся.

– Это все мелочи по сравнению с ведением бизнеса.

– Для меня это тоже потемки.

– Я и сам порой удивляюсь, как мне это удастся, – вздохнул Смит. – Неделя выдалась тяжелой. Один из моих клерков так и не вернулся из отпуска, а это значит, что у меня не хватает рабочих рук.

Уайлен чуть не выронил бутылку, и шампанское плеснуло на пол.

– Я плачу, чтобы пить, а не купаться в нем, парень! – рявкнул Смит. Затем промокнул штаны и пробурчал: – Вот что бывает, когда нанимаешь иностранцев.

«Он говорит обо мне», – догадался Уайлен и поспешил отойти. Он никак не мог привыкнуть к своим новым шуханским чертам. Он даже не говорил на шуханском – факт, который не беспокоил его до того момента, пока два туриста с картой не остановили его в Восточном Обруче. Уайлен запаниковал, суетливо пожал плечами и кинулся к служебному входу в клуб.

– Бедный мальчик, – сказала Нина Смицу, провела пальцами по его редющим волосам и поправила один из цветков, прикрепленных к ее шелковистым светлым накладным локонам. Уайлен не знал, говорила ли она Смицу, что работает в «Синем ирисе», но он наверняка и сам так предположил.

Джеспер откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по рукояткам револьверов. Это движение привлекло внимание адвоката.

– Какие красивые пушки. Настоящий перламутр, если я не ошибаюсь? – сказал Смит тоном человека, который редко ошибается. – У меня у самого неплохая коллекция огнестрельного оружия, но ни одно из них и в подметки не годится земенским магазинным револьверам.

– О, я бы с радостью посмотрела на твою пушку, – проворковала Нина, и Уайлен закатил глаза, уставившись в потолок. – Мы что, всю ночь будем тут сидеть?

Парень попытался скрыть изумление. Разве суть их плана не состояла в том, чтобы заставить его остаться? Но, судя по всему, Нине было виднее, потому что на лице адвоката появилась упрямая гримаса.

– Тихо ты! Если выигрыш будет крупным, может быть, я куплю тебе что-нибудь красивое.

– Я закажу еще одну порцию устриц.

– Но ты и эту не доела.

Уайлен заметил, как задрожали ноздри Нины, словно она делала глубокий вдох. С тех пор как она оправилась после болезни, вызванной паремом, девушка потеряла аппетит, и он даже не представлял, как ей удалось проглотить почти дюжину устриц.

Теперь он наблюдал, как она доела оставшиеся и передернулась.

– Вкуснотища, – выдавила Нина, покосившись на Уайлена. – Давай попросим еще.

Это был сигнал. Уайлен подскочил и забрал большой поднос со льдом и пустыми раковинами.

– Ненасытная дамочка, – улыбнулся Смит.

– Устриц, сударыня? – спросил Уайлен чересчур высоким голосом. – Креветок в масле? – теперь голос чересчур низкий.

– Давайте все, – потворствовал девушке Смит. – И еще шампанского.

– Чудесно, – сказала Нина, и ее лицо слегка позеленело.

Уайлен бросился через распашные двери в служебную кладовую. Она была забита тарелками, столовыми приборами, салфетками и оловянными ванночками со льдом. Большую часть дальней стены занимал кухонный лифт, а рядом с ним находилась переговорная трубка, позволяющая передавать заказы на кухню. Уайлен поставил поднос со льдом и раковинами на стол, а затем связался с поваром, чтобы заказать еще устриц и креветок в масле.

– О, и еще одну бутылку шампанского.

– Какого урожая?

– Э-э... того же? – он слышал, как друзья его отца обсуждали, в какие вина стоит вкладывать деньги, но не доверял себе до такой степени, чтобы выбрать год.

К тому времени как он вернулся в зал с заказом, Каз уже поднимался из-за стола. Он сделал вид, что стряхивает пыль с рук – знак того, что крупье закончил смену. Шпект занял его место. На шее моряка был повязан синий шелковый платок, чтобы скрыть татуировки. Он поправил манжеты и попросил игроков повысить ставки или обналичить фишки.

Каз встретился взглядом с Уайленом и исчез в кладовой.

Вот и настал момент истины. Как объясняли Каз и Джеспер, игрок часто верит, что его удача напрямую связана с крупье, и прекращает игру, когда заступает новая смена.

Уайлен с тревогой наблюдал, как Смит потянулся и шлепнул Нину по мягкому месту.

– Хорошая игра, – сказал он, глядя на Джеспера, который уныло смотрел на свою скудную стопку оставшихся фишек. – Давай поищем ставки покрупнее в другом месте.

– Но мне только что принесли заказ! – надула губки Нина.

Уайлен шагнул вперед, не зная, что сказать, но зная то, что они обязаны задержать Смита.

– Вам все понравилось, сэр? Могу ли я предложить вам и даме что-нибудь еще?

Смит не ответил ему, но продолжал поглаживать Нину ниже спины.

– В Крышке полно мест, где деликатесы и обслуживание на уровень выше, чем здесь, дорогая.

Крупный мужчина в полосатом костюме подошел к Смиту с явным намерением занять его место.

– Обналичиваете?

Смит по-дружески кивнул Джесперу.

– Похоже, не я один, да? В следующий раз больше повезет.

Тот не улыбнулся.

– Я еще не закончил.

Адвокат указал на унылую стопку фишек Джеспера.

– А похоже, что закончили.

Джеспер встал и потянулся к револьверам. Уайлен сжал в руках бутылку шампанского, а другие игроки отпрянули от стола, готовясь вытащить свое оружие или спрятаться в укрытии. Но Джеспер просто снял ремень. Затем аккуратно положил револьверы на стол, ласково проведя пальцами по их перламутровой кромке.

– Сколько вы готовы за них отдать?

Уайлен попытался поймать взгляд друга. Было ли это частью плана? А если и так, о чем Джеспер думал? Он любил эти револьверы. С тем же успехом он мог отрезать себе руку и кинуть ее в кипящий котел.

Шпект прочистил горло.

– Наш клуб – не ломбард. Мы принимаем только наличные или заем из Геменсбанка.

– Я поддержу ставку, – сказал Смит с напускным равнодушием, – если это поможет продолжить игру. Тысяча крюге за пушки?

– Они стоят в десять раз больше.

– Пять тысяч.

– Семь.

– Шесть, и то потому, что я сегодня щедрый.

– Нет! – выпалил Уайлен, и в зале воцарилась тишина.

– Не помню, чтобы я просил твоего совета, – процедил Джеспер ледяным тоном.

– Какая наглость! – возмутился Смит. – С каких пор официанты имеют право вмешиваться в игру?

Нина сердито посмотрела на Уайлена, а в голосе Шпекта звучала ярость, когда он сказал:

– Господа, так мы продолжим игру? Повышаем ставки!

Джеспер пододвинул револьверы Смиту, а тот протянул ему высокую стопку фишек.

– Хорошо, – сказал Джеспер, и его серые глаза потускнели. – Раздавай.

Уайлен отошел от стола и быстро скрылся в кладовой. Поднос со льдом и раковинами исчез, и Каз уже ждал его. Бреккер накинул длинный оранжевый плащ поверх голубого жакета. На руках снова были перчатки.

– Каз, – с отчаянием начал Уайлен. – Джеспер только что поставил свои револьверы!

– Сколько он за них получит?

– Какая разница? Он...

– Пять тысяч крюге?

– Шесть.

– Хорошо. Даже Джеспер не сможет проиграть их меньше чем за два часа, – он бросил Уайлену плащ и маску – костюм Серого Бесенка, одного из персонажей «Зверской Комедии». – Пойдем.

– Я?

– Нет, тот идиот позади тебя, – Каз поднял переговорную трубку и сказал: – Пришлите нового официанта. Этот умудрился облить шампанским туфли важного гостя.

Кто-то с кухни рассмеялся и ответил:

– Сейчас пришлем.

Через минуту они спустились по лестнице и вышли через служебный вход. Их костюмы позволяли оставаться неузнанными в толпе Восточного Обруча.

– Ты знал, что Джеспер проиграет. Лично позаботился об этом, – произнес Уайлен обвинительным тоном. Каз редко брал с собой трость, когда они бродили по тем районам города, где его хорошо знали. Но, несмотря на хромоту Бреккера, Уайлену было нелегко за ним поспеть.

– Естественно. Я контролирую игру, Уайлен, или не играю вообще. Я мог бы сделать так, чтобы Джеспер выигрывал каждую раздачу.

– Тогда почему...

– Мы пришли не для того, чтобы обыграть кого-то в карты. Мы хотели, чтобы Смит оставался за столом. Он пялился на револьверы так же похотливо, как разглядывал декольте Нины. Теперь он верит, что ему предстоит хорошая ночка – если он проиграет, все равно продолжит игру. Кто знает? Возможно, Джесперу даже удастся вернуть свои пистолеты.

– Очень на это надеюсь, – буркнул Уайлен, когда они сели в шлюпку, забитую туристами, и поплыли к югу Обруча.

– Надейся.

– Что это значит?

– Такие игроки, как Джеспер, выигрывают пару раздач и начинают думать, что у них наступила полоса удачи. В конце концов они проигрывают, но это только еще пробуждает в них азарт. На это все и рассчитано.

«Тогда зачем было отправлять его в игорный дом?» – подумал Уайлен, но промолчал. И зачем заставлять Джеспера расставаться с единственной вещью, которая так много для него значит? Должны же были найтись и другие способы, чтобы задержать Смита за столом. Но все эти вопросы были второстепенными. Главный вопрос заключался в том, почему Джеспер вообще согласился пойти на такое. Может, он все еще жаждал одобрения Каза, надеясь занять свое место под солнцем после промаха, который привел к засаде на доках, едва не стоившей Инеж жизни? Или же он хотел от Каза чего-то большего, чем прощения?

«Что я здесь делаю?» – снова удивлялся Уайлен. Он обнаружил, что машинально грызет большой палец, и заставил себя остановиться. Он здесь ради Инеж. Она много раз спасала их жизни, и он об этом не забудет. Он здесь еще и потому, что отчаянно нуждается в деньгах. А если есть и другая причина, высокая, долговязая причина, пристрастившаяся к азартным играм, он не собирается сейчас о ней думать.

Добравшись до окраины Бочки, Уайлен и Каз сняли плащи и голубые жакеты и зашагали в сторону района Зельвер.

Матиас ждал их под темным переходом у Хандельканала.

– Все чисто? – спросил Каз.

– Чисто, – ответил громадный фьерданец. – Свет на верхнем этаже дома Смита погас час назад, но я не знаю, спит ли прислуга.

– У него только приходящие горничная и повар, – хмыкнул Каз. – Он слишком жадный, чтобы держать домашних слуг.

– Как...

– Нина в порядке. Джеспер тоже. Все в порядке, кроме меня, потому что я связался с бандой нервных нянек. Стой на стреме.

Уайлен пожал плечами, выражая сочувствие Матиасу, который выглядел так, словно подумывал разmozжить голову Каза об стену, и поспешил за Бреккером. Дом Смита, где находилась и его контора, располагался на темной безлюдной улице. Вдоль канала светили фонари, в некоторых окнах горели свечи, но после десяти большинство уважаемых жителей этого района отходили ко сну.

– Мы просто войдем через входную дверь?

– Вместо того чтобы болтать, смотри в оба, – огрызнулся Каз, и в его руках в перчатках блеснули отмычки.

«*Я так и делаю*», – подумал Уайлен. Но это было не совсем так. Он обратил внимание на пропорции дома, разглядел остроконечную крышу, розы, расцветающие на подоконниках. Но он не смотрел на дом как на головоломку. Теперь парень с раздражением признал, что ее было легко решить. Район Зельвер был зажиточным, но не по-настоящему богатым – здесь обитали успешные ремесленники, бухгалтеры и барристеры. Хотя дома были крепкими и опрятными, с видом на широкий канал, они теснились друг к другу и не могли похвастаться большими садами или частными причалами. Чтобы добраться до окон верхних этажей, им с Казом пришлось бы забраться в соседний дом, а значит, взломать два замка вместо одного. Проще рискнуть и пройти через входную дверь, и вести себя так, словно они имеют полное право тут находиться, – даже если Каз собирается отпереть дверь с помощью отмычек, а не ключей.

«Смотри в оба». Но Уайлен не видит мир таким, каким видит его Бреккер. И как только они получают свои деньги, ему и не придется этого делать.

Через мгновение Каз нажал на ручку, и дверь распахнулась. В ту же секунду Уайлен услышал топот лап, царапанье когтей по дереву, гортанные рыки, и в прихожую выбежала стая гончих Смита, скаля зубы. Прежде чем собаки сообразили, что пришел не хозяин, а посторонние, Каз зажал между губами свисток Смита и дунул в него. Нине удалось отделить его от цепочки, которую адвокат всегда носил на шее, и спрятать в пустую устричную раковину, которую Уайлен отнес на кухню.

Из свистка не донеслось ни звука... по крайней мере, Уайлен его не услышал. «*Не работало*», – подумал он, представляя, как огромные челюсти собак кромсают его горло. Но псы резко остановились, недоуменно врезаясь друг в друга.

Каз снова дунул, поджав губы в такт новой команде. Гончие притихли и легли на пол с недовольным повизгиванием. Одна даже перекатилась на спину.

– И почему людей нельзя так легко натренировать? – пробурчал Каз, присаживаясь на корточки, чтобы почесать пузо послушной собачки; его руки в черных перчатках поглаживали короткую шерстку. – Закрой за собой дверь.

Уайлен сделал, как было велено, и прижался к двери, настороженно посматривая на свору собак, готовых служить. Весь дом пропах псинами – мокрой шерстью, сальными шкурами, горячим дыханием и смердящим сырым мясом.

– Не любишь животных? – полюбопытствовал Каз.

– Мне нравятся собаки. Но не те, что размером с медведей.

Уайлен знал, что настоящую проблему дома Смита было не так просто решить даже Бреккеру. Каз мог взломать любой замок и обхитрить любую охранную систему, но ему не удавалось придумать простой способ обойти кровожадных гончих Смита, чтобы они не мешали его замыслу. В дневное время гончих держали в псарне, но ночью им позволяли бродить по дому, пока семья Смита мирно посапывала в богато обставленных спальнях на третьем этаже. Лестница, ведущая на этот этаж, была ограждена железной решеткой. Смит лично выгуливал своих питомцев вдоль Хандельканала, плетясь за ними, как пузатый каюр¹ в дорогой шляпе.

Нина предложила подсыпать снотворное в собачью еду. Смит каждое утро ходил к мяснику, чтобы выбрать вырезку для своих псов, и подменить свертки не составило бы труда. Но Смит хотел, чтобы его псы оставались голодными ночью, поэтому кормил их только утром. Он бы заметил, если бы его драгоценные гончие ходили вялые весь день, и велика была вероятность, что мужчина останется дома, чтобы приглядывать за псами. Отбросам же было нужно, чтобы он провел вечер в Восточном Обруче, а затем, вернувшись домой, не обнаружил ничего подозрительного. От этого зависела жизнь Инеж.

---

¹ Каю'р – погонщик собак или оленей, запряженных в нарты.

Каз арендовал приватный кабинет в «Кучевых облаках», Нина умыкнула свисток из-под рубашки Смита, и, кусочек за кусочком, их пазл сложился. Уайлен даже думать не хотел о том, на что им пришлось пойти, чтобы узнать команды для собак. Парня передернуло, когда он вспомнил слова Смита: «Один из моих клерков так и не вернулся из отпуска». И никогда уже не вернется. Уайлен все еще не мог забыть, как кричал бедолага, когда Каз держал его за лодыжку, свесив с верхушки маяка Ханрад Пойнт. «Я хороший человек! – вопил он. – Я хороший человек!» Это были его последние слова. Болтай он меньше, может быть, и выжил бы.

Теперь Уайлен смотрел, как Каз чешет сонную собаку за ухом и встает.

– Пойдем. Смотри под ноги.

Они обошли груды собачьих тел в прихожей и тихо прокрались вверх по лестнице. Уайлену была известна планировка дома Смита. Большинство дельцов города руководствовались одной и той же схемой расположения: кухня и комнаты для встреч с клиентами на первом этаже, кабинеты и хранилище на втором, семейные спальни на третьем. В очень богатых домах имелся и четвертый этаж для прислуги. В детстве Уайлен проводил там долгие часы, прячась в верхних комнатах от своего отца.

– Даже не заперто, – пробормотал Каз, когда они вошли в кабинет Смита. – Из-за собак он совсем забыл об осторожности.

Бреккер закрыл дверь и зажег лампу, подкрутив фитиль, чтобы уменьшить пламя.

В кабинете было три небольших стола, расставленных у окон так, чтобы на них падал естественный свет – один для Смита и два для его клерков. «Я хороший человек».

Уайлен отогнал это воспоминание и сосредоточил свое внимание на полках, тянувшихся от пола до потолка. На них выстроились гроссбухи и коробки, набитые документами, к каждой из которых была аккуратно приклеена бумажка – наверняка с именами клиентов и названиями компаний, предположил Уайлен.

– Сколько простофиль, – присвистнул Каз, пробегая взглядом по коробкам. – Натен Борег, и тот жалкий маленький крысеныш Карл Драйден. Смит представляет интересы половины Торгового совета.

Включая отца Уайлена. Сколько парень себя помнил, Смит был адвокатом Яна Ван Эка и управлял его имуществом.

– С чего начнем? – прошептал он.

Каз достал толстый гроссбук с полки.

– Сначала убедимся, что твой отец не делал новых приобретений на свое имя. Затем поищем на твоё имя и имя твоей мачехи.

– Не называй ее так! Элис едва ли старше меня. И отец не стал бы записывать имущество на мое имя.

– Ты даже не представляешь, на что готовы пойти люди, чтобы избежать уплаты налогов.

Почти весь следующий час они копались в папках Смита. Им и без того все было известно о государственном имуществе под управлением Ван Эка: о фабриках, гостиницах, заводах, верфи, загородном доме и сельскохозяйственных угодьях на юге Керчии. Но Каз считал, что у отца Уайлена должны быть и частные владения, места, которые не указаны в публичном реестре, укромные уголки, где он мог бы спрятать что-то – или кого-то – подальше от посторонних глаз.

Каз зачитывал имена и записи из гроссбуха вслух, задавая Уайлену вопросы и пытаясь найти связь с недвижимостью или компаниями, о которых они еще не слышали. Уайлен знал, что ничем не обязан своему отцу, но все равно чувствовал себя предателем.

– «Гельдспин»? – спросил Бреккер.

– Хлопкопрядильная фабрика. Кажется, в Зирфорте.

– Слишком далеко. Он не стал бы прятать ее там. Как насчет компании «Аллербест»?

Уайлен порылся в памяти.

– Вроде бы консервный завод.

– Оба этих предприятия буквально печатают деньги и записаны на имя Элис. Но крупное имущество Ван Эк оставил себе – верфь, силосные башни в Сладком Рифе.

– Я же говорил тебе, – пробубнил Уайлен, выводя пером закорючки на промокательной бумаге. – В первую очередь отец доверяет себе, Элис – лишь в малой степени. И он бы ничего не записал на мое имя.

Каз просто сказал:

– Следующий гроссбух. Начнем с коммерческой недвижимости.

Уайлен перестал рисовать.

– Там *есть* что-то на меня?

Каз откинулся с вызывающим видом.

– Типография.

Все та же старая шутка. Тогда почему она так его задела? Уайлен отложил перо.

– Ясно.

– Я бы не назвал его тонким юмористом. «Эйл Комеди» тоже записан на тебя.

– Ну, еще бы, – хмыкнул Уайлен, жалея, что не смог скрыть горечи в своем голосе. Очередная тайная насмешка, любимое развлечение его отца: заброшенный остров, на котором не было ничего, кроме сломанного парка развлечений. Бесплезное место для его бесплезного, неграмотного сына. Не стоило и спрашивать.

По мере того как шли минуты и Каз продолжал читать вслух, Уайлен все больше тревожился. Если бы он умел читать, они бы просмотрели папки в два раза быстрее. И Уайлен уже знал бы всю подноготную о делах своего отца.

– Я тебя задерживаю.

Каз открыл еще одну подшивку документов.

– Я знал, сколько времени это займет. Какую фамилию носила твоя мать?

– На нее ничего нет.

– Ну порадуй меня.

– Хендрикс.

Каз подошел к полкам и взял другой гроссбух.

– Когда она умерла?

– Мне было восемь, – Уайлен снова поднял перо. – Отец изменился в худшую сторону после ее смерти. – По крайней мере, так он запомнил. Месяцы после кончины его мамы превратились в размытое пятно скорби и тишины. – Он не позволил мне пойти на ее похороны. Я даже не знаю, где она погребена. И вообще, почему вы постоянно это повторяете? «Ни траура, ни похорон»? Почему бы просто не пожелать друг другу удачи или не попросить беречь себя?

– Мы предпочитаем не завышать ожиданий. – Каз провел пальцем по колонке цифр и остановился. Его взгляд забегал туда-сюда между гроссбухами, а затем он захлопнул книги в кожаных переплетах. – Пошли.

– Ты что-то нашел?

Он кивнул.

– Я знаю, где она.

Уайлен был уверен, что ему не померещилось напряжение в хриплом голосе напарника. Каз никогда не кричал так, как отец Уайлена, но парень научился слышать в голосе Бреккера ту низкую ноту, ту долю черного аккорда, появлявшиеся, когда дело начинало принимать плохой оборот. Он слышал ее после драки на доках, когда Инеж истекала кровью от ножа Омена, и потом, когда Каз узнал, что именно Пекка Роллинс пытался устроить им засаду, и еще раз, когда отец Уайлена надул их. Особенно четко и ясно он слышал ее на маяке, когда клерк молил о пощаде.

Уайлен наблюдал, как Каз приводит комнату в порядок. Он переместил конверт немного влево, немного приоткрыл ящик с самыми крупными папками и отодвинул кресло от стола на пару сантиметров. Закончив, он осмотрел комнату, забрал из рук Уайлена перо и осторожно положил его туда, где оно лежало.

– Хороший вор как хороший яд, маленький купец. Он не оставляет следов, – Каз затушил лампу. – Твой отец занимается благотворительностью?

– Нет. Он платит Гезену десятину, но считает, что благотворительность лишает людей возможности честно зарабатывать на жизнь.

– Ну, он делал пожертвования церкви Святой Хильды в течение последних восьми лет. Если хочешь отдать дань уважения матери, то советую начать отсюда.

Уайлен в недоумении уставился на Каза в темной комнате. Он никогда не слышал о церкви Святой Хильды. И ни разу не видел, чтобы Грязные Руки делился хоть малейшей информацией без какой-либо выгоды.

– Что...

– Если Нина и Джеспер справились со своей задачей, Смит скоро вернется домой. Мы не должны торчать здесь, когда он придет, или весь наш план покатится к чертям собачьим. Пошли.

Уайлен ощущал себя так, словно его стукнули по голове гроссбухом, а затем велели просто забыть об этом.

Каз приоткрыл дверь. Оба резко остановились.

За плечом Бреккера Уайлен увидел маленькую девочку, стоящую на лестничном пролете и опирающуюся на шею одного из крупных серых псов. С виду ей было не больше пяти, пальчики ее ног едва выглядывали из-под края фланелевой ночной рубашки.

– Ох, Гезен, – пропищал Уайлен.

Каз вышел в коридор, прикрывая за собой дверь. Уайлен замешкался в темноте кабинета, не зная, что ему делать, и боясь того, что мог сделать Каз.

Малышка посмотрела на Бреккера круглыми глазами и перестала сосать большой палец.

– Вы работаете на моего папу?

– Нет.

На Уайлена снова нахлынуло воспоминание: «Я хороший человек». Они устроили клерку засаду у выхода из «Зверинца» и затащили его на вершину маяка. Каз держал его за лодыжки, и мужчина обмочился, крича и моля о пощаде, прежде чем наконец выдать команды для собак Смита. Каз собирался уже втянуть его обратно, но тут клерк начал предлагать им разные вещи – деньги, номера банковских счетов клиентов Смита, а затем: «У меня есть информация об одной девушке из «Зверинца», земенке».

Каз остановился: «Что ты накопал на нее?»

Тогда-то Уайлен и услышал эту низкую, опасную предупреждающую нотку. Но клерк не знал Каза, не заметил изменений в его грубом, скрипучем голосе. Он думал, что нащупал рычаг, то, чего хочет Каз.

«Один из клиентов дарит ей дорогие подарки. Вместо того чтобы отдавать эти деньги, она оставляет их себе. Знаете, что Павлин сделала в прошлый раз с девушкой, которую поймала на этом?»

«Знаю, – ответил Каз, и его глаза заблестели, как острие опасной бритвы. – Танте Хелен забила ее до смерти».

«Каз», – попытался вмешаться Уайлен, но клерк продолжал трещать.

«Прямо в гостиной. Девчонка знает, что ей крышка, если я об этом расскажу. Она обслуживает меня бесплатно, чтобы я держал рот на замке. Тайно проводит меня внутрь. Она проведет и вас, и ваших друзей. Сделает все, что пожелаете!»

«Если Танте Хелен узнает, то убьет твою земенку. В назидание другим девушкам».

«Да! – мужчина жадно глотал воздух. – Она согласится на все, что вы захотите, на все!»

Каз, все еще державший клерка за лодыжку, медленно ослабил хватку, и тот начал выскользывать. «Ужасно, не правда ли? Знать, что кто-то держит твою жизнь в своих руках».

Клерк понял свою ошибку, и его голос поднялся на октаву: «Она всего лишь девушка из борделя! – закричал он. – Ей известно, что к чему! Я хороший человек. Я хороший человек!»

«В Кеттердаме нет хороших людей, – ухмыльнулся Каз. – Климат не позволяет». А затем он просто расжал руку.

Уайлена передернуло. Теперь, сквозь щель в двери он видел, как Каз присел на корточки, чтобы посмотреть девочке в глаза.

– Как зовут этого здоровяка? – спросил он, кладя руку на морщинистую шею собаки.

– Это Маэстро Спотс.

– Неужели?

– Он очень громко воет. Папа разрешает мне давать имена всем щенкам.

– И Маэстро Спотс – твой любимчик?

Она призадумалась, а затем покачала головой.

– Больше всех мне нравится Герцог Аддам фон Сильверхаунч, на втором месте Лохма-тик, а *потом* уже Маэстро Спотс.

– Рад знать, Ханна.

Ее маленькие губки округлились.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Я знаю имена всех детей.

– Правда?

– О да. Знаю имя Альберта, который живет по соседству, и Гертруды с Аммерштраг. Я живу под их кроватями и в глубине шкафов.

– Я знала! – ахнула малышка со страхом и торжеством в голосе. – Мама говорила, что там никого нет, но я знала. – Она склонила голову набок. – Вы не похожи на монстра.

– Расскажу тебе секрет, Ханна. Настоящие монстры никогда не похожи на монстров.

Теперь нижняя губа девочки задрожала.

– Вы пришли меня съесть? Папа говорит, что монстры едят детей, которые не слушаются, когда им велят идти спать.

– Едят. Но я не стану. Не сегодня. Если ты выполнишь две мои просьбы, – его голос звучал спокойно, почти гипнотически. В нем слышался скрип натертого канифолью смычка. – Первая: ты должна немедленно отправиться в кровать. И вторая: ты никогда *никому* не расскажешь, что видела нас, особенно своему отцу. – Он наклонился и игриво дернул Ханну за косичку. – Иначе, если ты это сделаешь, я перережу глотку твоим маме и папе, а затем вырву сердца у твоих миленьких слюнявых собачек. Герцога Сильверхаунча я оставлю на десерт, чтобы ты поняла, что все это – твоя вина.

Лицо маленькой девочки стало таким же белым, как кружево на вороте ее ночной сорочки, глаза расширились и заблестели, как молодой месяц.

– Ты все поняла?

Она яростно закивала, ее подбородок дрожал.

– Ну, ну, не надо слез. Они лишь пробуждают аппетит у монстров. Бегом в постель и возьми с собой этого бесполезного Маэстро Спотса.

Она ринулась по лестничному пролету и взобралась наверх. На полпути девочка испуганно оглянулась на Каза. Он прижал к губам палец в перчатке.

Когда Ханна ушла, Уайлен выскользнул из-за двери и последовал за Бреккером вниз по ступенькам.

– Как ты мог наговорить ей такого? Она просто ребенок.

– Все мы когда-то были просто детьми.

– Но...

– Либо это, либо мне пришлось бы сломать ей шею и подстроить все так, словно она упала с лестницы, Уайлен. По-моему, я проявил поразительную сдержанность. Шевелись.

Они пробрались между оставшимися собаками, которые все еще валялись в прихожей.

– Удивительно, – поднял брови Каз. – Скорее всего, они бы пролежали так всю ночь.

Он дунул в свисток, и они вскочили, готовые оборонять дом. Когда Смит вернется, то все будет так, как и должно быть: псы патрулируют первый этаж, кабинет на втором в сохранности, жена посапывает в своей уютной спальне на третьем, а дочь делает вид, что занята тем же.

Каз осмотрел улицу, а затем махнул Уайлену, задержавшись только для того, чтобы запереть за собой дверь.

Они быстро пошли по мостовой. Уайлен оглянулся через плечо. Ему до сих пор до конца не верилось, что их план удался.

– Хватит оглядываться, словно боишься, что тебя преследуют, – рявкнул Каз. – И не беги. Ты выглядишь таким виноватым, точно играешь роль в пьесе «Вор номер три», дешевой постановке Восточного Обруча. В следующий раз шагай как обычно. Попытайся сделать вид, что здесь тебе и место.

– Следующего раза не будет.

– Конечно, нет. Подними воротник.

Уайлен не стал спорить. Пока они не спасут Инеж, пока они не получают обещанные деньги, он не сможет ставить никаких ультиматумов. Но когда-нибудь этому придет конец. Ведь так?

Матиас издал высокую трель с другого конца улицы. Каз посмотрел на часы и быстро взъерошил себе волосы, чтобы они торчали в разные стороны.

– Как раз вовремя.

Они завернули за угол и наткнулись напрямиком на Корнелиса Смита.

3. Матиас

Матиас прятался в тени и наблюдал, как разворачивается этот странный спектакль.

Корнелис Смит споткнулся, потерял равновесие, и его котелок начал сползать с облысевшей головы. Парень, налетевший на него, шагнул вперед и предложил свою помощь.

Этим парнем был Каз, но в то же время и не Каз. Его темные волосы беззаботно топорщились во все стороны. Казалось, что он не на шутку взволнован. Глаза опущены, подбородок спрятан в воротнике, словно он безумно смущен – образец юноши, уважающего старших. Уайлен маячил у него за спиной и так сильно ежился в своем плаще, что, казалось, вот-вот в нем утонет.

– Смотрите, куда идете! – возмущенно фыркнул Смит, поправляя котелок.

– Мне очень жаль, сэр, – залепетал Каз, разглаживая плечики его сюртука. – Всею виной моя неуклюжесть! – он наклонился к мостовой. – Боже правый, по-моему, вы уронили бумажник.

– Действительно! – удивился Смит. – Спасибо. Спасибо вам большое. – А затем Матиас, не веря своим глазам, увидел, как адвокат открывает бумажник и достает новенькую хрустящую банкноту в пять крюге. – Держите, молодой человек. Порядочность должна вознаграждаться.

Каз не поднимал головы, но каким-то образом ему удалось выразить скромную признательность, когда он сказал:

– Вы слишком любезны, сэр. Слишком любезны. Да будет Гезен с вами так же щедр, как вы со мной.

Тучный адвокат пошел своей дорогой, так и не вернув котелок на место, и начал напевать тихую мелодию, даже не догадываясь, что только что столкнулся с тем же крупье, который два часа назад сидел напротив него в клубе «Кучевые облака». Смит подошел к двери своего дома и вытащил цепочку из-за воротника рубашки. Затем начал лихорадочно похлопывать себя по сюртуку, пытаясь найти свисток.

– Ты не повесил его на цепочку? – спросил Матиас, когда Каз и Уайлен присоединились к нему в темной арке. Он знал, что подобный фокус был вполне по силам Бреккеру.

– Не стал утруждаться.

Смит засунул руку себе под рубашку и достал свисток, после чего открыл дверь, снова напевая под нос. Матиасу это казалось непостижимым. Он постоянно следил за руками Каза, пока тот суетился рядом со Смитом, но, даже зная, что он собирается вернуть свисток, не заметил, когда именно Бреккер провернул свой трюк. Фьерданец боролся с искушением притащить Смита обратно и заставить Каза повторить все сначала.

Бреккер пригладил волосы и вручил пять круге Уайлену.

– Не трать все в одном месте. Пойдемте.

Матиас повел их к узкому боковому каналу, где он пришвартовал лодку. Затем бросил Казу трость, и они заняли свои места. Каз поступил мудро, не взяв ее сегодня с собой. Если бы кто-нибудь заметил парня с тростью с набалдашником в виде головы ворона, околачивающегося у дома Корнелиса Смита в столь необычное время, и каким-то образом сведения об этом дошли до ушей Ван Эка, вся их работа пошла бы насмарку. Чтобы вернуть Инеж, им нужен эффект неожиданности, а *демжин* был не из тех, кто оставлял что-то на волю случая.

– Ну? – спросил Матиас, когда лодка поплыла по темным водам канала.

– Придержи язык, Хельвар. Слова любят пускать рябь по воде. Лучше сделай что-нибудь полезное и гребь веслами.

Матиас едва подавил желание сломать эти чертовы весла пополам. Почему Каз не мог общаться цивилизованно? Парень раздавал приказы так, словно ожидал, что все остальные безоговорочно последуют его командам, а после того как Ван Эк похитил Инеж, стал еще более невыносимым. Но Матиас хотел как можно быстрее добраться до Черной Вуали и Нины и потому сделал, как было велено. Его плечи сгибались от напряжения, пока лодка двигалась против течения.

Чтобы чем-то себя занять, он выискивал ориентиры, пытаясь запомнить улицы и названия мостов. Хотя Матиас и изучал карту города каждую ночь, как оказалось, клубки переулков и каналов Кеттердама было почти невозможно распутать. Он всегда гордился своим внутренним компасом, но этот город взял над ним верх, и фьерданец часто проклинал того безумца, который додумался основать город на болотах и построить его без всякого порядка или вне логики.

Как только они проплыли под Хавенбриджем, он с облегчением обнаружил, что начал снова узнавать местность. Каз повернул весла, подталкивая их лодку в угрюмые воды Горба Попрошайки, где канал расширился, и направил ее дальше к отмели острова Черная Вуаль. Они спрятали лодку за ниспадающими ветвями белой ивы и начали пробираться между могилами, усеявшими крутой берег.

Черная Вуаль была жутковатым местом – миниатюрным городком из белых мраморных мавзолеев, большинство которых были вырезаны в форме кораблей; их каменные носовые фигуры плакали, рассекая невидимое море. На одних была отчеканена покровительственная монета Гезена, на других изображены три летающие рыбки Керчии, которые, по словам Нины, означали, что член семьи служил в правительстве. Некоторые мавзолеи стерегли равкианские святые в струящихся мраморных робах. А вот признаки Джели или ясеня полностью отсутствовали. Фьерданцы отказывались быть похороненными над землей, где они не смогли бы укорениться.

Почти все мавзолеи обветшали, а многие превратились в груды обвалившихся камней, заросших вьющимися стеблями и пучками весенних цветов. Когда Матиас узнал, что они будут использовать кладбище как убежище, то пришел в ужас. И не важно, как давно оно заброшено. Но, конечно, для Каза Бреккера не было ничего святого.

– Почему это место перестали использовать? – спросил Матиас, когда они выбрали огромную гробницу в центре острова в качестве нового укрытия.

– Чума. Первая серьезная вспышка случилась более сотни лет назад, и Торговый совет запретил захоронения в пределах города. Теперь тела обязаны кремировать.

– Нет, если ты богат, – вставил Джеспер. – Тогда тебя отвезут на кладбище за городом, где твой хладный труп сможет наслаждаться свежим воздухом.

Матиас ненавидел Черную Вуаль, но даже ему пришлось признать, что остров идеально подходил для их цели. Слухи о призраках отпугивали скваттеров², а дымка, окружавшая сторбленные ивы и каменные мачты могил, скрывала случайные отблески их фонарей.

Конечно, ничего из этого не поможет, если люди услышат брань Нины и Джеспера, орущих во всю глотку. Должно быть, они вернулись на остров и пришвартовали гондолу с северной стороны. Раздраженный голос Нины плыл над могилами, и Матиас почувствовал облегчение. Он ускорил шаг, желая поскорее увидеть девушку.

– Не думаю, что ты высказываешь мне должную признательность за то, через что мне пришлось пройти, – ворчал Джеспер, топая по кладбищу.

– Ты провел вечер за карточным столом, проигрывая чужие деньги, – парировала Нина. – Разве для тебя это не настоящий праздник?

Каз громко постучал тростью по надгробию, и оба притихли, быстро занимая боевую позицию.

Заметив их троих в тени, Нина сразу расслабилась.

– О, это вы!

– Да, это мы, – Каз мазнул тростью в сторону центра острова, словно пастух, пытающийся согнать свое стадо. – И вы бы нас слышали, если бы не были так заняты спором друг с другом. Матиас, хватит так пялиться, будто никогда не видел девушку в платье.

– Я и не пялился, – ответил фьерданец с присущим ему достоинством. Но, ради Джели, на что еще ему смотреть, когда у Нины вставлены ирисы между... всем, чем можно.

– Умолкни, Бреккер, – ухмыльнулась Нина. – Мне нравится, когда он пялится.

– Как прошла ваша миссия? – спросил Матиас, пытаясь смотреть ей в глаза. Ему полегчало, когда он заметил, каким усталым было ее лицо под косметикой. Девушка даже не отказалась от предложенной им руки, слегка опираясь на дрюскеля, пока они шли по кривой тропинке. Ночь брала свое. Она не должна бродить по Бочке в шелковых лоскутах – ей нужен отдых. Но срок, обозначенный Ван Эком, истекал, а Матиас знал, что Нина не позволит себе расслабиться, пока Инеж не будет в безопасности.

– Это не миссия, а работа, – поправила его Нина. – И прошла она великолепно.

– Ага, – хмыкнул Джеспер. – Великолепно! Если не считать того, что теперь мои револьверы пылятся в сейфе клуба. Смит побоялся идти с ними домой, безнадежный коротышка. Да от одной мысли о моих малышках в его потных ручонках...

– Никто не заставлял тебя ставить их, – перебил Каз.

– Ты загнал меня в угол! Как еще, черт возьми, я должен был задержать Смита за столом? Услышав их голоса, Кювей высунул голову из-за стены огромной каменной гробницы.

– Что я тебе велел?! – прорычал Каз, указывая на него тростью.

– Мой керчийский не настолько хорош, – оправдывался Кювей.

---

² Скваттер – [англ. squat селиться самостоятельно на чужой земле] вселившийся незаконно в незанятый дом или поселившийся на незанятой земле.

– Не играй со мной в игры, мальчик. Твоих знаний достаточно, чтобы понять. Оставайся в гробнице!

Парень поник.

– Оставайся в гробнице, – с грустью повторил он.

Они последовали за шуханцем. Матиас ненавидел это место. Зачем воздвигать такие памятники смерти? Гробницу построили в виде древнего грузового судна, и ее внутренняя часть была высечена в форме просторного каменного корпуса. В ней даже были витражные иллюминаторы, которые отбрасывали радуги на пол склепа в послеобеденное время. Если верить Нине, резные рисунки пальм и змей на стенах означали, что семья торговала специями. Но, должно быть, у них наступили трудные времена, или же они просто стали хоронить своих родственников в другом месте, поскольку лишь один саркофаг был занят, а узкие ниши по бокам корпуса пустовали.

Нина достала шпильки из волос и сняла светлый парик, бросив его на стол, который они установили посреди гробницы. Затем плюхнулась в кресло и помассировала пальцами голову.

– Так гораздо лучше, – радостно вздохнула она.

Но Матиас не мог не заметить зеленоватый оттенок ее кожи. Ей стало хуже. Или у нее возникли какие-то неприятности со Смитом, или она попросту переусердствовала. Тем не менее, глядя на нее, Матиас почувствовал какую-то легкость внутри. По крайней мере, теперь она снова выглядела собой, ее каштановые волосы завились от влаги, а веки сонно прикрылись. Нормально ли быть так сильно очарованным тем, как кто-то неуклюже развалился в кресле?

– Угадайте, что мы видели по пути из Крышки? – спросила она.

Джеспер начал копаться в их запасах еды.

– В гавани стоят два шуханских военных корабля.

Девушка метнула в него шпильку.

– Я хотела, чтобы они попытались угадать!

– Шуханских? – переспросил Кювей, возвращаясь к своему открытому блокноту на столе.

Нина кивнула.

– Пушки выставлены, красные флаги развеваются на ветру.

– Я говорил сегодня со Шпектом, – отозвался Каз. – Посольства забиты дипломатами и солдатами. Земенцами, каэльцами, равкианцами.

– Думаешь, они знают о Кювее? – спросил Джеспер.

– Думаю, они знают о пареме. По крайней мере, до них доходили слухи. И в Ледовом Дворе было полно заинтересованных делегаций, которые могли бы услышать сплетни об... освобождении Кювея. – Он повернулся к Матиасу. – Фьерданцы тоже здесь. Они притащили с собой дрюскелей в полном составе.

Кювей печально вздохнул, и Джеспер присел рядом с ним, толкая парня в плечо.

– Разве не чудесно, когда тебя все хотят?

Матиас промолчал. Ему не хотелось думать о том, что его прежние друзья и бывший командир могут находиться всего в паре миль от них. Он не жалел о содеянном в Ледовом Дворе, но это не значило, что он примирился со своими поступками.

Уайлен потянулся за одним из крекеров, которые Джеспер высыпал на стол. Они все еще не привыкли видеть его и Кювея в одной комнате. Работа Нины оказалась настолько удачной, что Матиас часто не мог отличить двух парней, пока один из них не начинал говорить. Иногда ему хотелось, чтобы кто-то из них облегчил всем задачу и стал носить шляпу.

– Для нас это хорошо, – подытожил Каз. – Шуханцы и фьерданцы не знают, откуда начинать поиски Кювея, а все эти дипломатишки, устраивающие разборки в Ратуше, создадут прекрасную шумиху и тем самым отвлекут Ван Эка.

– Как все прошло в доме Смита? – поинтересовалась Нина. – Вы узнали, где Ван Эк ее прячет?

– У меня есть предположение. Нанесем удар завтра в полночь.
– А нам хватит времени, чтобы подготовиться? – спросил Уайлен.
– Больше у нас его нет. Мы не станем ждать особого приглашения. Как успехи с долгоносиком?

Брови Джеспера подскочили вверх.

– Долгоносиком?

Уайлен достал небольшой пузырек из кармана пальто и поставил его на стол.

Матиас наклонился, чтобы посмотреть. Содержимое выглядело как кучка гальки.

– Это долгоносик? – Он-то думал, что это вредители, которые водятся в зерновых хранилищах.

– Не настоящий, – ответил Уайлен. – Это химический долгоносик. Я пока не придумал ему имя.

– Ты обязан дать ему имя! – встрепенулся Джеспер. – Как еще ты позовешь его на свидание?

– Забудьте об имени, – отрезал Каз. – Главное, то, что этот маленький пузырек сожрет банковский счет и репутацию Ван Эка.

Уайлен прочистил горло.

– Возможно. Это сложный химический раствор. Я надеялся, что Кювей мне поможет.

Нина что-то сказала шуханцу на его языке. Тот пожал плечами и отвернулся, слегка выпятив нижнюю губу. Была ли тому причиной недавняя кончина его отца или тот факт, что он застрелен на кладбище с бандой преступников, но с каждым днем парнишка становился все угрюмее.

– Ну? – не выдержал Джеспер.

– У меня другие интересы, – ответил Кювей.

Взгляд Каза угрожал ему не меньше лезвия клинка.

– Предлагаю тебе обдумать свои приоритеты.

Джеспер снова пихнул Кювея.

– Это он пытается сказать: «Помоги Уайлену, или я замурую тебя в одном из саркофагов и посмотрю, как это будет соответствовать твоим интересам».

Матиас не знал, что понимал и не понимал шуханец, но, судя по всему, суть послания он уловил. Кювей сглотнул и неохотно кивнул.

– Могучая сила переговоров, – хохотнул Джеспер, закидывая в рот крекер.

– Уайлен – и любезный Кювей – доведут долгоносика до ума, – продолжил Бреккер. – Как только Инеж будет у нас, мы сосредоточимся на силосных башнях Ван Эка.

Нина закатила глаза.

– Как же хорошо, что все это делается ради денег, а не спасения Инеж. Определенно не ради нее.

– Если тебе плевать на деньги, дорогая Нина, попробуй их назвать по-другому.

– Крюге? Монеты? Единственная настоящая любовь Каза?

– Свобода, безопасность, возмездие.

– Эти вещи бесценны.

– Да? Могу поспорить, что Джеспер с тобой не согласится. Это цена залога на ферму его отца. – Стрелок потупил взгляд. – Что насчет тебя, Уайлен? Можешь назвать цену за возможность уехать из Кеттердама и жить собственной жизнью? И, Нина, полагаю, вам с фьерданцем понадобится что-то более существенное, чем патриотизм и тоскливые взгляды. У Инеж тоже, вероятно, есть какая-то цифра в голове. Это цена будущего, и Ван Эку пора расплачиваться.

Матиаса не так легко было надуть. Каз всегда говорил логичные вещи, но это не значило, что они отражали правду.

– Жизнь Призрака стоит дороже, – сказал дрюскель. – Для всех нас.

– Мы вернем Инеж и наши деньги. Все просто.

– Все просто! – всплеснула руками Нина. – А ты знал, что я следующая в очереди на фьерданский престол? Они зовут меня принцессой Ильзе из Энгельсберга.

– Нет никакой принцессы из Энгельсберга, – возразил Матиас. – Это просто рыбацкий городок.

Девушка пожала плечами.

– Если уж обманывать себя, то красиво, с размахом.

Каз ничего не ответил и расстелил карту города на столе. Матиас услышал, как Уайлен прошептал Джесперу:

– Почему он просто не признается, что хочет ее вернуть?

– Ты Каза не знаешь, что ли?

– Но она – одна из нас.

Брови Джеспера вновь подскочили.

– Одна из нас? Значит ли это, что она в курсе тайного рукопожатия? Или ты наконец-то готов набить татуировку? – он провел пальцем по предплечью Уайлена, и тот залился яркой краской.

Матиас не мог не посочувствовать парню. Он знал, каково это – быть не в своей тарелке. Порой он думал, что они могли бы отказаться от всех планов Каза и просто позволить Нине с Джеспером завоевать Кеттердам лишь своим очарованием.

Уайлен застенчиво опустил рукав.

– Инеж – член нашей команды.

– Просто не затрагивай эту тему.

– Почему?

– Потому что Казу было бы гораздо выгоднее выставить Кювея на аукцион, продать его по самой высокой цене и полностью забыть об Инеж.

– Он бы не стал... – Уайлен резко оборвал себя, и на его лице отразилось сомнение.

Никто из них не знал, на что в самом деле способен и не способен Бреккер. Иногда Матиас задавался вопросом, знал ли это сам демжин.

– Ладно, Каз, – начала Нина, сняв туфли и пошевелив пальцами ног. – Поскольку это имеет отношение к твоему великому плану, почему бы тебе не перестать медитировать над картой и не рассказать нам, во что именно мы вляпываемся?

– Я хочу, чтобы вы все сконцентрировались на том, что мы должны сделать завтра. После этого вы получите все необходимые сведения.

– Правда? – спросила Нина, потянув за корсет. Пыльца одного из ирисов рассыпалась на ее голом плече. Матиаса накрыло непреодолимое желание стереть ее своими губами. «*Она наверняка ядовитая*», – осадил он себя. Может, ему стоит выйти прогуляться...

– Ван Эк обещал нам тридцать миллионов кюрге. Именно столько мы и возьмем. Ну, плюс еще один миллион в качестве процентов, на покрытие расходов и просто потому, что мы можем.

Уайлен сломал крекер пополам.

– У моего отца не завалилось в кармане тридцать миллионов кюрге. Даже если собрать все его активы вместе.

– Тогда уходи, – фыркнул Джеспер. – Мы связываемся исключительно с опальными наследниками самых *крупных* состояний.

Каз вытянул больную ногу и слегка согнул стопу.

– Если бы у Ван Эка были такие деньги на руках, мы бы просто ограбили его, вместо того чтобы вламываться в Ледовый Двор. Он мог предложить нам такую крупную сумму только потому, что заявил, что Торговый совет якобы вложил в нее городские средства.

– А как насчет того сундука, полного банкнот, который он притащил на Вельгелюк? – поинтересовался Джеспер.

– Фальшивка, – произнес Каз с отвращением в голосе. – Наверняка качественная подделка.

– Тогда как нам получить наши деньги? Облапошить город? Совет? – стрелок выпрямился и оживленно забарабанил пальцами по столу. – Обчистить двенадцать хранилищ за одну ночь?

Уайлен заерзал на стуле, и Матиас заметил тревогу в его глазах. Ну, хоть кто-то в этой банде злоумышленников неохотно продолжает совершать преступления.

– Нет, – покачал головой Каз. – Мы прикинемся торговцами и позволим рынку сделать работу за нас. – Он выпрямился и опустил руку в перчатке на голову ворона. – Мы отнимем у Ван Эка все деньги, а затем уничтожим его репутацию. Мы сделаем все, чтобы он никогда больше не смог вести дела в Кеттердаме или в любом другом городе Керчии.

– А что будет с Кювеем? – спросила Нина.

– Как только работа будет выполнена, Кювей – а также другие осужденные, гриши и обездоленные молодые люди, за чьи головы обещали или не обещали награду, – могут залечь в Южных Колониях.

Джеспер нахмурился.

– А куда отправишься ты?

– Никуда. Здесь еще полно дел, которые требуют моего внимания.

Хотя Каз и говорил беспечным тоном, Матиас услышал мрачное нетерпение в его словах. Он часто гадал, как людям удавалось выживать в этом городе, но, вполне возможно, что Кеттердаму не удастся пережить Каза Бреккера.

– погоди минутку, – встряла Нина. – Я думала, что Кювей поедет в Равку.

– С чего ты взяла?

– Когда ты продал свои акции «Клуба Воронов» Пекке Роллинсу, то попросил его передать послание в столицу Равки. Мы все это слышали.

– Я думал, что это была просьба о помощи, – влез Матиас, – а не приглашение на торги. Они никогда не обсуждали, что отдадут Кювею Равке. Каз окинул их насмешливым взглядом.

– Вы оба не угадали. Будем надеяться, что Роллинс такой же доверчивый, как и вы.

– Это была ловушка! – застонала Нина. – Ты просто хотел его чем-то отвлечь.

– Я хотел, чтобы у Пекки Роллинса не было времени заниматься чем-то еще. Если нам повезло, сейчас его люди пытаются выйти на наши равкианские контакты. А найти их будет сложно, учитывая, что их не существует.

Кювей кашлянул.

– Я бы хотел отправиться в Равку.

– А я бы хотел пару купальных костюмов с отделкой из соболя, – хмыкнул Джеспер. – Но мы не всегда получаем желаемое.

Между бровями шуханца пролегла складка. Видимо, сказанное вышло за пределы его понимания керчийского.

– Я бы хотел отправиться в Равку, – увереннее повторил он. Суровый взгляд черных глаз Каза остановился на Кювее. Тот нервно замялся. – Почему он так на меня смотрит?

– Каз спрашивает себя, стоит ли ему оставлять тебя в живых, – ответил Джеспер. – Это ужасно действует на нервы. Я бы рекомендовал поделаться дыхательные упражнения. Или выпить успокоительного.

– Джеспер, прекрати, – попытался урезонить его Уайлен.

– Вам обоим нужно расслабиться, – стрелок похлопал Кювею по руке. – Мы не позволим ему закопать тебя в землю.

Бреккер поднял бровь.

– Давай не будем пока раскидываться обещаниями.

– Да ладно тебе, Каз! Мы же преодолели все эти трудности, спасли Кювея, не ради того, чтобы отдать его на корм червякам.

– Почему ты хочешь в Равку? – поинтересовалась Нина, не скрывая своей радости.

– Мы об этом не договаривались, – угрюмо произнес Матиас. Он не хотел спорить на эту тему, особенно с Ниной. Они планировали отпустить Кювея жить свободной жизнью в Новом Земе, а не вручать его величайшему врагу Фьерды.

Девушка пожала плечами:

– Может, нам стоит переосмыслить наш выбор.

Кювей медленно, тщательно подбирая слова, сказал:

– Там безопаснее. Для гришей и для меня. Я не хочу прятаться. Я хочу учиться. – Шуханец положил руку на блокнот на столе. – Записи моего отца могут помочь найти... – он запнулся и обменялся парой слов с Ниной. – Антидот для парема.

Нина хлопнула в ладоши и засияла.

Джеспер поудобнее устроился на стуле.

– По-моему, Нина сейчас запоет от радости.

Антидот. Вот почему Кювей постоянно что-то записывал в свой блокнот? Перспектива чего-то, что могло нейтрализовать действие парема, была привлекательной, но, однако, Матиас не мог не насторожиться.

– Передать такие знания в руки одной страны... – начал он.

Но Кювей перебил его:

– Мой отец принес этот наркотик в мир. Я знаю, что его сделают снова, даже без моей помощи.

– Хочешь сказать, что загадку парема сможет разгадать кто-то еще? – спросил дрюскель. Неужели нет надежды, что эту мерзость можно истребить?

– Такова судьба многих научных открытий, – кивнул Уайлен. – Как только люди узнают о новых возможностях, изыскания в этой области резко увеличиваются. Остановить это – все равно что пытаться загнать рой шершней обратно в гнездо.

– Ты действительно считаешь, что сможешь создать антидот? – спросила Нина.

– Не знаю. Мой отец был фабрикаторм. Я же просто инферн.

– Ты наш химик, Уайлен, – обратилась к нему девушка с надеждой в голосе. – Что скажешь?

Тот пожал плечами.

– Может быть. Не у всех ядов есть противоядие.

Джеспер фыркнул.

– Вот поэтому мы зовем его Уайлен Ван Солнышко.

– В Равке живут самые талантливые фабрикатормы, – заметил Кювей. – Они смогут помочь.

Нина энергично кивнула.

– Это правда. Женя Сафина разбирается в ядах, как никто другой, а Давид Костюк разработал новое оружие для короля Николая, – она покосилась на Матиаса. – И не только оружие! Еще много хороших вещей. Очень мирных вещей.

Фьерданец покачал головой.

– Это не то решение, которое можно принимать с лету.

Кювей упрямо сжал челюсть.

– Я хочу отправиться в Равку.

– Видишь? – сказала Нина.

– Нет, не вижу. Мы не можем просто взять и вручить такой трофей Равке.

– Он человек, а не трофей, и он хочет уплыть в Равку.

– А мы все можем делать, что захотим? – спросил Джеспер. – А то я тут список приготовил.

Последовала долгая напряженная пауза, после которой Каз разгладил складочку на своих брюках и произнес:

– Нина, милая, сможешь перевести мои слова Кювею? Хочу убедиться, что мы понимаем друг друга.

– Каз... – предупреждающе начала она.

Бреккер подался вперед и опустил руки на колени – эдакий добрый старший брат, дающий дружеский совет младшенькому.

– Я считаю, что тебе нужно осознать, насколько изменилась твоя ситуация. Ван Эк знает, что первым делом ты побежишь в Равку искать убежища, так что любой корабль, направляющийся в те края, будет обыскиваться вдоль и поперек. Единственные портные, которые достаточно могущественны, чтобы изменить твою внешность, тоже в Равке. Если только Нина не захочет принять еще одну дозу парема.

Матиас зарычал.

– Что маловероятно, – признал Каз. – И, полагаю, ты не хочешь, чтобы я отправил тебя обратно во Фьерду или Шухан?

Было ясно, что не хочет, потому что, когда Нина закончила переводить, Кювей воскликнул:

– Нет!

– Тогда выбор у тебя такой: Новый Зем или Южные Колонии, но в Колониях керчийцев куда меньше. А еще погода лучше, если ты равнодушен к подобным вещам. Ты как украденная картина, Кювей. Слишком известная, чтобы продавать в открытую на рынке, и слишком ценная, чтобы прятать в закромах. Ты для меня бесполезен.

– Я не стану это переводить, – отрезала Нина.

– Тогда переведи следующее: моя единственная забота – не позволить, чтобы он попал в руки Яну Ван Эку, а если вы хотите, чтобы я начал обдумывать более конкретные варианты, то пуля в лоб обойдется гораздо дешевле, чем билет на корабль в Южные Колонии.

Нина все же перевела его слова, хоть и с запинками.

Кювей ответил на шуханском. Девушка помедлила.

– Он говорит, что ты безжалостный.

– Я прагматичный. Будь я безжалостным, сейчас бы вы слушали надгробную речь, а не этот разговор. Итак, Кювей, ты поплывешь в Южные Колонии, а когда шум уляжется, сможешь отправиться хоть в Равку, хоть к бабушке Матиаса, куда угодно – мне плевать.

– Не втягивай в это мою бабушку, – проворчал дрюскель.

Нина перевела слова Каза, и наконец Кювей неохотно кивнул. Несмотря на то что Матиас добился желаемого, уныние на лице Нины вызвало у него ноющее чувство в груди.

Каз глянул на часы.

– Что ж, раз мы все уладили, перейдем к главному. Все знают, каковы их обязанности. Много чего может пойти не так в промежуток между сегодняшней и завтрашней ночью, так что давайте обсудим план, а затем обсудим его еще раз. У нас есть только один шанс.

– Ван Эк расставит людей по периметру. Инеж будет под усиленной охраной, – заметил Матиас.

– Верно. У него больше пушек, больше людей и больше ресурсов. У нас же, в свою очередь, есть только эффект неожиданности, и мы не потратим его впустую.

Снаружи донесся тихий скрежет. Все мгновенно вскочили на ноги и приготовились к бою, даже Кювей.

Через секунду в гробнице показались Рогги и Шпект.

Матиас шумно выдохнул и положил ружье на место, которое всегда держал на расстоянии вытянутой руки.

– Зачем пришли? – спросил Каз.

– Шуханцы остановились в своем посольстве, – сказал Шпект. – Все в Крышке только об этом и говорят.

– Сколько?

– Плюс-минус сорок, – ответил Ротти, стряхивая грязь с обуви. – Вооруженные до зубов, но пока действуют в рамках дипломатических правил. Никто точно не знает, чего они хотят.

– Мы знаем, – ухмыльнулся Джеспер.

– Я не осмелился приближаться слишком близко к Клепке, – сказал Ротти, – но Пер Хаскель на взводе и не скрывает этого. В твоё отсутствие у старика накопилось много работы. Теперь пошли слухи, что ты вернулся в город и устроил стычку с купцом. О, а еще пару дней назад в одной из гаваней произошло какое-то нападение. Кучу матросов перебили, контору начальника порта превратили в груду щепок, но никто не знает подробностей.

Матиас увидел, как помрачнело лицо Каза. Ему нужно было больше сведений. Матиас знал, что у демжина имеются и другие причины спасти Инеж, но факт остается фактом: без нее их способность собирать сведения была серьезно подорвана.

– Хорошо, – кивнул Каз. – Но никто не связывает нас с налетом на Ледовый Двор или с паремом?

– Такого я не слышал, – ответил Ротти.

– Не-а, – покачал головой Шпект.

Уайлен выглядел удивленным.

– Это значит, что Пекка Роллинс сохранил все в секрете.

– Дай ему время. Он знает, что мы где-то прячем Кювея. Нам не удастся вечно водить его за нос с помощью уловки в виде письма в Равку.

Джеспер беспокойно постукивал пальцами по ногам.

– А кто-нибудь из вас заметил, что все в этом городе ищут, ненавидят или хотят нас убить?

– Ну и? – спросил Каз.

– Раньше была только половина, а не все.

Джеспер мог шутить, сколько влезет, но Матиаса больше интересовало, понимал ли кто-нибудь из них на самом деле, какие силы им противостоят? Фьерда, Шухан, Новый Зем, Каэлия, Керчия. Это им не какие-то конкурирующие банды или сердитые партнеры по бизнесу. Это целые государства, полные решимости защитить свой народ и обеспечить его будущее.

– Есть еще кое-что, – сказал Шпект. – Матиас, ты покойник.

– Прошу прощения? – его керчийский был довольно хорош, но, возможно, остались проблемы?

– Тебя прибили в госпитале Хеллгейта.

В комнате наступила гробовая тишина. Джеспер тяжело осел в кресло.

– Маззен мертв?

– Маззен? – Матиасу это имя ничего не говорило.

– Он занял твоё место в Хеллгейте, чтобы ты мог плыть с нами в Ледовый Двор.

Матиасу вспомнилась битва с волками, и Нина, стоящая в его камере, и как они бежали из тюрьмы. Нина покрыла одного из Отбросов язвами и вызвала у него лихорадку, чтобы его поместили в карантин и не подпускали к другим обитателям тюрьмы. *Маззен*. Матиас не должен был забывать о нем.

– Вы вроде говорили, что у вас есть свои люди в изоляторе, – сказала Нина.

– Да, люди, которые должны были поддерживать его в состоянии болезни, а не обеспечивать безопасность, – лицо Каза помрачнело. – Это заказное убийство.

– Фьерданцы, – прошептала девушка.

Матиас сложил руки на груди.

– Невозможно.

– Почему? Мы знаем, что дрюскели тут. Если они отправились на твои поиски в город и устроили бучу в Штадхолле, им наверняка рассказали, что ты в Хеллгейте.

– Нет, – покачал головой Матиас. – Они бы не прибегли к подобной тактике. Нанимать убийцу? Прикончить больного в его же постели? – Но, даже произнося эти слова, Матиас начал в них сомневаться. Ярл Брум и его приспешники творили дела и похуже без малейших угрызений совести.

– Крупные, светловолосые и слепые, – прокомментировал Джеспер. – Таковы наши фьерданцы.

«Он умер из-за меня, – подумал Матиас. – А я даже не запомнил его имя».

– У Маззена была семья? – наконец спросил он.

– Только Отбросы.

– Ни траура, – пробормотала Нина.

– Ни похорон, – тихо закончил дрюскель.

– Ну как тебе быть мертвым? – спросил Джеспер. Радостный блеск исчез из его глаз.

У Матиаса не было ответа. Нож, погубивший Маззена, был предназначен для него, и фьерданцы, вполне возможно, несли ответственность за это. Дрюскели. Его братья. Они хотели, чтобы он умер бесчестно, убитый на лазаретной койке. Смерть, достойная предателя. Смерть, которую он заслужил. Теперь Матиас был перед Маззеном в кровном долгу, но как он сможет когда-либо расплатиться с ним?

– Что сделают с его телом?

– Наверное, его уже обратили в пепел на Барже Жнеца, – ответил Каз.

– Это еще не все, – встрял Ротти. – Кое-кто ворошит наш муравейник в поисках Джеспера.

– Его кредиторам придется подождать, – категорично заявил Каз, а Джеспер скривился.

– Нет, – Ротти покачал головой. – В университет пришел человек. Джеспер, он заявляет, что он твой отец.

4. Инеж

Инеж лежала на животе с вытянутыми руками, извиваясь в темноте, как червь. Несмотря на то что она морила себя голодом, вентиляционное отверстие все еще было узковато. Она не видела, куда ползла, но упорно продолжала двигаться вперед, подтягиваясь на кончиках пальцев.

Девушка очнулась через какое-то время после произошедшего на Вельгелюке, не имея ни малейшего представления, где она и как долго пролежала без сознания. Помнила лишь то, как неслась камнем вниз с огромной высоты, когда один из шквальных Ван Эка уронил ее, и тут же была подхвачена вторым: стальные руки обхватывают ее талию, ветер бьет в лицо, вокруг одно лишь серое небо, а в голове взрываются вспышки боли. Следующее, что она помнила, – это как она проснулась в кромешной темноте с раскальвающейся головой. Ее руки и ноги были связаны, и она чувствовала тугую повязку на глазах. На какую-то секунду Инеж снова стала испуганной и одинокой четырнадцатилетней девочкой, которую бросили в трюм судна работорговцев. Она заставила себя дышать спокойно. Где бы девушка ни находилась, она не ощущала мерного покачивания на волнах и не слышала скрипа парусов. Она была на твердой земле.

Куда Ван Эк мог привезти ее? Возможно, на склад или в чей-то дом. Быть может, она даже не в Керчии. Но все это не имело значения. Она – Инеж Гафа и не станет дрожать, как кролик в ловушке. *«Где бы я ни была, мне просто нужно выбраться».*

Она терлась лицом об стену, пока не стянула повязку. В комнате была непроглядная темень, и в тишине слышалось только ее учащенное от вновь начавшейся паники дыхание. Она подавила приступ паники его и взяла дыхание под контроль – вдох через нос, выдох через рот. Ее мысли обернулись молитвами к собравшимся вокруг нее святым. Девушка представила, как они осматривают веревки на ее запястьях, вдыхают жизнь в ее руки. Она не пыталась убедить себя, что не боится. Давным-давно, после неудачного падения, ее отец объяснил, что только дураки считают себя бесстрашными. *«Мы встречаемся со страхом лицом к лицу, – сказал он. – Мы приветствуем неожиданного гостя и внимательно слушаем, что он хочет нам поведать. Когда приходит страх, что-то должно произойти».*

Инеж намеревалась сделать так, чтобы что-то произошло. Она решила не обращать внимание на боль в голове и начала медленно передвигаться по комнате, пытаясь оценить ее размеры. Затем воспользовалась стеной, чтобы подняться на ноги, и ощупала ее, ерзая и подпрыгивая, чтобы найти двери или окна. Услышав приближающиеся шаги, девушка рухнула на пол, но у нее не хватило времени, чтобы вернуть повязку обратно на глаза. С тех пор охранники завязывали ее еще туже. Но все это было не важно, потому что Инеж нашла вентиляционное отверстие. Единственное, что ей требовалось, – это освободиться от веревок. Каз справился бы с этой задачей в темноте и, вероятно, под водой.

Тщательно осмотреть помещение, где ее держали, удавалось, только когда приносили еду, освещая комнату лампой. Инеж слышала, как ключи поворачивались в черед замков, как распахивалась дверь, слышала звук, с которым поднос ставили на стол. Через минуту повязку осторожно снимали с ее лица – Бажан никогда не бывал с ней груб или резок. Это не в его характере. По правде говоря, девушка подозревала, что ухоженные руки музыканта вообще не способны на такое.

Естественно, на подносе никогда не лежали столовые приборы. Ван Эку хватало ума не доверить ей даже ложку, но Инеж пользовалась любой возможностью, чтобы изучить каждый миллиметр пустой комнаты, выискивая признаки, которые помогли бы ей определить ее местоположение и спланировать побег. Разгуляться было негде – бетонный пол, совершенно пустой, не считая кучи одеял, в которые она заворачивалась по ночам, стены с пустыми полками, выстроенными в ряд, а также стул и стол, за которым она ела. Окон не было, а единственным намеком на то, что они все еще находились неподалеку от Кеттердама, был влажный привкус соли в воздухе.

Бажан развязывал ей руки, а затем снова связывал их спереди, чтобы она могла есть, но как только Инеж обнаружила вентиляционное отверстие, она сократила прием пищи и ела ровно столько, сколько было нужно, чтобы поддерживать в себе силы. Однако когда Бажан и стражники принесли сегодня поднос, ее живот громко заурчал от запаха сосисок и овсянки. У Инеж кружилась голова от голода, и пытаясь сесть, она задела поднос, разбив при этом белую керамическую чашку и миску. Ужин шмякнулся на пол дымящейся массой, состоящей из аппетитной каши и осколков разбитой посуды, а девушка неуклюже приземлилась рядом с ней, едва не испачкав лицо в овсянке.

Бажан покачал копной темных шелковистых волос:

– Ты слабая, потому что мало ешь. Господин Ван Эк приказал мне насильно кормить тебя, если это будет необходимо.

– Что ж, попробуй, – процедила Инеж, подняв на него взгляд с пола и оскалив зубы. – Трудно будет учить игре на фортепьяно без парочки пальцев.

Но Бажан лишь рассмеялся, сверкая белоснежными зубами. Вместе с одним из стражников он помог ей сесть обратно на стул и послал еще за одним подносом.

Ван Эк не прогадал с выбором ее тюремщика. Бажан был сулийцем, немногим старше Инеж, с густыми смольными волосами, вьющимися у шеи, и блестящими агатовыми глазами, обрамленными такими длинными ресницами, что ими можно было отмахиваться от мух. Он сказал, что Ван Эк нанял его учителем музыки, и Инеж удивилась, как торговец решился привести в дом такого парня, когда его собственная жена была почти вдвое моложе него. Либо Ван Эк слишком самоуверен, либо очень глуп. *«Он обманул Каза, – напомнила себе девушка. – Так что скорее глуп».*

Когда один из стражников убрал еду с пола (Бажан не мог опуститься до такой работы) и ей принесли новый ужин, парень прислонился к стене и начал наблюдать, как она ест. Инеж зачерпнула пальцами горсть каши и осторожно проглотила несколько комочков.

– Ты должна есть больше, – распекал ее Бажан. – И если станешь более сговорчивой и ответишь на его вопросы, то увидишь, что Ван Эк вполне разумный человек.

– Разумный лжец, мошенник и похититель, – ответила она и тут же обругала себя за это.

Бажан не скрывал своей радости. Каждый прием пищи проходил в одном и том же духе: Инеж размазывала еду по тарелке, а он болтал, вставляя в разговор многозначительные вопросы о Казе и Отбросах. Каждый раз, когда у него получалось добиться от нее ответа, он считал это победой. К сожалению, чем меньше она ела, тем больше слабела, и тем сложнее было держать язык за зубами.

– Учитывая то, с какой компанией ты водишься, я бы сказал, что ложь и обман господина Ван Эка говорят в его пользу.

– *Шеврати*, – отчетливо произнесла девушка. «Невежда». Она не раз называла так Каза. Ей вспомнилось, как Джеспер поигрывал своими револьверами, как Нина выжимала из человека жизнь щелчком пальцев, как Бреккер взламывал замки в своих черных перчатках. Воры. Бандиты. Убийцы. И любой из них был лучше, чем тысяча Ван Эксов.

«Тогда где же они?» Этот вопрос разрывал спешно наложенный шов внутри нее. Где Каз? Она не хотела много думать на эту тему. Каз был хорошо известен своей практичностью. Зачем ему возвращаться за ней, когда он мог уйти от Ван Эка с самым ценным заложником в мире?

Бажан скривил нос.

– Давай не будем общаться на сулийском. Я от этого становлюсь сентиментальным.

На нем были шелковые штаны, сужающиеся книзу, и элегантный сюртук. К лацкану была прикреплена золотая лира, увенчанная лавровыми листьями и маленьким рубином, знак, который указывал и на род его деятельности, и на дом, которому он служил.

Инеж знала, что не стоит продолжать разговор, но она все еще охотилась за секретами.

– Игре на каком инструменте ты обучаешь? Арфе? Фортепьяно?

– А также флейте и еще ставлю дамам голос.

– И как же поет Элис Ван Эк?

Бажан лениво улыбнулся.

– Очаровательно, когда делает это под моим чутким руководством. Я могу научить тебя издавать всевозможные приятные звуки.

Инеж закатила глаза. Он ничем не отличался от мальчишек, с которыми она выросла – голова, полная опилок, и рот, из которого так и сыплются любезности.

– Я связана и морально готовлюсь к пыткам или еще чему похуже. Ты действительно решил пофлиртовать со мной?

Бажан цокнул.

– Господин Ван Эк и твой господин Бреккер заключат соглашение. Ван Эк – бизнесмен. Насколько я понял, он просто защищает свои интересы. Не могу представить, чтобы он прибегнул к пыткам.

– Был бы ты связан и с повязкой на глазах каждую ночь, твое воображение работало бы лучше.

И если бы Бажан хоть немного знал Каза, то не был бы так уверен в обмене пленниками.

В долгие часы, когда она оставалась в одиночестве, Инеж пыталась отдохнуть и продумать план побега, но ее мысли неминуемо возвращались к Казу и остальным. Ван Эк хотел обменять ее на Кювея Юл-Бо, шуханского паренька, которого они похитили из самой неприступной крепости в мире. Он был единственным человеком, у которого оставались шансы воссоздать изобретение своего отца – наркотик, известный как юрда-парем. Плата за его выкуп подарила бы Казу все, о чем он когда-либо мечтал – деньги и престиж. В них он нуждался, чтобы занять достойное место среди боссов Бочки и чтобы отомстить Пекке Роллинсу за смерть брата. Факты выстраивались один за другим и складывались в армию сомнений, противостоящих надежде, которую Инеж пыталась укрепить внутри себя.

Выбор Каза был очевиден: нужно продать Кювея, получить деньги и найти себе нового паука, который ползал бы по стенам Бочки и крал для него секреты. Разве она сама не говорила ему, что хочет покинуть Кеттердам, как только им заплатят? «Останься со мной». Были ли эти слова сказаны всерьез? Насколько ценной была ее жизнь в сравнении с наградой за Кювея? Нина ни за что бы не позволила Казу бросить ее. Она боролась бы изо всех сил, чтобы освободить Инеж, даже находясь в железной хватке парема. Матиас поддержал бы ее, так как обладал огромным сердцем, полным чести. А Джеспер... ну, Джеспер никогда бы не пожелал Инеж зла, но деньги ему необходимы, если он не хочет, чтобы отец потерял единственное средство к существованию. Он сделает все, что в его силах, но это не означает, что его силы будут направлены на ее спасение. Кроме того, кто из них без поддержки Каза способен противостоять безжалостности и возможностям Ван Эка? «Я, – сказала себе Инеж. – *Может, я и не обладаю коварством Каза, но я – опасная девушка*».

Ван Эк ежедневно подсылал к ней Бажана, и все это время тот был исключительно любезным и дружелюбным, даже когда пытался выудить из нее информацию о местоположении укрытий Каза. Она подозревала, что Ван Эк не являлся к ней лично, потому что знал, что Бреккер будет внимательно следить за его передвижениями. Или же он полагал, что с сулийцем она будет более покладистой, чем с лукавым купцом. Но сегодня что-то изменилось.

Обычно Бажан уходил, когда Инеж давала ясно понять, что больше есть не будет, – прощальная улыбка, легкий поклон, и он отчаливал, покончив со своими обязанностями до следующего утра. Но в этот вечер он задержался.

Вместо того чтобы уйти, когда она оттолкнула связанными руками тарелку с едой, он спросил:

– Когда ты в последний раз видела свою семью?

Новый подход.

– Ван Эк предложил тебе награду, если ты сможешь выудить из меня информацию?

– Это обычное любопытство.

– А я – обычная пленница. Тебе угрожали расправой?

Бажан покосился на стражников и тихо ответил:

– Ван Эк мог бы вернуть тебя семье. Он выплатит твой долг Перу Хаскелю. Это вполне ему по средствам.

– Это твоя идея или твоего господина?

– Какая разница? – спросил Бажан. В его голосе слышалась нервозность, которая настояжила Инеж. «Когда приходит страх, что-то должно произойти». Но боялся ли он Ван Эка, или же беспокоился о ее благополучии? – Ты сможешь уйти от Отбросов, Пера Хаскеля и этого мерзавца Каза свободной и с чистой совестью. Ван Эк обеспечит тебя транспортом в Равку и даст деньги на путешествие.

Предложение или угроза? Мог ли Ван Эк разыскать ее родителей? Сулийцев было непросто выследить, и они опасались чужаков, задающих вопросы. Но что, если Ван Эк послал своих

людей к ним с новостью о потерявшейся девушке? Девушке, которая исчезла одним прохладным утром, так, словно сам прилив достиг ее берегов, чтобы утащить с собой?

– Что Ван Эку известно о моей семье? – спросила Инеж с нарастающей злостью.

– Он знает, что ты далеко от дома. И знает условия твоей сделки со «Зверинцем».

– Тогда он знает, что я была рабыней. Он собирается арестовать Танте Хелен?

– Я... не думаю...

– Конечно же нет. Ван Эку плевать, что меня купили и продали, как рулон хлопковой ткани. Он просто пытается найти рычаг давления.

Но следующий вопрос Бажана застал Инеж врасплох:

– Твоя мама готовила хлеб на чугунной сковородке?

Девушка нахмурилась.

– Конечно. – Это была основная еда сулийцев. Инеж могла приготовить его даже во сне.

– С розмарином?

– С укропом, когда он был.

Она знала, на что рассчитывал Бажан, пытаясь навеять ей воспоминания о доме. Но Инеж была так голодна, а воспоминание – таким сильным, что ее живот все равно заурчал. Она представила, как ее мама уменьшает огонь, а затем переворачивает хлеб быстрыми движениями пальцев, и как над углями поднимается запах свежей выпечки.

– Твои друзья не придут, – заявил Бажан. – Пришло время подумать о том, как выжить. Ты можешь воссоединиться с семьей к концу лета. Ван Эк поможет тебе, если ты ему позволишь.

Внутри у Инеж все тревожно загудело, предупреждая об опасности. Игра была слишком очевидной. За обаянием Бажана, в его темных глазах и легких обещаниях таился страх. И, тем не менее, среди этого гула, полного подозрений, раздавался и другой, нежный звоночек: «А что если?..» Что, если она позволит утешить себя, перестанет притворяться, будто ей плевать на все, что она потеряла? Что, если она просто позволит Ван Эку посадить ее на корабль и отправить домой? Она почувствовала вкус хрустящего хлеба, жар от сковороды, увидела темную косу матери с вплетенными ленточками – шелковые пряди цвета спелой хурмы.

Но Инеж была умнее. Она училась у лучших. «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Каз никогда не обещал ей счастья, и она не доверяла мужчинам, которые клялись преподнести ей его на блюдечке. Ее страдания были не впустую. Святые привели ее в Кеттердам не просто так – она здесь ради корабля, который охотился бы на работорговцев, ради миссии, которая придавала бы значение всему, через что ей пришлось пройти. Она не предаст эту цель или своих друзей ради каких-то грез о прошлом.

Инеж зашипела на Бажана – животный звук, который заставил его отпрянуть.

– Передай своему хозяину, чтобы не нарушал прежние сделки, прежде чем заключать новые. А теперь оставь меня.

Бажан быстро ретироваться, словно разодетая крыса, которой он и являлся, но Инеж поняла, что пришло время побега. Новые наставления Бажана не сулили ей ничего хорошего. «Пора выбираться из этой ловушки, – думала она, – пока это существо не соблазнило меня воспоминаниями и состраданием». Может, Отбросы и собираются прийти за ней, но она не будет просто сидеть и ждать, когда это произойдет.

Как только Бажан и охрана ушли, девушка вытащила осколок разбитой миски из-под веревок на лодыжках и принялась за работу. Она действительно была слаба и неуверенно стояла на ногах, но, когда Бажан пришел с той источающей райский аромат миской овсянки, она лишь притворилась, что упала, чтобы намеренно сбить поднос со стола. Если бы Ван Эк хорошенько изучил ее, то предупредил бы Бажана – Призрак никогда не падает. И уж тем более не валится нескладной кучей на пол. Это позволило ей с легкостью спрятать острый осколок посуды между веревками.

Казалось, прошла вечность, прежде чем она смогла, разодрав пальцы в кровь об острые края осколка, подрезать веревки, стянуть их, и, наконец, полностью разорвать свои путы и освободить руки. Затем девушка развязала ноги и начала нащупывать вентиляционное отверстие. Охранники не вернутся до утра. Они подарили ей целую ночь, чтобы сбежать из этого места и убраться как можно дальше.

Проём был невыносимо узким, воздух внутри – затхлым от запахов, которые она не смогла до конца определить, а темнота – такой крошечной, что с тем же успехом Инеж могла оставаться с повязкой на глазах. Девушка понятия не имела, куда приведет ее отверстие. Оно могло тянуться еще на пару футов или на полмили. Инеж нужно выбраться отсюда к утру, иначе они обнаружат, что решетка, которая закрывала отверстие, снята с петель, и будут точно знать, где находится их пленница.

«*Что ж, удачи им в попытках достать меня*», – угрюмо подумала Инеж. Она очень сомневалась, что кто-нибудь из людей Ван Эка сможет втиснуться в узкий проём вентиляционной шахты. Им придется найти какого-нибудь поваренка и обмазать его жиром с головы до пят.

Инеж медленно продвигалась вперед. Какое расстояние она уже преодолела? Каждый раз, когда она делала глубокий вдох, шахта сжималась вокруг ее ребер. Вполне вероятно, что она находится в верхней части здания. Быть может, она высунет голову на другой стороне только для того, чтобы обнаружить внизу людную улицу Кеттердама. С таким раскладом девушка еще может побороться. Но что, если шахта просто закончится? Если на другой стороне она замурована? Ей придется ползти ногами вперед всю дорогу обратно и надеяться, что у нее получится перевязать веревки так, чтобы тюремщики не заметили ничего подозрительного. Невозможно. Сегодня нет места тупикам.

«*Быстрее*», – подгоняла она себя, чувствуя, как на лбу проступают капельки пота. Было трудно не представлять, как здание сужается вокруг нее, как его стены выжимают воздух из ее легких. Она не могла составить план действий, пока не доберется до конца туннеля и не узнает, как далеко ей придется зайти, чтобы сбежать от людей Ван Эка.

Затем Инеж почувствовала его – легкий порыв ветра, обдувающий ее влажный лоб. Она быстро прошептала благодарственную молитву. Впереди должен быть какой-то выход. Девушка принялась, пытаясь почуять намек на угольный дым или на зеленые поля загородного дома. Она осторожно ползла вперед, пока ее пальцы не коснулись решетки вентиляции. Через нее не проникал свет, что, наверное, было хорошим знаком. Комната, в которую она сейчас вылезет, вероятно, пустая. Святые, что, если она в усадьбе Ван Эка? Что, если она приземлится прямоком на спящего торговца? Сулийка прислушалась к звукам – ни храпа, ни глубокого дыхания. Ничего.

Как бы ей хотелось сейчас получить свои кинжалы, почувствовать их утешающую тяжесть в своих руках. Были ли они до сих пор у Ван Эка? Или он их продал? Выбросил в море? Она все равно перечислила их имена: Петр, Мария, Анастасия, Елизавета, Санкт-Владимир, Санта-Алина – и каждое прошептанное слово придавало ей храбрости. Затем Инеж потрясла решетку и с силой толкнула ее. Та распахнулась, но, вместо того чтобы закачаться на петлях, полностью слетела с них. Девушка попыталась схватить решетку, но та выскользнула у нее из пальцев и упала на пол.

Инеж ждала с колотящимся сердцем. Минута прошла в тишине. Затем еще одна. Никто не приходил. В комнате было пусто. Может, все здание пустовало. Ван Эк не оставил бы ее без присмотра, так что его люди должны стоять снаружи. Если это так, то проскользнуть мимо них не составит особого труда. По крайней мере, теперь Инеж приблизительно знала, как далеко находится пол.

То, что последовало далее, невозможно было сделать грациозно. Инеж скользнула вниз головой, цепляясь за стену. Затем, оказавшись больше чем наполовину снаружи и наклонив-

шись, она свернулась в клубок и, прикрывая руками голову, чтобы защитить череп и шею при падении, позволила силе инерции протащить ее вперед.

Удар вышел почти безболезненным. Здесь пол был сделан из того же бетона, что и в ее камере, но девушка вовремя перекатилась и уперлась во что-то, что напоминало спинку чего-то твердого. Она поднялась на ноги, ощупывая руками невидимый предмет. Он был обит бархатом. Пройдя дальше, она нащупала рядом точно такой же предмет. «Сиденья! – осенило Инеж. – *Я в театре*».

В Бочке было полно концертных залов и театров. Неужели она так близко к дому? Или, возможно, она в одном из роскошных оперных театров Крышки?

Она медленно шла, выставив перед собой руки, пока не наткнулась на стену предполагаемой задней части помещения. Девушка начала шарить по ней рукой, надеясь найти дверь, окно или хотя бы еще одно вентиляционное отверстие. Наконец ее пальцы нащупали дверной косяк, а ладони сомкнулись на ручке. Та не поддавалась. Заперто. Инеж осторожно потрясла ее.

Комнату залило светом. Инеж вжалась в дверь, щурясь от внезапной ослепляющей яркости.

– Если хотели совершить экскурсию, госпожа Гафа, могли бы просто попросить, – сказал Ян Ван Эк.

Мужчина стоял на сцене обветшалого театра. Его черный костюм торговца состоял сплошь из строгих линий. Зеленые бархатные сиденья проела моль. Занавеси, обрамляющие сцену, висели ключьями. Никто не потрудился убрать декорации, оставшиеся после спектакля. Они выглядели так, как испуганный ребенок представляет себе операционную комнату: на стенах висели увеличенные в размерах пилы и молотки. Инеж узнала декорации к «Безумцу и доктору», одной из коротких пьес «Зверской Комедии».

По периметру зала были расставлены стражники, а рядом с Ван Эксом стоял Бажан и заламывал свои изящные руки. Неужели решетку оставили открытой, чтобы заманить ее? Неужели все это время Ван Эк играл с ней?

– Приведите ее сюда, – приказал он охранникам.

Инеж не стала мешкать. Она запрыгнула на узкую спинку ближайшего кресла и помчалась к сцене, прыгая из ряда в ряд, пока охрана пыталась перелезть через сиденья. Девушка взлетела на сцену, пробежала мимо ошеломленного Ван Экса, мастерски увильнула от еще двух стражников и, схватившись за одну из веревок, начала взбираться по ней вверх, молясь, чтобы та выдержала ее вес, пока Инеж не доберется до вершины. Там она сможет спрятаться среди стропил и найти путь на крышу.

– Перережьте ее! – спокойно приказал Ван Эк.

Инеж забиралась все выше и быстрее. Но уже через пару секунд она увидела над собой лицо одного из охранников Ван Экса с ножом в руке. Он перерезал веревку.

Та тут же поддалась, и Инеж полетела на пол, расслабляя колени, чтобы смягчить удар. Прежде чем она успела прийти в себя, на нее накинута три стражника, чтобы не дать сбежать.

– Серьезно, госпожа Гафа, – начал Ван Эк с упреком в голосе. – Нам хорошо известно о ваших талантах. Неужели вы думали, что мы не примем меры предосторожности? – Он не ждал ответа. – Вы не сможете уйти отсюда без моей помощи или помощи господина Бреккера. Но поскольку он не спешит к нам на встречу, возможно, вам стоит подумать о смене союзников.

Инеж промолчала.

Ван Эк убрал руки за спину. Было странно смотреть на него и видеть в его лице схожесть с Уайленом.

– Город охватили слухи о пареме. В посольский сектор пожаловала делегация фьерданских дрюскелей. Сегодня шуханцы пришвартовали два военных корабля в Третьей гавани. Я дал Бреккеру семь дней, чтобы заключить сделку ради вашей безопасности, но все вокруг ищут Кювея Юл-Бо, и очень важно, чтобы я вытащил его из города прежде, чем его найдут.

Два шуханских военных корабля. Вот что изменилось. У Ван Эка кончалось время. Знал ли об этом Бажан, или просто почувствовал перемену в настроении хозяина?

– Я надеялся, что Бажан проявит себя в чем-то еще, помимо оттачивания игры моей жены на фортепьяно, – продолжил купец. – Но, похоже, нам с вами пора поговорить с глазу на глаз. Где Каз Бреккер прячет мальчишку?

– Откуда мне знать?

– Вы должны знать, где находятся убежища Отбросов. Бреккер ничего не делает без подготовки. Его норы прорыты по всему городу.

– Раз вы так хорошо его знаете, то вам наверняка известно, что он никогда не стал бы прятать Кювея там, куда я могла бы вас привести.

– Я в это не верю.

– Я не могу повлиять на то, во что вы верите. Ваш шуханский ученый наверняка уже в чужих руках.

– До меня дошли бы слухи. Мои шпионы повсюду.

– Определенно не повсюду.

Губы Бажана скривились в ухмылке.

Ван Эк устало покачал головой.

– Положите ее на стол.

Инеж знала, что сопротивляться бесполезно, но все равно брыкалась. Либо она будет бороться, либо поддастся страху, накатывавшему на нее волнами, пока охрана поднимала ее на стол и хватала за руки и ноги. Теперь она видела, что один из бутафорских столов завален приспособлениями, которые отнюдь не походили на гигантские молотки и пилы, висящие на стенах. Это были настоящие хирургические инструменты. Скальпели, пилы и зажимы, которые блестели со зловещей решимостью.

– Вы – *Призрак*, госпожа Гафа, легенда Бочки. Вы собирали секреты судей и советников, бандитов и убийц. Сомневаюсь, что в этом городе есть хоть что-то, чего вы не знаете. Сейчас же скажите мне, где находятся укрытия господина Бреккера.

– Я не могу сказать вам то, чего не знаю.

Ван Эк вздохнул.

– Помните, что я пытался относиться к вам с учтивостью. – Он повернулся к одному из охранников – крупному мужчине с острым, как лезвие, носом. – Я бы не хотел, чтобы это затянулось надолго. Делай, что считаешь нужным.

Рука стражника зависла над столом с инструментами, словно он решал, какое изуверство будет наиболее эффективным. Инеж почувствовала, как ее отвага начала улетучиваться, она задыхалась от охватившей ее паники. «Когда приходит страх, что-то должно произойти».

Бажан склонился над ней с бледным лицом и глазами, полными тревоги.

– Пожалуйста, скажи ему. Неужели стоит ради Бреккера калечиться и покрываться шрамами? Расскажи, что знаешь.

– Я знаю только то, что люди, такие как ты, не заслуживают права дышать этим воздухом.

Бажан выглядел так, словно она задела его чувства.

– Я всегда был к тебе добр. Я не какое-то там чудовище.

– Нет, ты просто человек, который сидит сложа руки и хвалит себя за порядочность, пока чудовище насыщается вволю. По крайней мере у чудовища есть зубы и хребет.

– Это несправедливо!

Инеж не могла поверить, насколько мягкотелым оказалось это существо, требующее ее одобрения в такой момент.

– Если ты до сих пор веришь в справедливость, тогда у тебя была очень счастливая жизнь. Уйди с его дороги, Бажан. Позволь чудовищу закончить свое дело.

Остроносый стражник выступил вперед, и в его руке что-то блеснуло. Инеж попыталась спрятаться в уголке покоя внутри себя – месте, позволившем ей пережить год в «Зверинце», год ночей, отмеченных болью и унижением, и дней, исчисляющихся избиениями или еще чем похуже.

– Ну же! – поторопила она со сталью в голосе.

– Стой, – приказал Ван Эк. Он смерил Инеж изучающим взглядом, словно читал гроссбух и пытался сопоставить числа. Мужчина наклонил голову вбок и произнес: – Сломай ей ноги.

Инеж почувствовала, как ее храбрость дала трещину. Она начала извиваться, пытаясь вырваться из хватки охранников.

– Ага, – улыбнулся Ван Эк. – Так я и думал.

Остроносый стражник выбрал длинную и тяжелую трубу.

– Нет, – покачал головой купец. – Мне не нужен обычный перелом. Используй молоток. Раздроби кость. – Его лицо маячило над нею, ясные глаза сияли голубизной – глаза Уайлена, но лишённые его доброты. – Никто не сможет собрать вас воедино, госпожа Гафа. Возможно, вам удастся выплатить долг по сделке, вымаливая пенни в Восточном Обруче, а затем еженощно ползая домой в Клепку, если Бреккер, конечно, выделит вам комнату.

– Нет. – Инеж не знала, кого молила: себя или Ван Эка. Не знала, кого она ненавидела больше в этот момент.

Стражник взял стальной молоток.

Инеж задержалась на столе, ее тело покрылось потом. Она чувствовала запах собственного страха.

– Нет, – повторила она. – *Нет!*

Остроносый оценил вес молотка в руках. Ван Эк кивнул. Стражник замахнулся, молоток описал ровную дугу.

Инеж наблюдала, как молоток поднимается и достигает вершины, как свет поблескивает на его широкой головке и плоском бойке. Услышала потрескивание костра и подумала о волосах матери, переплетенных шелковыми лентами цвета хурмы.

– Он ни за что не пойдет на обмен, если вы покалечите меня! – закричала девушка. Слова рвались из глубины ее естества, голос звучал резко и беззащитно. – Я больше не буду иметь для него ценность!

Ван Эк поднял руку. Молоток опустился.

Инеж ощутила, как он слегка задел ткань ее брюк, обрушившись на поверхность стола в миллиметре от ее икры, и угол стола обломился от этого удара.

«*Моя нога*, – подумала она, яростно содрогаясь всем телом. – *Это могла быть моя нога*. – Во рту появился металлический привкус. Она прикусила язык. – *Святые, защитите меня. Святые, защитите меня*».

– Любопытный аргумент, – задумчиво протянул Ван Эк, постукивая пальцем по губам. – Подумайте, стоит ли вам и дальше хранить преданность, госпожа Гафа. Завтра я уже не буду столь милосердным.

Инеж не могла унять дрожь. «*Я разделаю тебя, как свинью*, – мысленно поклялась она. – *И вырву жалкое подобие сердца из твоей груди*». Злая, гнусная мысль. Но она ничего не могла с собой поделать. Одобряют ли ее святые? Будет ли ей прощение, если она убьет не ради выживания, а потому, что горит живой, ослепляющей ненавистью? «*Мне плевать*, – подумала девушка, изогнувшись в судороге. Стражники подняли ее трясущееся тело со стола. – *Я готова искупать свою вину всю оставшуюся жизнь, если это позволит мне убить его*».

Ее потащили через вестибюль ветхого театра и по коридору обратно в камеру, которая, как она теперь знала, некогда была комнатой для оборудования. Ее снова связали по рукам и ногам.

Бажан подошел, чтобы завязать ей глаза.

– Прости, – прошептал он. – Я не знал, что он планировал... Я...

– *Кадема мехим.*

Парень поморщился.

– Не говори так.

Сулийцы были замкнутым, но верным народом. А как иначе в мире, где у них не было своей земли, а численность уменьшалась с каждым днем? Зубы Инеж стучали, но она заставила себя выдать слова:

– Ты покинут. Как ты повернулся ко мне спиной, так и они повернутся спиной к тебе.

Это было худшее обвинение для сулийца. Оно отказывало ему в праве присоединиться к своим предкам в загробном мире и обрекало дух на вечное бесприютное существование.

Бажан побледнел.

– Я не верю в эту ерунду.

– Поверишь.

Он затянул повязку на ее глазах. Затем послышался звук закрывающейся двери.

Инеж лежала на боку, впиваясь бедром и плечом в твердый пол, и ждала, пока пройдет дрожь.

В первые дни в «Зверинце» она верила, что кто-то придет за ней. Семья обязательно ее найдет. Или же какой-нибудь представитель закона. Герой одной из сказок, которые рассказывала ей мать. Мужчины действительно приходили, но не для того, чтобы ее освободить, и постепенно надежда увядала, как листья под палящим солнцем, сменяясь горьким бутонем обреченности.

Каз спас ее от этой безнадежности, и с тех пор их жизни превратились в череду освобождений, вереницу долгов, которым они никогда не вели счет, спасая друг друга снова и снова. Лежа в темноте, Инеж поняла, что, несмотря на все свои сомнения, она верила, что он спасет ее еще раз, позабудет о своей жадности и внутренних демонах и придет за ней. Теперь она не была так уверена. Потому что помимо смысла слов, произнесенных ею Ван Эку и остановивших его руку, он уловил искренность, сквозившую в ее голосе. «Он ни за что не пойдет на обмен, если вы покалечите меня». Девушка не могла притвориться, что эти слова были вызваны хитрым планом или животным коварством. Волшебство, которые они сотворили, были порождены ее искренней верой. Отвратительным заклятьем.

«Завтра я уже не буду столь милосердным». Был ли сегодняшний вечер репетицией, предназначенной для того, чтобы запугать ее? Или же Ван Эк всерьез готов исполнить свою угрозу? И если Каз все же придет, сколько от нее останется к тому времени?

Часть вторая. Смертельный ветер

5. Джеспер

Джесперу казалось, что его одежда кишит блохами. Каждый раз, когда банда покидала остров Черной Вуали, чтобы пошататься по городу, они надевали костюмы из «Зверской Комедии» – плащи, вуали, маски и иногда рога, – которые туристы и местные использовали, чтобы наслаждаться прелестями Бочки, оставаясь неузнанными.

Но здесь, на престижных проспектах и каналах университетского района, Мистер Кримсон и Серый Бесенок привлекли бы к себе слишком много внимания, поэтому они с Уайленом избавились от костюмов, как только покинули Обручи. Да и откровенно говоря, Джеспер не хотел встретиться с отцом впервые за долгое время, будучи в маске с выпученными глазами, разодетым в оранжевый шелковый плащ или даже оставаясь в своем обычном бандитском прикиде. Он оделся так прилично, как только было возможно. Уайлен одолжил ему пару круге на подержанный твидовый пиджак и унылый серый жилет. Стрелок смотрелся в этом не очень уж респектабельно, но студенты и не должны выглядеть слишком процветающими.

Парень в который раз машинально потянулся к револьверам, скучая по знакомому прикосновению пальцев к перламутровым рукояткам. Тот жалкий адвокатишка приказал распорядителю спрятать их в сейфе «Кучевых облаков». Каз сказал, что они их вернут, когда придет время, но Джеспер сомневался, что он был бы так же спокоен и собран, если бы кто-то отобрал его трость. *«Это ты поставил их на кон, как идиот»*, – напомнил он себе. Джеспер сделал это ради Инеж. И, если быть честным, он сделал это и для Каза, чтобы показать, как далеко он готов зайти, чтобы восстановить справедливость. Не то чтобы это очень впечатлило Бреккера.

«Что ж, – утешал он себя, – я бы в любом случае не смог взять револьверы на эту встречу». Студенты и профессора не ходят из класса в класс с пушкой в кармане. Иначе занятия проходили бы гораздо веселее. И все же Джеспер спрятал один несчастный пистолетик под пиджаком. В конце концов, это же Кеттердам, и вполне возможно, что они с Уайленом направляются напрямик в ловушку. Поэтому Каз и Матиас следуют за ними тенью. Стрелок не заметил ни одного из них, что, в принципе, было хорошим знаком, но он все равно был благодарен Уайлену за предложение сопровождать его. Каз позволил ему пойти только потому, что маленький купец заявил, что ему нужно кое-что приобрести для его работы над долгоносиком.

Они миновали студенческие кафе и лавки книготорговцев, а также витрины магазинов, забитые учебниками, чернилами и бумагой. Парни находились меньше чем в двух милях от шума и гама Бочки, но создавалось впечатление, будто, перейдя через мост, они попали в другую страну. Им не преграждали путь толпы матросов, только что вернувшихся с рейсов и ищущих бед на свои задницы, или туристов, толкающихся со всех сторон, тут люди уступали друг другу дорогу, и переговаривались тихими голосами, чтобы никому не мешать. Никакие зазывалы не орали с порогов магазинов в надежде выудить чужие денежки. Изогнутые переулки полнились переплетчиками и аптекарями, а по углам не жались парни и девушки, которым не хватило работы в домах Западного Обруча, из-за чего они были вынуждены торговать собой на улице.

Джеспер остановился под навесом и глубоко вдохнул через нос.

– Что такое? – спросил Уайлен.

– Здесь так хорошо пахнет. – Дорогой табак, влажная после утреннего дождя мостовая, синие облака гиацинтов на подоконниках. Никакой мочи, рвоты, дешевого парфюма или гнилого мусора. Даже запах угольного дыма казался здесь не таким резким.

– Ты пытаешься потянуть время? – предположил Уайлен.

– Нет, – Джеспер выдохнул и слегка поник. – Ну, может, самую малость.

Ротти отправили с весточкой в гостиницу, где остановился человек, называющий себя отцом Джеспера, чтобы они могли назначить время и место встречи. Джеспер хотел пойти сам, но если отец действительно приехал в Кеттердам, вполне вероятно, что его использовали как приманку. Лучше встретиться при ярком дневном свете и на нейтральной территории. Университет казался хорошим вариантом – далеко от опасностей Бочки или обычных мест обитания Джеспера.

Парень и сам не знал, хотел ли он, чтобы у здания университета его ждал отец, или нет. Думать о возможной стычке с противником было куда приятней, чем о позоре, о том, как ужасно он себя повел, и разговор об этом вызывал у него такое чувство, словно он поднимается на эшафот по прогнившим доскам. Поэтому он сменил тему:

– Мне всегда нравилась эта часть города.

– Как и моему отцу. Он высоко ценит образование.

– Больше чем деньги?

Уайлен пожал плечами, разглядывая витрину с глобусами, разрисованными вручную.

– Знания не являются признаком божественной благосклонности. А вот процветание – да.

Джеспер быстро покосился на него. Он все еще не привык к голосу Уайлена, доносящемуся из уст Кювея. Это всегда сбивало его с толку, как если бы он тянулся к бокалу вина, а вместо этого пил воду.

– Твой отец действительно настолько религиозен, или это просто оправдание тому, что он ведет себя как злобный сукин сын, когда дело касается бизнеса?

– Он всегда такой, если не кривить душой.

– Особенно с головорезами и канальными крысами Бочки?

Уайлен поправил ремень сумки.

– Он считает, что Бочка отвлекает людей от работы и предпринимательства и приводит к вырождению.

– Он не так уж и не прав. – Джеспер сам порой гадал, что могло бы произойти, если бы он не пошел гулять той ночью с новыми друзьями и никогда бы не заходил в игорный дом и не крутил впервые «Колесо фортуны». Поначалу это казалось безобидным развлечением. Для остальных таким оно и было. Но жизнь Джеспера раскололась, как полено, на две разные и неровные части: на времена до того, как он подошел к колесу, и на каждый день после. – Бочка пожирает людей.

– Возможно, – задумчиво кивнул Уайлен. – Но бизнес есть бизнес. Игорные дома и бордели удовлетворяют спрос. Они предлагают работу и платят налоги.

– Каким славным пареньком из Бочки ты стал! Словно процитировал страницу из книги боссов.

Каждые несколько лет какому-нибудь реформатору приходила в голову идея очистить Бочку и избавить Кеттердам от сомнительной репутации. Тогда-то и выходили брошюры, и начиналась пропагандистская война между владельцами игорных домов и домов удовольствий с одной стороны и торговцами-реформаторами в черных костюмах – с другой. В итоге все сводилось к деньгам. Предприятия Восточного и Западного Обручей получали серьезную прибыль, и жители Бочки вносили очень даже заметную долю в казну города.

Уайлен снова потянул за ремень сумки. Тот перекрутился на плече.

– Не думаю, что это сильно отличается от высоких ставок на грузы с шелком или юрдой. Шансы значительно возрастают, когда играешь на рынке.

– Я весь внимание, маленький купец, – вопрос возрастания шансов всегда был ему интересен. – Какова самая крупная сумма, которую твой отец терял на торговле?

– Если честно, не знаю. Он давно перестал обсуждать со мной подобные вещи.

Джеспер задумался. Ян Ван Эк был настоящим дураком, раз позволял себе так обращаться с сыном, но стрелок не мог не признать, что ему был любопытен так называемый «недуг» Уайлена. Что он видел, когда пытался читать, и почему его не смущали уравнивания или цены в меню, а вот предложения и знаки препинания вызывали трудности? Но, вместо того чтобы расспрашивать об этом, он произнес:

– Интересно, не делает ли купцов близость к Бочке еще более чопорными? Черные костюмы, скованность, мясо всего дважды в неделю, пиво вместо бренди. Может, таким образом они компенсируют наши развлечения?

– Чтобы держать чаши весов в равновесии?

– Ну да. Ты только подумай, каких высот разврата мы могли бы достичь, если бы никто не держал город в ежовых рукавицах. Шампанское на завтрак. Голые оргии на полу Биржи.

Уайлен издал смущенный звук, который напоминал крик простуженной птицы, и смотрел куда угодно, только не на Джеспера. Его было так легко и приятно выбивать из колеи! Хотя, стоило признать, что Джеспер сомневался, нужно ли было в университетском районе разводить грязь. Он нравился ему таким, каким был – чистым, тихим и пахнущим книгами и цветами.

– Тебе необязательно идти со мной, если что, – уточнил стрелок, посчитав это необходимым. – Ты нашел свои материалы. Можешь подождать в безопасности какой-нибудь уютной кофейни.

– Ты этого хочешь?

«Нет. Я не справлюсь в одиночку». Джеспер пожал плечами. Он не знал, как относиться к тому, что Уайлен может стать свидетелем предстоящей сцены в университете. Джеспер редко видел своего отца в гневе, но как он может не разозлиться сейчас? Какое оправдание способен предложить ему сын? Он врал и навлек опасность на ферму, на которой так упорно трудился его отец. И ради чего? Теплой кучки ничего.

Однако Джесперу становилось дурно при мысли том, чтобы встретиться с отцом один на один. Инеж бы его поняла. Не то чтобы он заслуживал ее сочувствия, но был в ней какой-то стержень, благодаря которому она, несомненно, распознала бы его страхи и постаралась бы развеять их. Он надеялся, что Каз вызовется сопровождать его. Но когда они разделились, подойдя к университету, Каз одарил его лишь быстрым мрачным взглядом. Послание вполне ясное: «Ты сам выкопал себе могилу. Теперь лежи в ней». Бреккер все еще наказывал его за засаду, которая чуть не сгубила их работу в Ледовом Дворе еще до того, как она успела начаться, и Джесперу понадобится пожертвовать чем-то большим, чем револьверами, чтобы вернуть благосклонность Каза. Хотя был ли он вообще к кому-то благосклонен?

Сердце Джеспера забилося чуть быстрее, когда они прошли под огромной каменной аркой во двор Буксплейна. Университет состоял не из одного сооружения, а из целой группы зданий, выстроенных вокруг параллельных отрезков Бокканала и соединенных Мостом Ора-тора, где люди встречались, чтобы подискутировать или выпить в компании пинту пива – зависело от дня недели. Но Буксплейн был сердцем университета – четыре библиотеки, расположенные в центральном дворе, и Фонтан Ученого. С того момента, как Джеспер впервые ступил на территорию университета, прошло почти два года. Официально он так и не отказался от обучения. Он даже не принимал формального решения перестать его посещать. Просто в какой-то момент он начал проводить все больше и больше времени в Восточном Обруче, пока однажды не поднял голову и не осознал, что Бочка стала его домом.

Однако за то короткое время, что он успел побыть студентом, Джеспер влюбился в Буксплейн. Он никогда не был книжным червем. Ему нравились истории, но он ненавидел долго сидеть на месте, а учебники, которые задавали им читать, были просто созданы для того, чтобы заставить его витать в облаках. В Буксплейне, куда бы ни устремился его взгляд, всегда было что-то притягательное: литые окна с витражными бордюрами, кованые ворота с узорами в

форме книг и кораблей, центральный фонтан с бородатым ученым и, самое главное, горгульи – гротескные существа с крыльями как у летучих мышей и с академическими шапочками на головах, – и каменные драконы, засыпающие над фолиантами. Ему нравилось думать, что, кто бы ни создал это место, он знал, что не всем студентам подходит спокойное созерцание.

Когда они вошли во двор, Джеспер не стал смотреть по сторонам, чтобы полюбоваться на каменную кладку или послушать всплески фонтана. Все его внимание сосредоточилось на мужчине, который стоял у восточной стены и разглядывал витражные окна, сжимая в руках шляпу. С внезапной болью Джеспер осознал, что его отец надел свой лучший костюм. Аккуратно зачесал назад свои рыжие каэльские волосы. Теперь в них появилась седина, которой не было, когда Джеспер покидал дом. Колм Фахи выглядел как фермер, направляющийся в церковь. Совершенно не к месту. Казу – черт побери, да любому в Бочке, – хватило бы одного взгляда на него, чтобы увидеть ходячую, разговаривающую мишень.

В горле у Джеспера пересохло, словно он глотнул мелкого песка.

– Папа, – прохрипел он.

Его отец резко поднял голову, и стрелок приготовился к тому, что может последовать далее. Какие бы гневные оскорбления ни обрушил на него отец, он их заслужил. Но он не был готов к улыбке облегчения, расплывшейся на грубоватом лице Колма. Джеспер чувствовал себя так, словно ему пулю засадили прямиком в сердце.

– Джес! – воскликнул мужчина. Затем Джеспер пересек двор, и руки отца сомкнулись вокруг него, обнимая так крепко, что стрелку показалось, что его ребра сжались. – Ради всех святых, я думал, что ты мертв! Мне сказали, что ты здесь больше не учишься, что ты просто исчез и... Я был уверен, что тебя зарезали бандиты или другие им подобные в этом позабытом святыми месте.

– Я жив, пап, – прокряхтел Джеспер. – Но это ненадолго, если ты и дальше будешь меня так сжимать.

Отец рассмеялся и отпустил парня, держа его на расстоянии вытянутой руки и положив крупные ладони на плечи сыну.

– Клянусь, ты вырос еще на сантиметр!

Джеспер пригнул голову.

– На полсантиметра. Э-э, знакомься, это Уайлен, – сказал он, перейдя с земенского на керчийский. Дома они общались на обоих языках: на родном языке его матери и на языке торговцев. Родной его отцу каэльский оставляли на те редкие случаи, когда Колм пел.

– Рад знакомству. Ты говоришь на керчийском? – едва не прокричал господин Фахи, и Джеспер понял почему: Уайлен выглядел как шуханец.

– Пап! – стрелок скривился от смущения. – Он прекрасно знает керчийский.

– Приятно с вами познакомиться, господин Фахи, – сказал Уайлен. Святые, благословите его купеческие манеры.

– И мне, парень. Ты тоже тут учишься?

– Я... учился, – неловко ответил Уайлен.

Джеспер понятия не имел, чем заполнить последовавшую паузу. Он и сам до конца не знал, чего ожидать от этой встречи, но явно не дружеского обмена любезностями.

Уайлен кашлянул.

– Вы голодны, господин Фахи?

– Умираю от голода! – ответил тот с благодарностью.

Уайлен пихнул Джеспера локтем.

– Может, сводим твоего отца на обед?

– Обед, – повторил тот, словно впервые услышал это слово. – Да, обед. Кому не нравится обед? – Обед казался настоящим чудом. Они поедят. Поговорят. Может, даже выпьют. Пожалуйста, пусть они выпьют...

– Но, Джеспер, что у тебя произошло? Я получил уведомление из Геменсбанка. Время на погашение кредита почти вышло, а ты заверял меня, что это временно. И твое обучение...

– Папа, – перебил Джеспер. – Я... дело в том...

Во дворе раздался выстрел. Джеспер толкнул отца себе за спину, и в ту же секунду пуля отскочила от камней у их ног, поднимая клубы пыли. Внезапно по всему двору пронеслось эхо залпа. Многократное отражение звука мешало понять, откуда именно исходили выстрелы.

– Что, во имя всего святого...

Джеспер дернул отца за рукав и потащил его, чтобы укрыться в каменной арке дверного проема. Затем посмотрел влево, собираясь схватить и Уайлена, но маленький купец уже сорвался с места и спешил за Джеспером, предусмотрительно пригнувшись. «*Ничто не учит быстрее, чем пара выстрелов, нацеленных на тебя*», – подумал стрелок, когда они спрятались под дугообразным навесом. Он вытянул шею, чтобы попытаться рассмотреть линию крыши, но моментально отпрянул при звуке следующей очереди. Откуда-то сверху и слева раздался новый грохот залпа, и Джесперу оставалось лишь надеяться на то, что Матиас и Каз открыли ответный огонь.

– Святые! – ахнул его отец. – Этот город гораздо хуже, чем пишут в путеводителях!

– Пап, дело не в городе, – ответил Джеспер, доставая пистолет из-под пиджака. – Эти люди охотятся за мной. Или за нами. Сложно сказать.

– Какие люди?

Джеспер и Уайлен переглянулись. Ян Ван Эк? Конкурирующая банда, пытающаяся свести счеты? Пекка Роллинс или еще кто-то, у кого Джеспер одолжил денег?

– Список потенциальных поклонников довольно длинный. Нам нужно убираться отсюда, пока они не решили представиться нам лично.

– Бандиты?

Джеспер знал, что его могут изрешетить в любой момент, поэтому постарался подавить ухмылку.

– Что-то типа того.

Он выглянул из-за проема, дважды выстрелил и спрятался обратно, когда воздух взорвался еще одной очередью.

– Уайлен, прошу, скажи мне, что у тебя в сумке не только перья, чернила и ингредиенты для долгоносика.

– У меня две фотобомбы и кое-что новенькое, заряженное большей, гм... силой.

– Бомбы? – недоуменно переспросил отец Джаспера и часто заморгал, словно пытаясь очнуться от кошмара.

Джеспер беспомощно пожал плечами.

– Считай, что это научный эксперимент.

– Так сколько людей нам противостоит? – спросил Уайлен.

– Только посмотри, ты начал задавать правильные вопросы! Трудно сказать. Они где-то на крыше, а единственный путь к отступлению – это арка, через которую мы пришли. Значит, нам придется пересечь весь двор, находясь под атакой сверху. Даже если нам удастся это провернуть, я предполагаю, что снаружи Буксплейна наш ждет еще больше вооруженных людей, если только Каз с Матиасом не смогут каким-то образом расчистить путь.

– Я знаю еще один выход, – сказал Уайлен. – Но он находится в другой стороне двора. – Он указал на дверь под аркой, украшенной каким-то высеченным рогатым монстром, жующим карандаш.

– Читальный зал? – Джеспер оценил расстояние. – Ладно. На счет три попытайся проваться. Я тебя прикрою. Отведи моего отца внутрь.

– Джеспер...

– Пап, клянусь, я все объясню, но сейчас тебе нужно знать только то, что мы в скверном положении, а скверные положения – это моя специализация. – И это была правда. Джеспер чувствовал, как оживает, как отступает тревога, отягощавшая каждый его шаг с тех пор, как он услышал новость о приезде отца в Кеттердам. Он ощущал себя свободным и грозным, как молния, сверкающая над прериями. – Доверься мне, пап.

– Хорошо, мой мальчик. Хорошо.

Джеспер не сомневался, что услышал невысказанное «пока что» в его словах. Уайлен подобрался. Для маленького купца все это до сих пор было в новинку. Оставалось надеяться, что Джеспер не прикончит их всех.

– Раз, два... – на «три» он открыл огонь. Выпрыгнув во двор, перекатился и спрятался за фонтаном. Стрелок действовал почти вслепую, но успел рассмотреть силуэты на крыше, и повинаясь инстинктам, чувствуя движение стрелял не целясь. Ему не нужно было никого убивать, достаточно напугать их до чертиков и выиграть время для Уайлена и отца.

В центральную статую фонтана попала пуля, и книга в руках ученого взорвалась обломками камня. Каким бы оружием ни пользовались эти ребята, они не шутили.

Джеспер перезарядил пистолет и выскочил из-за фонтана, продолжая стрелять.

– Святые! – выкрикнул он, когда боль пронзила его плечо. Он ненавидел, когда в него попадали. Парень спрятался за каменный выступ. Затем согнул руку, пытаясь понять, насколько серьезна его рана. Всего лишь царапина, но болела она адски, и он залил кровью свой новенький твидовый пиджак. – Вот поэтому мне и невыгодно пытаться выглядеть респектабельно, – буркнул стрелок себе под нос. Над ним передвигались силуэты по крыше. В любую минуту они замкнут кольцо с другой стороны фонтана, и ему придет конец.

– Джеспер! – подал голос Уайлен. Черт бы его побрал! Он должен был спрятаться внутри. – Джеспер, на два часа от тебя!

Парень поднял голову и увидел, как что-то дугой рассекает небо. Не задумываясь, прицелился и выстрелил. Раздался взрыв.

– Прыгай в воду! – крикнул Уайлен.

Джеспер нырнул в фонтан, и через секунду воздух замерцал от света. Когда его мокрая голова высунулась из воды, он увидел, что каждая поверхность двора и сада испещрена дырами и из крошечных кратеров поднимаются струйки дыма. Люди, находившиеся на крыше, кричали. Какую же бомбу выпустил в мир Уайлен?

Он надеялся, что Матиас с Казом нашли укрытие, но размышлять об этом не было времени. Джеспер кинулся ко входу под жующим карандаш демоном. Уайлен и его отец ждали внутри. Как только он ввалился к ним, дверь заперли.

– Помогите, – выдавил Джеспер. – Нужно ее забаррикадировать.

На человеке за столом была серая мантия ученого. Его ноздри раздулись так широко, что Джеспер побоялся, как бы его не засосало в одну из них.

– Молодой человек...

Стрелок наставил пистолет ему в грудь.

– Шевелитесь.

– Джеспер! – воскликнул его отец с осуждением.

– Не волнуйся, пап. В Кеттердаме люди постоянно тычут друг в друга пистолетами. Это практически местное рукопожатие.

– Это правда? – спросил господин Фахи, пока ученый неохотно отошел в сторону, чтобы дать им возможность придвинуть тяжелый стол к двери.

– Чистая, – кивнул Уайлен.

– Определенно нет! – возмутился ученый.

Джеспер помахал, показывая, что им нужно идти дальше.

– Зависит от района. Пошли.

Они побежали через главный проход читального зала, вдоль которого грудились длинные столы с горящими лампочками на изогнутых ножках. Студенты жались к стенам и прятались под стульями, наверняка думая, что все они вот-вот умрут.

– Народ, вам не о чем беспокоиться! – крикнул Джеспер. – Это всего лишь небольшая учебная стрельба во дворе.

– Сюда, – Уайлен подозвал их к двери, покрытой сложным орнаментом в виде завитков.

– О, туда нельзя! – забрюзжал ученый, спеша за ними и размахивая полами мантии. – Только не в зал с редкими книгами!

– Хотите снова пожать мне руку? – поднял бровь Джеспер, а затем добавил: – Обещаю, мы не будем стрелять без необходимости. – Он подтолкнул отца к лестнице. – Наверх!

– Джеспер? – раздался тоненький голосок из-под ближайшего стола.

На него смотрела миловидная блондинка, скрючившаяся на полу.

– Мадлен? – прошептал стрелок. – Мадлен Мишо?

– Ты обещал, что мы позавтракаем!

– Мне пришлось уехать во Фьерду.

– Фьерду?

Джеспер начал было подниматься по лестнице за Уайленом, но затем высунул голову обратно в читальный зал.

– Если я выживу, то куплю тебе вафель.

– У тебя нет денег на вафли, – проворчал Уайлен.

– Тихо! Не шуми в библиотеке.

Ни разу за время своего обучения у Джеспера не появлялось повода посетить зал с редкими книгами. Царившая здесь тишина была такой глубокой, словно они находились под водой. Подсвечиваемые золотыми лучами ламп манускрипты стояли на стеклянных стеллажах, а стены были завешаны редкими картами.

В углу, задрав руки, стоял шквальный в синем кафтане, но тут же отпрянул, увидев их.

– Шуханцы! – завопил он, глядя на Уайлена. – Я с вами никуда не пойду. Только через мой труп!

Фахи-старший сделал жест руками, словно успокаивая лошадь.

– Тихо, парень.

– Мы просто проходили мимо, – кивнул Джеспер, вновь подталкивая отца.

– Следуйте за мной, – скомандовал Уайлен.

– Что шквальный делает в зале с редкими книгами? – полюбопытствовал стрелок, когда они двинулись по лабиринту из полок стеллажей, минуя встречающихся преподавателей или студентов, которые прижимали к себе книги и тряслись от страха.

– Влажность. Он делает воздух сухим, чтобы сохранить рукописи.

– Хорошая работа, можно неплохо устроиться.

Дойдя до западной стены, Уайлен остановился перед картой Равки. Он осмотрелся, убедившись, что за ними не следят, и нажал на символ, обозначающий столицу – Ос Альту. Страна на карте будто бы начала разрываться вдоль шва Неморя, открывая темный зазор, ширины которого едва хватало, чтобы пролезть.

– Он ведет на второй этаж мастерской гравера, – сказал Уайлен, когда они втиснулись внутрь. – Его построили, чтобы профессора могли спокойно попасть из библиотеки домой, не участвуя в разборках с озлобленными студентами.

– Озлобленными? – переспросил отец Джеспера. – Тут все студенты ходят с пистолетами?

– Нет, но существует давняя традиция устраивать бунт из-за оценок.

Карта снова склеилась, и они продолжили передвигаться бочком в темноте.

– Не хочу показаться бестактным, – пробормотал Джеспер Уайлену, – но я бы никогда не подумал, что ты часто бываешь в зале с редкими книгами.

– Я встречался там с одним из своих преподавателей, еще в те времена, когда мой отец думал... Репетитор рассказывал много интересных историй. И мне всегда нравились карты. Порой, когда я обводил пальцами буквы, мне становилось легче... в общем, так я и нашел проход.

– Знаешь, Уайлен, когда-нибудь я перестану тебя недооценивать.

Последовала короткая пауза, а затем откуда-то впереди он услышал ответ:

– Тогда мне будет намного труднее тебя удивить.

Джеспер улыбнулся, хотя сейчас для этого было неподходящее время. Сзади раздавались крики из зала редких книг. Они были на волосок от смерти, его плечо кровоточило, но им удалось сбежать – ради таких моментов он и жил. Он должен гудеть от радости после битвы. Парень чувствовал волнение, пенящееся в его крови, но в паре с ним шло зябкое, незнакомое ощущение, которое, казалось, высасывало из него всю радость. Все, о чем он мог думать, – это: *«Папу могли ранить. Он мог умереть»*. Джеспер привык к тому, что в него постоянно стреляли. Его бы даже слегка обидело, если бы люди *перестали* это делать. Но тут совсем другое. Отец не нарывался на драку. Его единственное преступление заключалось в том, что он поверил в своего сына.

«В этом и беда Кеттердама, – подумал Джеспер, пока они неуклюже протискивались вперед в темноте. – Доверься не тому человеку – и тебе крышка».

6. Нина

Нина не могла отвести глаз от Колма Фахи. Он был немного ниже своего сына, шире в плечах и выглядел как типичный каэлец – яркие темно-рыжие волосы и молочно-белая кожа, густо усеянная веснушками от земенского солнца. И хотя его глаза были того же ясно-серого цвета, что у Джеспера, в них читались серьезность, уверенность и теплота, которые так отличали его от искрящейся энергией Фахи-младшего. Но повышенное внимание девушки к фермеру объяснялось не только тем, что ей нравилось находить общие черты у отца и сына. Просто было странно видеть человека столь *нравственного* в каменном корпусе пустого мавзолея, окруженного худшими из кеттердамских отродий – включая ее саму.

Нина вздрогнула и закуталась в старую попону, которую использовала как накидку. Она начала делить жизнь на хорошие дни и плохие и, из-за Корнелиса Смита, этот день считала ужасным. Девушка не могла позволить себе раскисать, особенно теперь, когда они были так близки к освобождению Инеж. *«Пусть с тобой все будет хорошо, – молила она подругу, надеясь, что ее мысли могут каким-то образом рассеять воздух, промчатся над водами кеттердамских гаваней и попасть к ней. – Будь целой и невредимой и жди нас»*.

Нины не было на Вельгелюке, когда Ван Эк взял Инеж в заложницы. В то время она все еще пыталась избавиться от парема в своем организме, проходя через горнило страданий, начавшихся по пути в Керчию из Джерхольма. Она убеждала себя, что должна быть благодарна за те мучения, через которые ей пришлось пройти, за каждую минуту, которую она провела, дрожа от лихорадки, воя от боли или выворачиваясь наизнанку. За стыд от того, что Матиас все это видел, убирал ей с лица волосы, промокал лоб, придерживал ее так осторожно, как только мог, пока она спорила, кричала и умоляла его о еще одной дозе парема. Она заставила себя вспомнить каждую сказанную гадость, каждую непристойную дикость, каждое оскорбление или обвинение, которыми она закидывала его. *«Тебе нравится смотреть, как я страдаю! Хочешь, чтобы я тебя умоляла, так ведь? Как долго ты ждал, чтобы увидеть меня такой? Хватит наказывать меня, Матиас! Помоги мне. Будь добр ко мне, и я буду добра к тебе»*. Все это он проглотил в стоическом молчании. Нина крепко держалась за эти воспоминания. Они нужны ей максимально яркими, насыщенными и вызывающими стыд, чтобы бороться с тягой к наркотику. Она больше не хотела становиться такой.

Девушка посмотрела на Матиаса – его густые золотистые волосы отросли достаточно, чтобы начать виться у ушей. Она любила его и в то же время ненавидела. Потому что он не давал ей того, чего она хотела. Потому что он знал, как сильно она в этом нуждалась.

После того как Каз высадил их на острове Черной Вуали, Нина продержалась два дня, а потом сломалась и побежала к Кювею, чтобы просить о еще одной дозе парема. Крошечной. Всего лишь попробовать, просто чтобы немного уменьшить эту неослабевающую потребность. Ее перестало бросать в пот, приступы лихорадки прошли. Она могла ходить, говорить и слушать, как Бреккер и остальные вынашивают свои планы. Но даже когда она занималась своими делами, пила бульон и чай с сахаром, который Матиас ставил перед ней, жажда всегда была рядом – неустанное зубчатое распиливание ее нервов, вверх и вниз, минута за минутой. Когда она пришла посидеть рядом с Кювеем, ее решение просить о дозе еще не было осознанным. Она ласково поговорила с ним на шуханском, выслушала его жалобы на сырость в гробнице. А затем слова сами слетели с ее губ:

– У тебя есть еще?

Он даже не спрашивал, что она имела в виду.

– Я все отдал Матиасу.

– Понятно. Наверное, это к лучшему.

Она улыбнулась. Он улыбнулся. Ей захотелось растерзать его лицо в клочья.

Потому что Нина ну никак не могла пойти к Матиасу. Никогда. Зная его, она верила, что он вполне мог выкинуть остатки запасов Кювея в море. Эта мысль наполнила ее таким страхом, что пришлось бежать наружу и извергать содержимое и без того пустого желудка перед одной из разрушенных гробниц. Засыпав все грязью, она нашла тихое местечко рядом с решеткой для вьющегося плюща и пролила ручьи горьких слез.

– Все вы просто кучка бесполезных засранцев, – сказала она молчаливым могилам. Кажется, им было все равно. Однако, каким-то образом, молчаливая безмятежность Черной Вуали смогла ее усмирить. Она и сама не понимала, в чем тут дело. Раньше территория мертвых никогда не приносила ей утешения. Девушка немного отдохнула, вытерла слезы и, дождавшись, пока пройдут пятна на коже и высохнут глаза, вернулась к остальным.

«Ты пережила самое худшее, – сказала она себе. – Парем вне досягаемости, так что можешь перестать думать о нем». И ей это удалось на какое-то время.

Прошлым вечером, готовясь закадрить Корнелиса Смита, она совершила ошибку – воспользовалась своей силой. Даже в парике, цветах, наряде с корсетом она не могла до конца вжиться в роль соблазнительницы. Поэтому Нина нашла зеркало в «Кучевых облаках» и попробовала убрать мешки под глазами. Это была ее первая попытка пустить в ход свою магию с момента выздоровления. От прилагаемых усилий на ее лбу выступил пот, и, как только синева под глазами ушла, проснулся голод по парему – ударил так резко, словно кулаком по груди. Девушка согнулась пополам, цепляясь за раковину, в голове проносились безумные мысли о том, как ей сбежать, у кого могут быть запасы, что ей на них обменять. Она заставила себя подумать о позоре на корабле, о будущем, которое может у них сложиться с Матиасом, но единственное, что привело ее в чувство, была мысль об Инеж. Нина обязана ей жизнью и ни за что не оставит ее в лапах Ван Эка. Она не такой человек. Она отказывается такой быть!

Каким-то чудом ей удалось взять себя в руки. Нина умыла лицо и щипнула себя за щеки, чтобы те зарумянились. Она все еще выглядела изможденной, но решительно поправила корсет и сверкнула самой яркой улыбкой, на какую была способна. *«Сделай все как надо, и Смит даже не посмотрит на твое лицо»*, – наставляла она себя, выходя за дверь и начиная охоту на простофилю.

Но как только работа была сделана и нужная информация добыта, она дождалась, когда все уснут, и начала рыться в немногочисленных пожитках Матиаса, в карманах его одежды, и

ее раздражение возрастало с каждой секундой. Она ненавидела его. Ненавидела Кювея. Ненавидела этот чертов город!

Проникшись к себе отвращением, Нина скользнула обратно под одеяло. Матиас всегда спал спиной к стене – привычка со времен жизни в Хеллгейте. Она позволила рукам разгуляться, шаря по его карманам и пытаясь прощупать подкладку штанов.

– Нина? – сонно спросил фьерданец.

– Мне холодно, – ответила она, продолжая поиски. Затем поцеловала его в шею и под ухом. Она никогда прежде не позволяла себе так его целовать. У нее не было случая. Они были слишком заняты распутыванием клубка из подозрений, вожделения и верности, который связал их вместе, а после того, как она приняла парем... Даже сейчас он был всем, о чем она могла думать. Желание, которое ее охватывало, было вызвано страстью к наркотику, а не к тому, чье тело шевелилось под ее ладонями. Но Нина не стала целовать Матиаса в губы. Она не могла позволить парему забрать у нее и это.

Матиас тихо застонал.

– Остальные...

– Все спят.

Тогда он схватил ее за руки.

– *Остановись.*

– Матиас...

– Он не у меня.

Она высвободилась из его хватки, и стыд выжигал ее кожу так же, как пламя выжигает лесную поляну.

– Тогда у кого? – прошипела девушка.

– У Каза. – Она замерла. – Ну что, поползешь и к нему в койку?

Нина фыркнула, не веря своим ушам.

– Он перережет мне глотку.

Ей хотелось кричать от беспомощности. С Казом не договоришься. Ей не запугать его, как, например, Уайлена, и не задобрить, как Джеспера.

На нее навалилась внезапная усталость – словно ярмо на шею набросили, но, по крайней мере, она немного ослабила ее желание. Девушка прижалась лбом к груди Матиаса.

– Я ненавижу это. И немного тебя, дрюскель.

– Я уже привык. Иди сюда.

Он обвил ее руками и заставил говорить о Равке и Инеж. Парень отвлекал ее рассказами, перечислил названия ветров, задувающих во Фьерде, описал свою первую трапезу в зале дрюскелей. В какой-то момент она, должно быть, задремала, потому что уже в следующую секунду Нина с трудом выбиралась из пут тяжелого сна без сновидений, нарушенного звуком отодвигающейся двери в гробницу.

Матиас и Каз вернулись из университета; их одежда была прожжена до дыр от какой-то новой бомбы Уайлена. Следом за ними шел и сам маленький купец вместе с Джеспером – оба выглядели ошарашенными и промокли до нитки, попав под весенний дождь, начавшийся снаружи. Процессию замыкал мускулистый фермер каэльского происхождения. Нине казалось, что святые решили преподнести ей чудесный подарок – наконец-то происходило что-то настолько безумное и непонятное, что могло действительно отвлечь ее.

Хотя наркотический голод и притупился с прошлой ночи, он все равно никуда не делся, и девушка понятия не имела, как ей пережить сегодняшний день. Соблазнение Смита было лишь первой частью их плана. Каз нуждался в ней, как и Инеж. Им необходимо, чтобы она была корпориадом, а не наркоманкой с судорогами, которую одна попытка в портняжном деле довела до истощения. Но Нина не могла об этом думать, глядя на Колма Фахи, мнущего свою шляпу, или на Джеспера, который, судя по виду, предпочел бы съесть порцию вафель с тол-

ченным стеклом, чем говорить с отцом, или на Каза... Она даже не представляла, чего от него ожидать. Гнева, а может, и чего-нибудь похуже. Каз не любил сюрпризы или потенциальную уязвимость, а отец Джеспера был сплошной коренастой, загорелой уязвимостью.

Но выслушав историю запыхавшегося Джеспера – которая, как подозревала Нина, была слегка приукрашена, – о том, как они сбежали из университета, Каз просто оперся на трость и спросил:

- За вами был хвост?
- Нет, – стрелок помотал головой.
- Уайлен?

Колм ошестинился.

- Ты сомневаешься в словах моего сына?
- Ничего личного, пап. Он во всех сомневается.

Лицо Каза оставалось невозмутимым, а грубый голос стал таким приятным и доброжелательным, что волосы на руках Нины встали дыбом.

– Прошу прощения, господин Фахи. Привычка, выработанная в Бочке. Доверяй, но проверяй.

- Или просто не доверяй, – пробормотал Матиас.
- Уайлен? – повторил Бреккер.

Тот поставил свою сумку на стол.

– Если бы они знали о проходе, то последовали бы за нами или послали людей в мастерскую гравера. Нам удалось сбить их со следа.

- Я насчитал десятерых на крыше, – сказал Каз, и Матиас кивнул, подтверждая его слова.
- Похоже на то, – отозвался Джеспер. – Но я не уверен. Они стояли спиной к солнцу.

Каз сел в кресло и сосредоточил взгляд своих черных глаз на отце Джеспера.

- Вы были приманкой.
- О чем ты говоришь, парень?
- Банк потребовал вернуть заем?

Колм удивленно заморгал.

– Ну, вообще-то да, они прислали мне довольно резко сформулированное письмо о том, что я стал для них нестабильным кредитным риском. И сказали, что, если я не выплачу всю сумму, они будут вынуждены принять законные меры. – Фермер повернулся к сыну. – Я писал тебе, Джес. – В его голосе слышалось недоумение, а не обвинение.

- Я... у меня не было возможности забрать почту.

Мог ли он получать письма после того, как перестал посещать университет? Нина гадала, как ему удавалось так долго обманывать отца. Задачу облегчал тот факт, что Колм находился через море от Кеттердама – и хотел верить своему сыну. «*Легкая мишень*», – с грустью подумала Нина. Какими бы ни были его причины, Джеспер дурачил собственного отца.

- Джеспер... – начал Колм.
- Я пытался собрать деньги, пап.
- Они грозят забрать ферму.

Парень вперил взгляд в пол.

- Я был близок. Я и *сейчас* близок.

– К деньгам? – теперь Нина услышала раздражение в голосе господина Фахи. – Мы сидим в гробнице. В нас только что стреляли!

- Что заставило вас сесть на корабль в Кеттердам? – поинтересовался Каз.

– Банк перенес дату платежа! – возмущенно ответил он. – Просто сообщил, что наше время вышло. Я пытался связаться с Джеспером, но когда ответа не последовало, я подумал...

– Вы подумали, что надо посмотреть, чем занимается ваш золотой мальчик на темных улицах Кеттердама.

– Я боялся худшего. У города та еще репутация.
– Клянусь вам, она вполне заслуженная. И что вы сделали, когда вы прибыли?
– Я поспрашивал в университете. Мне сказали, что он не числится среди студентов, поэтому я пошел в полицию.

Джеспер скривился.

– Ох, папа. К городской страже?

Колм сжал шляпу с новой силой.

– А куда еще я должен был пойти, Джес? Ты знаешь, как здесь опасно для... таких, как ты.

– Пап, – он наконец-то посмотрел отцу в глаза. – Ты же не говорил им, что я...

– Конечно, нет!

«*Гриш. Почему они не произносят это слово вслух?*»

Колм швырнул кусок войлока, который некогда был его шляпой.

– Я ничего не понимаю! Зачем ты привел меня в это ужасное место? Почему в нас стреляли? Что стало с твоими занятиями? Что стало с тобой?

Джеспер открыл и закрыл рот.

– Папа, я... я...

– Это моя вина, – выпалил Уайлен. Все посмотрели на него. – Он, э-э... он беспокоился о кредите, поэтому оставил учебу на время, чтобы работать на...

– Местного оружейника, – закончила Нина.

– Нина, – пробурчал Матиас предупреждающе.

– Ему нужна наша помощь, – прошипела она.

– Чтобы врать отцу?

– Это выдумка. Совсем другое дело. – Она понятия не имела, что замыслил Уайлен, но его определенно нужно было спасти.

– Да! – радостно воскликнул юноша. – Оружейника! А потом я... я рассказал ему о сделке...

– Их обманули, – встрял Каз. Его голос был холоден и резок, как всегда, но держался он немного зажато, словно шел по незнакомой тропинке. – Им сделали деловое предложение, которое казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Колм рухнул в кресло.

– Если так казалось, то...

– Да, вы правы, – ответил он. У Нины появилось странное ощущение, что Бреккер в кои веки говорил искренне.

– Вы с братом все потеряли? – спросил Фахи-старший Уайлена.

– С братом? – недоуменно повторил тот.

– Да, с твоим *братом-близнецом*, – напористо продолжил Каз, косясь на Кювея, который молча наблюдал за происходящим. – Они все потеряли. С тех пор брат Уайлена не произносит ни слова.

– Он похож на тихоню, – кивнул Колм. – И вы все... студенты?

– Можно и так сказать.

– Студенты, которые проводят свободное время на кладбище. Разве нам не нужно обратиться к властям? Рассказать им, что случилось? Эти мошенники могут обмануть и других.

– Ну-у... – начал Уайлен, но взгляд Каза заставил его умолкнуть. В гробнице наступила странная тишина. Каз занял место у стола.

– Власти вам не помогут. Не в этом городе.

– Почему?

– Потому что здесь законом управляет прибыль. Джеспер и Уайлен пытались заработать денег быстрым путем. Максимум, что сделают стражники, – это вытрут их слезки. Порой единственный способ добиться правосудия – вершить его самому.

– И тогда за дело берешься ты.

Каз кивнул.

– Мы вернем ваши деньги. Вы не потеряете ферму.

– Но для этого вам придется выйти за рамки закона, – заявил Колм и устало покачал головой. – Ты едва тянешь на выпускника.

– Кеттердам был моей школой. И я могу заверить вас в следующем: Джеспер никогда бы не обратился ко мне за помощью, если бы у него были другие варианты.

– Ты не можешь быть настолько ужасным, парень, – фыркнул Колм. – Ты не так долго живешь, чтобы обзавестись грехами.

– Я быстро учусь.

– Я могу тебе доверять?

– Нет.

Колм снова поднял свою мятую шляпу.

– Могу ли я доверить тебе помощь Джесперу?

– Да.

Господин Фахи вздохнул и окинул их всех взглядом. Нина машинально выпрямилась.

– Вы заставляете меня чувствовать себя слишком старым.

– Побудьте еще немного в Кеттердаме. Тогда вы почувствуете себя древним. – Каз наклонил голову набок и принял отстраненный, задумчивый вид. – У вас честное лицо, господин Фахи.

Колм озадаченно посмотрел на Джеспера.

– Ну, надеюсь, что так. Спасибо за наблюдение.

– Это не комплимент, – отозвался стрелок. – И я знаю этот взгляд, Каз. Даже не смей крутить свои шестеренки.

В ответ тот лишь медленно моргнул. Какой бы замысел ни зарождался в его дьявольской голове, останавливать его было слишком поздно.

– Где вы сейчас остановились?

– В «Острихе».

– Возвращаться туда небезопасно. Мы перевезем вас в отель «Гельдреннер». Зарегистрируем под другим именем.

– Но зачем?! – поперхнулся Колм.

– Потому что некоторые люди желают Джесперу смерти, и они уже использовали вас, чтобы выманить его из укрытия. Я не сомневаюсь, что они захотят взять вас в заложники, а у нас и так их хватает. – Каз написал инструкции Ротти и вручил ему очень толстую пачку круге. – Не стесняйтесь обедать в ресторане, господин Фахи, но я настоятельно прошу вас воздержаться от экскурсий по городу и оставаться в отеле, пока мы с вами не свяжемся. Если кто-нибудь спросит, что вы там делаете, просто скажите, что приехали отдохнуть и расслабиться.

Колм окинул Ротти и Каза задумчивым взглядом. Затем решительно вздохнул:

– Нет. Я вам благодарен, но все это неправильно, – повернулся к Джесперу. – Мы найдем другой способ выплатить долг. Или начнем сначала в каком-нибудь новом месте.

– Ты не откажешься от фермы, – возразил Джеспер, а затем понизил голос: – *Она там.* Мы не можем ее бросить.

– Джес...

– Пожалуйста, пап! Пожалуйста, позволь мне все исправить. Я знаю... – он сглотнул, и его тощие плечи сгорбились. – Я знаю, что подвел тебя. Просто дай мне еще один шанс.

Нина подозревала, что обращался он не только к отцу.

– Нам здесь не место, Джес. В этом городе слишком много шума, слишком много беззакония. Ничто не имеет смысла.

– Господин Фахи, – тихо окликнул Каз. – Знаете поговорку о прогулке по коровьему пастбищу?

Брови Джеспера взмыли вверх, а Нине пришлось подавить нервный смешок. Что этот подонок из Бочки знал о коровьих пастбищах?

– Пригни голову и смотри себе под ноги, – ответил Колм.

Каз кивнул.

– Считайте Кеттердам очень большим коровьим пастбищем. – Хмурое лицо Колма расплылось в слабой улыбке. – Дайте нам три дня, чтобы вернуть ваши деньги и безопасно вывезти вас с сыном из Керчии.

– А это возможно?

– В этом городе все возможно.

– Эта мысль не придает мне уверенности.

Он встал, и Джеспер вскочил на ноги.

– Пап?

– Три дня, Джеспер. Затем мы поплывем домой. С деньгами или без них, – он положил руку на плечо сыну. – И, ради святых, будь осторожен. Вы все тоже.

Нина внезапно почувствовала, как у нее запершило в горле. Матиас потерял семью во время войны. Нину забрали у родных, чтобы тренировать, когда она была совсем маленькой. Уайлена, можно сказать, выгнали из отцовского дома. Кювей потерял отца и родину. А Каз? Она даже знать не хотела, из какого темного переулка он выполз. Но Джесперу было куда идти, было кому за ним приглядывать, был тот, кто мог ему сказать: «Все будет хорошо». Девушка представила золотые поля под безоблачным небом, дощатый дом, защищенный от ветра линией красных дубов. Безопасное место. Ей захотелось, чтобы Колм Фахи ворвался в контору Яна Ван Эка и приказал вернуть Инеж, пока ему не выбили все зубы. Ей захотелось, чтобы кто-нибудь в городе помог им, чтобы они не были так одиноки. Ей захотелось, чтобы отец Джеспера забрал их всех с собой. Она никогда не бывала в Новом Земе, но тоска по его золотистым полям напоминала тоску по дому. «*Глупые*, – осадил она себя, – *детские мечты*». Каз был прав – если они хотят правосудия, придется добиваться его своими силами. Но это никак не облегчало боль в ее осиротевшем сердце.

Колм попрощался с Джеспером и направился к каменному выходу из гробницы вместе с Ротти и Шпектом. У двери он обернулся, чтобы помахать им, и вышел.

– Мне стоило пойти с ним, – сказал Джеспер, маяча в проходе.

– Ты уже чуть не убил его один раз, – сухо заметил Каз.

– Нам известно, кто устроил засаду в университете? – спросил Уайлен.

– Отец Джеспера ходил к городской страже, – отозвался Матиас. – Уверен, большинство офицеров не гнушаются взятками.

– Верно, – кивнула Нина. – Но с чего банк так внезапно потребовал вернуть долг? Не думаю, что это совпадение.

Уайлен сел за стол.

– Если в дело вовлечены банки, за этим может стоять мой отец.

– Пекка Роллинс тоже имеет связи в банках, – нахмурился Каз, и Нина заметила, как его рука в перчатке сжимается вокруг головы ворона.

– Могут ли они работать вместе? – спросила она.

Джеспер потер руками лицо.

– Ради всех святых и тети Евы, давайте надеяться, что нет.

– Я ничего не исключаю, – ответил Каз. – Но все это никак не меняет того, что сегодня должно произойти. Вот, – он потянулся к одной из ниш в стене.

– Мои револьверы! – воскликнул Джеспер, прижимая их к груди. – Ох, ну, здравствуйте, мои красавицы. – Его лицо расплылось в ослепительной улыбке. – Ты вернул их!

- Сейф в «Кучевых облаках» несложно взломать.
- Спасибо, Каз! Спасибо.

От теплоты, которую проявил Каз к отцу Джеспера, не осталось и следа – она улетучилась так же быстро, как мечты о золотых полях.

– Что толку от стрелка без пистолетов? – спросил он, делая вид, что не замечает, как улыбка сползает с лица Джеспера. – Ты слишком много задолжал. Как и все мы. Сегодня мы начнем платить по долгам.

Наступила ночь, и они принялись за дело. Восковая луна наблюдала за ними своим сияющим глазом. Нина поправила рукава. Заморозки прошли, и погода наконец-то начала соответствовать середине весны. Ну, или тому, на что она походила в Керчии – на влажное, удушьящее тепло звериной пасти. Облегчение приносили лишь короткие непредсказуемые бури. Матиас и Джеспер ушли к докам пораньше, чтобы убедиться, что гондола готова. Затем они вместе направились в отправной пункт, оставив Кювея на попечении Ротти и Шпекта на Черной Вуали.

Лодка бесшумно рассекала воду. Вдалеке Нина видела блеск фонарей, направляющих их вперед.

Револьверы Джеспера вернулись на свое законное место на его ремне, и они с Матиасом закинули винтовки за плечи. Каз спрятал в пальто пистолет, и с ним была его дьявольская трость, а Уайлен крепко держался за свою сумку. Она была доверху набита взрывчаткой, фотобомбами и много чем еще.

- Надеюсь, мы не просчитались, – вздохнул парень. – Мой отец должен быть готов.
- Я на это рассчитываю, – ответил Каз.

Нина пробежалась пальцами по рукоятке пистолета, спрятанного в кармане легкого весеннего плаща. Она никогда прежде не нуждалась в оружии и не хотела его носить. *Потому что я сама была оружием.* Но теперь девушка себе не доверяла. Ее власть над собственной силой казалась ненадежной, словно она упорно тянулась за чем-то, что находилось немного дальше, чем предполагалось. Ей нужна была уверенность, что сегодня сила ее не подведет. У нее не было права на ошибку, когда от этого зависела жизнь Инеж. Нина понимала, что, будь она на Вельгелюке, битва прошла бы иначе. Инеж ни за что бы не похитили, если бы Нине хватило сил бороться с прихвостнями Ван Эка.

А будь у нее парем? Никто бы не смог ей противостоять.

Нина тряхнула головой. *Будь у тебя парем, ты бы стала полностью от него зависима и сейчас бы плыла на Баржу Жнеца.*

Никто не произнес ни слова, когда они пришвартовались и как можно быстрее и тише высадились из гондолы. Каз жестом приказал им становиться по позициям. Он зайдет с севера, Матиас и Уайлен с востока. Нина и Джеспер будут отвечать за стражников по западному краю периметра.

Нина сжала и разжала пальцы. Обезвредить четверых охранников. Ничего сложного. Еще пару недель назад это не составило бы для нее труда. Замедлить их пульс. Затем тихо отправить в беспамятство, чтобы не потревожить охранную систему. Но теперь она гадала: из-за чего ее одежда неприятно липла к телу, дело во влажности или в потливости на нервной почве?

В кафе она увидела очертания первых двух стражников на посту. Они опирались на низкую каменную стенку, поставив винтовки рядом с собой, и лениво переговаривались. Их речь звучала то тише, то чуть громче, сливаясь в общий гул. Проще простого.

- Закрой им глаза, – прошептал Джеспер.

Нина сосредоточилась на мужчинах, позволив своему телу настроиться на их чувства, нащупывая бьющиеся сердца, прислушиваясь к стремительному ритму крови. Впечатление, словно она вслепую плелась в темноте. Там попросту ничего не было. Какой-то частичкой

разума она ощущала очертания их тел, след прежних умений, но на этом все. Она видела их собственными глазами, слышала своими ушами, но остальное было окутано тишиной. Ее внутреннее чутье, дар, который был у нее столько, сколько она себя помнила, сердце силы, которая была ее постоянным спутником с самого детства, просто перестало биться. Ее мысли крутились вокруг парема, того возбуждения, легкости, когда казалось, что сама вселенная лежит у ее ног.

– Чего ты ждешь? – поторопил Джеспер.

Встревожившись то ли от какого-то звука то ли просто от их присутствия, один из стражников посмотрел в их сторону, вглядываясь в тень. Затем поднял винтовку и подал сигнал своему товарищу идти за ним.

– Они идут к нам! – Джеспер схватился за револьверы.

Ох, святые! Если Джеспер выстрелит, остальные охранники узнают об их присутствии. Поднимется тревога, и весь их план полетит к чертям.

Нина приложила все усилия, чтобы сосредоточиться. Ее охватила тяга к парему, пронзая все тело, закапываясь в череп острыми коготками. Она заставила себя не думать об этом. Один из стражников споткнулся и упал на колени.

– Гиллис! – воскликнул второй. – Что с тобой? – Но ему хватило ума не опускать оружие. – Стоять! – крикнул он в их сторону, все еще пытаясь поднять друга. – Назовите себя!

– Нина! – яростно зашептал Джеспер. – Сделай что-нибудь.

Девушка сжала кулак, пытаясь сдвинуть гортань стражника, чтобы он не мог позвать на помощь.

– Назовите себя!

Джеспер достал пистолет. *«Нет, нет, нет!»* Она не будет причиной, по которой все сорвется. Парем должен был убить ее или оставить в покое, а не запирать в этом жалком, немоющем чистилище. Нину охватила волна гнева – чистая, идеальная, отрезвляющая злость. Ее разум потянулся и внезапно схватился за что-то – не за тело, но хоть за что-то. Уголкем глаза она заметила какое-то движение, тусклое очертание, выходящее из теней – клубы пыли. Они рванули к стражнику. Тот начал размахивать руками, словно отгонял стаю комаров, но пыль крутилась все быстрее и быстрее, превращаясь в практически невидимое размытое пятно. Стражник открыл рот, чтобы закричать, и облако исчезло. Он закричал и повалился на спину.

Его коллега все еще покачивался на коленях. Нина с Джеспером вышли вперед, и парень стукнул стражника прикладом револьвера по затылку. Тот потерял сознание и рухнул на землю. Ребята осторожно осмотрели второго охранника. Он лежал с открытыми глазами, глядя в звездное небо. Его рот и ноздри были забиты белой пылью.

– Это ты сделала? – спросил Джеспер.

А она ли? Нине казалось, что она чувствует привкус пыли на собственном языке. Так не должно быть. Корпоралы манипулировали человеческим телом, а не неорганической материей. Это была работа фабрикатора... и сильного.

– А это был не ты?

– Спасибо за доверие, но это полностью твоя заслуга, красавица.

– Я не хотела его убивать.

А чего она хотела? Просто заставить его умолкнуть. Слюна вытекла из уголка его приоткрытых губ тонкой струйкой.

– Осталось еще двое стражников, – сказал Джеспер. – И мы уже опаздываем.

– Как насчет того, чтобы просто стукнуть их по голове?

– Изошренно. Мне нравится.

Нину охватило странное ощущение, растекающееся по телу, но зато жажда парема приутихла. *Я не хотела убивать его.* Это не имело значения. По крайней мере сейчас. Стражники обезоружены, а их план пришел в действие.

– Пошли, – сказала она. – Пора забирать нашу девочку.

7. Инеж

Инеж провела бессонную ночь в темноте. Когда ее живот заурчал, девушка предположила, что настало утро, но никто не явился, чтобы снять с нее повязку или принести поднос с едой. Похоже, Ван Эк больше не видел смысла в том, чтобы с ней нянчиться. Торговец и без того хорошо рассмотрел ее страх. Теперь ее страх послужит ему рычагом воздействия, – а не сулийские глаза Бажана или его попытки быть любезным.

Когда судороги прошли, Инеж с трудом подползла к вентиляционному отверстию и обнаружила, что его наглухо закрепили болтами. Должно быть, это сделали, пока она находилась в театре. Инеж ничуть не удивилась. Она подозревала, что Ван Эк оставил решетку в таком расшатанном состоянии только для того, чтобы дать ей надежду, а затем вырвать ее из рук.

В конце концов в голове прояснилось, и, лежа в тишине, девушка начала обдумывать план. Она заговорит. Она знала предостаточно убежищ, которыми Отбросы больше не пользовались, потому что их раскрыли или они просто стали им без надобности. С этого можно начать. Затем последуют предположительные укрытия, принадлежащие другим бандам Бочки. Ей было известно о переоборудованном грузовом контейнере, которым периодически пользовались Обломщики. Портовые Лезвия любили отсиживаться в отеле с сомнительной репутацией в паре улиц от Клепки. Они называли его «Пирожок с джемом» из-за выцветшего малинового цвета и белых карнизов, которые выглядели так, словно их покрыли глазурью. У Ван Эка уйдет большая часть ночи на то, чтобы обыскать все номера. Инеж будет тянуть время. Заставит торговца и его людей обегать весь Кеттердам в поисках Каза. Она никогда не была хорошей актрисой, но ее часто заставляли лгать в «Зверинце», и, кроме того, она провела достаточно времени с Ниной, чтобы научиться у нее некоторым трюкам.

Когда Бажан наконец появился и снял с ее глаз повязку, с ним было шесть вооруженных охранников. Девушка не знала, сколько прошло времени, но подозревала, что примерно сутки. Лицо Бажана было бледным, и он старался не встречаться с ней взглядом. Инеж надеялась, что он не спал всю ночь, а ее слова давили ему на грудь тяжелым грузом. Он освободил ей ноги, но только для того, чтобы сменить веревки на кандалы. Они громко лязгали, пока стража вела ее по коридору.

На сей раз ее провели через задние двери театра, мимо комнат с декорациями и позабытым реквизитом, покрытым пылью, напрямик к сцене. Съеденный молью дырявый зеленый занавес опустили, так что зрительный зал был не виден. Отгороженность от остальной части театра, а также тепло, идущее от софитов, создавали на сцене удивительно интимную обстановку. Теперь она больше походила на настоящую операционную палату. Инеж коснулась взглядом сломанного угла стола, на котором она лежала прошлой ночью, и быстро отвернулась.

Ван Эк ждал ее в компании остроносого стражника. Девушка мысленно дала себе клятву. Даже если ее план не удастся, даже если он размозжит ее ноги в мясо, даже если она никогда больше не сможет ходить, Инеж найдет способ расплатиться с ним сполна. Она пока не знала, как именно, но она это сделает. Ей слишком многое пришлось пережить, чтобы позволить Ван Эку уничтожить ее.

– Бойтесь, госпожа Гафа? – спросил он.

– Да.

– Какая честность. Вы готовы рассказать мне, что вам известно?

Инеж сделала глубокий вдох и опустила голову, пытаясь убедительно изобразить нежелание.

– Да, – прошептала она.

– Начинайте.

– Откуда мне знать, что вы не причините мне вреда после того, как получите информацию? – настороженно поинтересовалась она.

– Если информация окажется полезной, у вас не будет причин меня бояться, госпожа Гафа. Я не дикарь. Я прибегнул к методам, к которым вы должны были привыкнуть – к угрозам и насилию. Бочка научила вас ожидать подобного обращения.

Он говорил прямо как Танте Хелен: «Зачем ты заставляешь меня так поступать? Ты сама накликала на себя эти наказания, девочка».

– Значит, вы даете мне слово? – спросила Инеж. Полный абсурд. Ван Эк дал ясно понять, чего стоит его слово, когда нарушил их соглашение на Вельгелюке и попытался их убить.

Но купец торжественно кивнул.

– Именно. Сделка есть сделка.

– И Каз никогда не узнает...

– Конечно, конечно, – нетерпеливо произнес он.

Инеж прочистила горло.

– «Голубой рай» – клуб неподалеку от Клепки. Раньше Каз использовал комнаты над ним, чтобы прятать краденый товар.

Это была правда. И теперь комнаты должны быть пусты. Каз перестал пользоваться этим местом после того, как обнаружил, что один из барменов был в долгу перед Грошовыми Львами. Он не хотел, чтобы кто-то докладывал о его приходах и уходах.

– Очень хорошо. Что еще?

Инеж закусила губу.

– Квартира на улице Кольштраг. Я не помню номер. Ее окна выходят на задние входы в притоны Восточного Обруча. Раньше мы использовали ее для засад.

– Неужели? Прошу, продолжайте.

– Есть грузовой контейнер...

– Знаете что, госпожа Гафа? – Ван Эк подошел к ней ближе. На его лице не было злости. Он выглядел почти что ликующим. – Не думаю, что хоть одно из этих мест является настоящей наводкой.

– Я бы не стала...

– Мне кажется, вы намерены отправить меня гнаться за собственным хвостом, пока будете ждать спасения или еще какой-нибудь неудачной попытки побега. Что ж, госпожа Гафа, можете не ждать. Прямо в эту минуту господин Бреккер мчится к вам на помощь. – Он подзвал одного из стражников. – Подними занавес.

Инеж услышала скрип веревок, и дырявый занавес медленно поднялся. Театр был набит охранниками, стоящими вдоль рядов. Их было по меньшей мере тридцать, а то и больше, все вооружены винтовками и дубинками – ошеломляющая демонстрация силы. «*Нем!*» – подумала она, переварив слова купца.

– Все верно, госпожа Гафа. Ваш герой уже спешит. Господину Бреккеру нравится думать, что он самый умный человек в Кеттердаме. Посему я решил потворствовать ему и позволить обхитрить самого себя. В какой-то момент я понял, что, вместо того чтобы прятать вас, нужно просто позволить вас найти.

Инеж нахмурилась. Не может быть. *Невозможно!* Неужели этот купец действительно обхитрил Каза? И воспользовался ею, чтобы осуществить свой коварный план?

– Я каждый день посылал Бажана в «Эйл Комеди». Подумал, что сулиец привлечет к себе больше всего внимания, как и путешествия на предположительно заброшенный остров. Такое сложно не заметить. До сегодняшнего дня я не был уверен, что Бреккер на это купится, и начал сильно беспокоиться. Но он купился. Чуть ранее этим вечером двое из его команды были замечены на пристани, когда они подготавливали гондолу к отплытию, – тот крупный

фьерданец и земенец. Я не стал их перехватывать. Как и вы, они всего лишь пешки. Кювей – вот настоящий приз, и ваш господин Бреккер наконец вернет мне то, что задолжал.

– Отнесись вы к нам с достоинством, Кювей уже был бы ваш. Мы рисковали жизнями, чтобы похитить его из Ледового Двора. Мы рискнули всем! Вам стоило сдержать свое обещание.

– Настоящий патриот вызвался бы освободить Кювея без всякой награды.

– Патриот? Ваши планы касательно юрды-парема создадут хаос в Керчии!

– Рынок быстро оправится. Керчия выстоит. Возможно, грядущие события ее даже укрепят. Но вас и весь ваш сброд ждет иная участь. Интересно, что, по-вашему, станут делать паразиты Бочки, когда мы будем в состоянии войны? Когда у честных людей не будет лишней монеты, чтобы потратить ее впустую, и они начнут работать, вместо того чтобы предаваться своим порокам?

Губы Инеж изогнулись.

– Канальные крысы всегда выживут, как бы вы ни пытались их вывести.

Купец улыбнулся.

– Большинство ваших друзей не переживут и этой ночи.

Она подумал о Джеспере, Нине и Матиасе, о милом Уайлене, который заслуживал гораздо большего, чем такого мерзавца-отца. Цель Ван Эка заключалась не только в том, чтобы победить их. Это стало личным.

– Вы нас ненавидите.

– Честно говоря, *вы* мне малоинтересны – гимнастка или танцовщица, или кем вы там были, прежде чем стали позором этого города. Но, признаюсь, Каз Бреккер действительно оскорбляет меня. Подлый, безжалостный, аморальный. Он кормит коррупцию коррупцией. Такой незаурядный ум можно было направить на великие цели. Он мог бы править этим городом, построить что-то, получать прибыль, которая приносила бы пользу всем. Вместо этого он, как пиявка, высасывает деньги из лучших людей.

– Лучших людей? Таких, как вы?

– Вам неприятно это слышать, но это правда. Когда я покину этот мир, величайшая судоходная империя, когда-либо известная миру, останется как двигатель торговли, дань уважения Гезену и знак его благосклонности. А кто запомнит такую девчонку, как вы, госпожа Гафа? Что вы с Казом Бреккером оставите после себя, помимо трупов, которые сожгут на Барже Жнеца?

С улицы раздался крик, который внезапно прекратился. Все охранники повернулись к входным дверям.

Ван Эк сверился с часами.

– Ровно полночь. Бреккер любит драматические сцены.

Инеж услышала еще один крик и короткий орудийный залп. Шесть охранников позади нее и кандалы на ногах. Бессилие душило ее. Каз и остальные вот-вот попадут в ловушку, а она никак не может их предупредить.

– Я подумал, что лучше не оставлять периметр полностью без присмотра, – сказал Ван Эк. – Мы же не хотим облегчить ему задачу и рассекретить наш план?

– Он ни за что не признается вам, где прячет Кювея.

Купец снисходительно улыбнулся.

– Я гадаю лишь об одном, что будет более эффективным: пытаться господина Бреккера или заставить его смотреть, как я пытаю вас? – он наклонился и сказал заговорщицким тоном: – Первое, что я сделаю, – это сниму с него перчатки и сломаю каждый палец бандиту.

Инеж подумала о бледных ловких руках Каза, о светлой полоске рубцовой ткани на его правой кисти. Ван Эк мог сломать Казу все пальцы на руках и ногах и не услышать от него ни слова, но если его люди снимут перчатки? Инеж до сих пор не понимала, почему он в них нуждался, или почему он потерял сознание в тюремном фургоне на пути в Ледовый Двор, но

она знала, что Бреккер не переносил прикосновений чужой кожи к своей. Как долго он сможет скрывать свою слабость? Как быстро Ван Эк обнаружит его уязвимое место и воспользуется им? Как скоро Каз сдастся? Она этого не вынесет. Девушка была рада, что не знала, где находится Кювей. Она бы сломалась прежде, чем это сделал Каз.

По коридору загрохотали сапоги. Инеж рванула вперед, чтобы предупредить об опасности, но один из стражников быстро зажал ей рот и схватил крепче, потому что она продолжала дергаться в его руках.

Дверь распахнулась. Тридцать охранников подняли винтовки и взвели тридцать курков. Мальчик в дверном проеме отпрянул и побледнел, его выющиеся каштановые волосы топорщились во все стороны. На нем была красная с золотом ливрея Ван Эка.

– Я... господин Ван Эк... – с трудом произнес он и поднял руки, защищаясь.

– Опустите оружие! – приказал купец страже. – В чем дело?

Мальчишка сглотнул.

– Сэр, ваш домик на озере. Они подошли с воды.

Ван Эк встал, опрокинув свой стул на пол.

– Элис...

– Они похитили ее час назад.

Элис. Хорошенькая беременная жена Яна Ван Эка. Инеж почувствовала искру надежды, но быстро затоптала ее, боясь поверить в чудо.

– Они убили одного из охранников, а остальных связали и бросили в кладовой, – продолжал мальчик, пытаясь отдышаться. – На столе лежала записка.

– Неси ее сюда! – рявкнул Ван Эк. Мальчишка прошел по проходу, и купец вырвал записку из его рук.

– Что там... что там написано? – спросил Бажан. Его голос дрожал. Похоже, Инеж не ошиблась насчет Элис и ее учителя музыки.

Ван Эк вlepил ему пощечину.

– Если я узнаю, что ты с этим как-то связан...

– Нет! – воскликнул Бажан. – Я ничего не знал! Я следовал вашим приказам!

Купец сжал записку в кулаке, но Инеж удалось разглядеть слова, написанные угловатым, неповторимым почерком Каза: «*Завтра в полдень. Гудмедбридж. С ее кинжалами*».

– На записке лежало это, – мальчик полез в карман и вытащил булавку для галстука – крупный рубин, обрамленный золотыми лавровыми листьями. Каз украл ее у Ван Эка, когда их только наняли для работы в Ледовом Дворе. У Инеж не было возможности продать ее прежде, чем они покинули Кеттердам. Должно быть, Каз снова заполучил ее в свои руки.

– Бреккер! – прорычал Ван Эк напряженным от ярости голосом.

Инеж ничего не могла с собой поделать. Она начала смеяться.

Ван Эк отвесил ей оплеуху. Затем схватил девушку за тунику и потряс ее с такой силой, что у нее захрустели кости.

– Бреккер думает, что мы все еще играем в игру, не так ли? Она моя жена! Она вынашивает моего наследника!

Инеж залилась смехом пуще прежнего, все ужасы прошлой недели поднимались по ее груди головокружительными волнами. Ей вряд ли удалось бы остановиться, даже если бы она захотела.

– И вам хватило дурачества рассказать об этом Казу на Вельгелюке.

– Мне попросить Франке принести молоток и показать тебе, насколько я серьезен?

– Господин Ван Эк! – обратился к нему Бажан с мольбой в голосе.

Но Инеж надоело бояться этого человека. Прежде чем Ван Эк успел сделать еще один вдох, она ударила его лбом и сломала ему нос. Тот закричал и отпустил ее, и по роскошному

костюму купца потекла кровь. В ту же секунду на девушку накинута стражники и оттащили ее назад.

– Маленькая стерва! – прошипел Ван Эк, прижимая к лицу платок с монограммой. – Маленькая шлюха! Я лично переломлю тебе обе ноги...

– Давайте, Ван Эк, угрожайте мне. Расскажите мне, какая я «маленькая». Но коснетесь меня пальцем, и Каз Бреккер вырежет ребенка из живота вашей прелестной женушки, а потом свесит его тело с балкона Биржи.

Гадкие слова, речь, которая опалила ее совесть, но Ван Эк заслуживал образы, которые она посеяла в его голове. Хотя она и не верила, что Каз это сделает, Инеж была благодарна за каждый отвратительный, жестокий поступок, на который *пошел* Грязные Руки, чтобы заработать свою репутацию – репутацию, которая будет пугать Ван Эка каждую секунду, пока к нему не вернется жена.

– Умолкни! – взвыл он, брызгая слюной во все стороны.

– Думаете, он этого не сделает? – язвительно поинтересовалась Инеж. Она чувствовала, как горит щека, по которой он ударил, видела молоток в руках стражника. Ван Эк подарил ей страх, и она с радостью вернет ему этот подарок. – Подлый, безжалостный, аморальный. Разве не поэтому вы его наняли? Не потому ли, что он творит вещи, на которые не осмелится никто другой? Ну же, Ван Эк. Сломайте мне ноги и увидите, что произойдет. *Дайте ему повод.*

Неужели она и вправду поверила, что этот торговец сможет обхитрить Каза Бреккера? Он освободит ее, а затем они покажут этому мерзавцу, на что именно способны шлюхи и канальные крысы.

– Успокойтесь, – произнесла она, когда Ван Эк вцепился в обломанный угол стола в поисках опоры. – Даже лучших можно превзойти.

8. Матиас

Матиас знал, что будет искупать свои ошибки, совершенные в этой жизни, всю следующую, но он всегда верил, что, несмотря на его преступления и слабости, в глубине души он остается порядочным человеком, и этого никому не изменить. Также он не сомневался, что, если его заставят провести еще хотя бы час в компании Элис Ван Эк, он может убить ее просто ради того, чтобы немного побыть в тишине.

Осада домика на озере прошла с такой точностью, что даже Матиас не мог ею не восхищаться. Всего через три дня после похищения Инеж Ротти сообщил Казу о том, что в «Эйл Комеди» горит свет и что туда постоянно прибывают и убывают лодки в необычное время, зачастую управляемые сулийцем. В нем быстро распознали Адема Бажана – учителя музыки, который последние шесть месяцев работал на Ван Эка. Судя по всему, он стал работать на торговца уже после того, как Уайлен покинул дом, но парня ничуть не удивило, что его отец нанял профессионального музыканта для своей жены.

– И как она, хорошо играет? – полюбопытствовал Джеспер.

Уайлен замялся.

– Ну... она полна энтузиазма.

Было легко предположить, что Инеж держат в «Эйл Комеди», и Нина тут же предложила отправиться за ней.

– Он не вывез ее из города, – сказала она, и ее щеки впервые загорелись румянцем с тех пор, как она вышла победителем из битвы с паремом. – Очевидно, что он держит ее там.

Но Каз просто посмотрел вдаль с загадочным выражением лица и ответил:

– Слишком очевидно.

– Каз...

– Хочешь сотню крюге?

– Это ловушка?

– Именно. Это слишком просто для Ван Эка. Он относится к нам как к простофилям. Но он не родился в Бочке, а мы – не кучка идиотов, готовых прыгнуть на первую же блестящую приманку, которой он перед нами потрясет. Ван Эк хочет, чтобы мы думали, будто она на этом острове. Может, это и так. Но нас также будет ждать много вооруженных охранников и, возможно, даже несколько гришей под паремом.

– Всегда бей туда, куда филя не смотрит, – пробормотал Уайлен.

– Милостивый Гезен! – воскликнул Джеспер. – Ты совершенно испортился!

Каз взял трость и постучал головой ворона по плитам на полу гробницы.

– Знаете, в чем проблема Ван Эка?

– В отсутствии чести? – спросил Матиас.

– Он отвратительный отец? – поинтересовалась Нина.

– Лысина? – предположил Джеспер.

– Нет. Ему есть что терять. И он дал нам козырную карту – мы знаем, что красть в первую очередь.

Каз поднялся на ноги и начал строить планы похищения Элис. Вместо того чтобы пытаться спасти Инеж, как того ожидал Ван Эк, они заставят его обменять девушку на беременную жену. Первая загвоздка состояла в том, чтобы найти ее. Ван Эк не был дураком. Каз подозревал, что он увез Элис из города, как только заключил с ними мошенническую сделку, и их предварительное расследование это подтвердило. Ван Эк не стал бы держать свою жену на складе, заводе или в промышленном здании, и ее не оказалось ни в одном отеле, которые ему принадлежали, ни в загородном доме купца, ни на его двух фермах неподалеку от Элмира. Была вероятность, что он спрятал ее на какой-то ферме или в своих владениях по ту сторону Истиноморя, но Каз сомневался, что он отправил бы женщину, вынашивающую его наследника, в изнурительное морское путешествие.

– У Ван Эка наверняка есть неучтенная собственность, – сказал Бреккер. – И прибыль тоже.

Джеспер нахмурился.

– Разве неуплата налогов не является... ну, не знаю, кощунством? Мне казалось, он верный слуга Гезена.

– Гезен и Керчия – это разные вещи, – подметил Уайлен.

Естественно, раскрытие этих секретных владений подразумевало необходимость получить доступ к конторе Корнелиса Смита и очередную цепь обманов. Матиасу было противно участвовать в этом мошенничестве, но даже он не мог отрицать ценность полученной информации. Благодаря документам Смита Каз нашел домик на озере – неплохую виллу со всеми удобствами в десяти милях к югу от города, которую было легко оборонять, и записанную на имя Хендрикс.

«Всегда бей туда, куда филя не смотрит». Здравая мысль, признал Матиас, даже, можно сказать, военно-тактическая. Если тебя превосходят по числу оружия и людей, ищи наименее защищенные цели. Ван Эк ожидал, что они попытаются освободить Инеж и именно на этом сосредоточил свои основные силы. А Каз подыграл ему, приказав Матиасу и Джесперу как можно чаще бросаться в глаза, когда они пришвартовывали гондолу на одном из частных причалов Пятой гавани. В одиннадцать вечера Ротти и Шпект оставили Кювея на Черной Вуали, надели плотные плащи с капюшонами, чтобы скрыть свои лица, отвязали лодку и устроили грандиозное шоу, выкрикивая разную ерунду предполагаемым товарищам, отплывающим от других причалов, – большинство из них были ошеломленными туристами, которые так и не поняли, почему эти странные парни кричали на них с гондолы.

Матиасу пришлось взять себя в руки, чтобы не начать спор с Казом, когда тот поставил Нину в пару с Джеспером для нападения на домик, несмотря на то что в этом был смысл. Им

нужно было по-тихому обезвредить стражу, чтобы никто не запаниковал и не забил тревогу. Для этого хорошо подходила боевая подготовка Матиаса и способности Нины, поэтому их разделили. Джеспер и Уайлен обладали более шумными талантами, поэтому они вступали в бой только в крайнем случае. К тому же Матиас знал, если он захочет сопровождать Нину и вести себя как сторожевой пес, она упрет руки в свои роскошные бока и продемонстрирует знание ненормативной лексики на разных языках. Тем не менее он был единственным, помимо, наверное, Кювея, кто знал, как она страдала после их возвращения из Ледового Двора. Было трудно смотреть на нее, когда она уходила.

Они подкрались со стороны озера и быстро обезвредили охранников по периметру. Большинство вилл вдоль берега пустовали, да и сезон пока не наступил, было еще холодно. Но в окнах дома Ван Эка – или, скорее, дома Хендриксов – горел свет. Вилла принадлежала семье мамы Уайлена многие поколения, задолго до того, как Ван Эк ступил на ее порог.

Это даже не было похоже на взлом; один из стражников вообще дремал в беседке. Матиас не знал, что были жертвы, пока они не обнаружили, что нет одного охранника, но времени выяснить у Нины и Джеспера, что пошло не так, не было. Они связали оставшихся охранников, загнали их и прислугу в кладовку и поднялись на второй этаж в масках героев «Зверской Комедии». Затем остановились у входа в музыкальную комнату, где Элис, неуклюже присев на банкетку, играла на фортепьяно. Отбросы думали, что она будет спать, но молодая женщина усердно трудилась над какой-то пьесой.

– Святые, что это за шум?! – прошептала Нина.

– По-моему, это «Будь спокоен, малыш Бамбл Би», – сказал Уайлен, скрываясь за маской и рогами Серого Бесенка. – Сложно сказать.

Когда они вошли в комнату, шелковистому терьеру у ее ног хватило ума зарычать, но бедная, милая, беременная Элис просто оторвала взгляд от нот и спросила:

– Это спектакль?

– Да, дорогая, – ласково ответил Джеспер, – и у тебя – главная роль.

Они надели на нее теплое пальто и вывели из дома к лодке. Девушка вела себя так послушно, что Нина заволновалась.

– Может, в ее мозг не попадает достаточно крови? – шепнула она Матиасу.

Фьерданец и сам не знал, как расценивать поведение Элис. Он помнил, как его мать путала простейшие вещи, когда была беременна его младшей сестренкой. Она могла пройти всю дорогу до деревни из их маленькой хижины, прежде чем понять, что натянула правый сапог на левую ногу и наоборот.

Но на полпути к городу, когда Нина связала Элис руки и надела повязку на глаза, крепко привязав ее к аккуратным косичкам, намотанным на макушке, та, должно быть, начала понимать, что происходит. Элис постоянно шмыгала и вытирала нос бархатным рукавом. Затем шмыганье переросло в нервные глубокие вдохи, а к тому времени как они устроили Элис поудобнее в гробнице и даже нашли небольшие подушечки для ее ног, она громко заревела.

– Я хочу домо-о-о-о-о-о-ой, – выла госпожа Ван Эк. – Хочу свою собачку!

С тех пор слезы не прекращались. В конце концов Каз раздраженно всплеснул руками, и все вышли на воздух, чтобы хоть немного побыть в тишине.

– Все беременные так себя ведут? – простонала Нина.

Матиас заглянул внутрь каменного корпуса.

– Только похищенные.

– Я не слышу собственных мыслей!

– Может, снимем с нее повязку? – предложил Уайлен. – Мы могли бы надеть маски из «Зверской Комедии».

Каз покачал головой.

– Мы не можем рисковать тем, что она приведет сюда Ван Эка.

- Если она продолжит в том же духе, ей станет дурно, – возразил Матиас.
- Мы еще не закончили работу, – ответил Каз. – Нам нужно многое успеть сделать до завтрашнего обмена. Кто-нибудь, найдите способ заткнуть ей рот, или это сделаю я!
- Она просто напугана... – тихо отозвался Уайлен.
- Я не просил описывать ее состояние.
- Но парнишка настаивал:
- Каз, пообещай мне, что не станешь...
- Прежде чем ты закончишь это предложение, я хочу, чтобы ты подумал, чего будет стоить мое обещание, и чем ты готов за него заплатить.
- Она не виновата, что родители выдали ее замуж за моего отца.
- Элис тут не потому, что сделала что-то плохое. Она здесь, потому что из нее выйдет хороший рычаг.
- Она просто беременна...
- Для того, чтобы забеременеть, особый талант не нужен. Спроси любую несчастную в Бочке.
- Инеж бы не хотела...
- За долю секунды Каз оттолкнул плечом Уайлена к стенке склепа и прижал к горлу набалдашник с вороном.
- Давай, поучи меня делать мою работу! – Уайлен сглотнул и приоткрыл губы. – Сделай это, – продолжил Каз. – И я вырежу твой язык и скормлю его первой попавшейся драной кошке.
- Каз... – осторожно встрял Джеспер, но тот его проигнорировал.
- Губы Уайлена поджались в тонкую упрямую линию. Парень действительно не знал, когда стоит и промолчать. Матиас уже задумался, не пора ли за него заступиться, как Каз отпустил его.
- Кто-нибудь, заткните эту девчонку, до того как я вернусь, – приказал он и побрел по кладбищу.
- Матиас закатил глаза к небу. Всем этим психам не помешало бы пройти полугодовую подготовку в военном лагере, а еще лучше – публичное избивание.
- Лучше не упоминай имя Инеж, – посоветовал Джеспер, когда Уайлен стряхнул с себя пыль. – Ну, знаешь, на тот случай, если тебе еще жизнь дорога.
- Уайлен покачал головой.
- Но разве все это делается не ради нее?
- Нет, все ради «великого замысла», помнишь? – фыркнула Нина. – Освобождение Инеж – просто первый этап.
- Они направились обратно к гробнице. В свете фонаря Матиас видел, что к Нине вернулся здоровый цвет лица. Может, отвлекающий фактор в виде взлома дома на озере хорошо на нее повлиял, хотя он не мог игнорировать тот факт, что один стражник погиб во время операции, в которой не планировались убийства.
- Элис притихла и сидела, сложив руки на животе и икая. Она сделала слабую попытку снять повязку с глаз, но Нина хорошо умела завязывать узлы. Матиас покосился на Кювея, который сидел за столом напротив их пленницы. Шуханец просто пожал плечами.
- Нина присела рядом с Элис.
- Хочешь, э-э... чаю?
- С медом? – спросила она.
- Я, э-э... у нас вроде есть сахар?
- Я пью чай только с медом и лимоном.
- Судя по виду Нины, она собиралась рассказать Элис, куда именно та может засунуть свой мед с лимоном, так что Матиас поспешил вмешаться:
- А как насчет шоколадного печенья?

– О, я *обожаю* шоколад!

Нина прищурила глаза.

– Не припомню, чтобы я разрешала тебе раздавать мое печенье.

– Это для благого дела, – ответил он, доставая жестяную коробку. Он купил печенье в надежде, что Нина начнет есть. – Кроме того, ты едва к нему притронулась.

– Я оставила его на потом, – фыркнула девушка. – И лучше не попадайся мне на пути, когда дело касается сладостей.

Джеспер кивнул.

– Она как жадный пустынный дракон.

Голова Элис вертелась из стороны в сторону.

– Вы все кажетесь такими юными, судя по голосам. Где ваши родители? – Уайлен и Джеспер разразились хохотом. – Что смешного я сказала?

– Ничего, – заверила ее Нина. – Они просто придурки.

– Эй! – возмутился Джеспер. – Это не мы полезли в твои запасы печенек.

– Я никого не подпускаю к своим запасам печенек, – подмигнула Нина.

– Это уж точно, – проворчал Матиас, радуясь, что Нина вернулась к себе прежней, и ревнуя, что это Джеспер заставил ее улыбнуться. Ему нужно окунуть голову в ведро с ледяной водой. А то ведет себя как одурманенный идиот!

– Итак, – начал Джеспер, обняв Элис за плечи, – расскажи нам о своем пасынке.

– Зачем? Вы и его хотите похитить?

Стрелок фыркнул.

– Это вряд ли. Я слышал, что от него сплошные неприятности.

Уайлен скрестил руки.

– А я слышал, что он талантлив, просто его никто не понимает.

Элис нахмурилась.

– Я прекрасно его понимаю. Он не мямлит, ничего такого. Вообще-то у вас немного похожи голоса. – Уайлен вздрогнул, а Джеспер согнулся пополам от смеха. – И да, он очень талантлив. Он изучает музыку в Белендте.

– Но *какой* он? – спросил Джеспер. – Признавался ли в каких-нибудь тайных страхах? Дурных привычках? Случайных связях?

Уайлен пихнул коробку под нос Элис.

– Вот, съешь еще печенье.

– Она уже три штуки съела! – возмутилась Нина.

– Уайлен всегда был ласков с моими птичками. Я по ним скучаю. И по Руфусу. Я хочу домо-о-о-о-ой!

И Элис снова зарыдала.

Нина опустила голову на стол, признавая поражение.

– Отличная работа. А я уже понадеялась, что мы хоть немного посидим в тишине. Я пожертвовала своим печеньем впустую.

– Вы что, никогда раньше не видели беременную женщину? – пробурчал Матиас. Он хорошо помнил неудобства, которые испытывала его мама, и смены настроения, хоть и подозревал, что поведение Элис может быть никак не связано с ребенком, которого она вынашивала. Парень оторвал полоску ткани от одного из изодранных одеял в углу.

– Окуни ткань в воду, чтобы мы могли сделать прохладный компресс, – проинструктировал он Джеспера, а затем присел перед Элис на корточки: – Я сниму с тебя туфли.

– Зачем?

– Потому что у тебя отекли ноги, и если их размять, то станет легче.

– О, вот *это* уже интересно! – хитро улыбнулась Нина.

– Даже не мечтай.

– Слишком поздно, – ответила она, шевеля пальцами ног.

Матиас снял туфли с Элис и сказал:

– Тебя не похитили. Просто задержали ненадолго. К полудню завтрашнего дня ты будешь дома со своей собачкой и птичками. Ты же знаешь, что никто не причинит тебе вреда?

– Я не уверена...

– Ну, ты меня не видишь, но здесь я самый крупный, и обещаю, что тебя никто не тронет. – Даже говоря это, Матиас знал, что, возможно, врет. Сейчас Элис растирали ноги и прикладывали холодный компресс ко лбу, но находилась она в яме с самыми смертоносными гадюками, которые только ползали по улицам этого презренного города. – А теперь очень важно, чтобы ты успокоилась, иначе тебе может стать плохо. Что тебя может развеселить?

– Мне... мне нравится прогуливаться у озера.

– Хорошо, может, позже мы прогуляемся. Что еще?

– Мне нравится делать себе прически.

Матиас многозначительно посмотрел на Нину.

Та насупилась.

– С чего ты взял, что я умею делать прически?

– Потому что ты всегда прекрасно выглядишь.

– Погодите, – опешил Джеспер. – Он что, пытается сделать комплимент? – Затем покосился на Матиаса с подозрением. – И как нам узнать, что это не самозванец?

– Возможно, *кто-то другой* сделает тебе прическу? – чванливо произнесла Нина.

– Что-нибудь еще? – снова обратился Матиас к Элис.

– Я люблю петь.

Уайлен яростно замотал головой и начал шептать одними губами: «Нет, нет, нет».

– Мне спеть? – с надеждой спросила девушка. – Бажан говорит, что я создана для сцены.

– Может, оставим это на потом... – предложил Джеспер.

Нижняя губа Элис задрожала, как тарелка, которая вот-вот разобьется.

– Пой! – выпалил Матиас. – Ради всего святого, пой.

И тогда начался сущий кошмар.

Не то чтобы Элис была так ужасна, просто она никогда не останавливалась. Она пела во время обеда. Пела, пока гуляла между могилами. Пела из-за куста, пока справляла нужду. Когда она наконец задремала, то напевала *во сне*.

– Может, таков и был изначальный замысел Ван Эка, – мрачно произнес Каз, когда они снова собрались снаружи гробницы.

– Свести нас с ума? – поинтересовалась Нина. – Что ж, он работает.

Джеспер прикрыл глаза и застонал.

– Дьявольский план.

Каз сверился с карманными часами.

– Все равно Нине и Матиасу уже пора идти. Если рано доберетесь до своего места, то сможете еще поспать пару часов.

Они должны были вести себя осторожно, приплывая и уплывая с острова, так что не могли ждать рассвета, чтобы занять свои посты.

– Маски и накидки найдете у меховщика, – продолжал Бреккер. – Ищите золотого барсука на вывеске. Затем подберитесь как можно ближе к Крышке и начните раздавать их. Потом двигайтесь на юг. Не оставайтесь в одном месте слишком долго. Не хочу, чтобы вы привлекли внимание боссов. – Каз встретился взглядом с каждым из них. – До полудня все должны быть на своих местах. Уайлен внизу. Матиас на крыше Имперiums. Джеспер будет напротив тебя на крыше отеля «Эммберс». Нина, ты будешь на третьем этаже. В номере есть балкон, выходящий на Гудмедбридж. Убедитесь, что у вас хороший обзор. Я хочу, чтобы все следили за Ван Эком, как только он появится. Он что-то задумал, так что будьте начеку.

Матиас заметил, как Нина украдкой покосилась на Джеспера, но сказала лишь:

– Ни траура.

– Ни похорон, – дружно ответили Отбросы.

Нина направилась к пришвартованной лодке. Каз и Уайлен ушли обратно в гробницу, но прежде чем Джеспер успел скрыться внутри, Матиас преградил ему путь.

– Что случилось в домике на озере?

– В смысле?

– Я видел, как она только что на тебя посмотрела.

Джеспер неловко переминался с ноги на ногу.

– Почему бы тебе не спросить у нее?

– Потому что Нина будет талдычить, что с ней все в порядке, пока не начнет страдать до такой степени, что говорить не сможет.

Стрелок опустил руки на револьверы.

– Я скажу только то, что тебе следует быть осторожным. Она... сама не своя.

– Что это значит? Что случилось в доме Хендриксов?

– Мы столкнулись с небольшой проблемой, – признался Джеспер.

– Один человек умер.

– Люди постоянно умирают в Кеттердаме. Просто будь начеку. Возможно, ей понадобится помощь.

Джеспер скользнул за дверь, и Матиас зарычал от отчаяния. Затем поспешил за Ниной, обдумывая слова Джеспера, но ничего не сказал, когда садился в лодку и выводил ее в канал.

Его самым разумным поступком после возвращения из Ледового Двора стало то, что он отдал Казу оставшийся парем. Это не было легким решением. Никогда не знаешь, насколько глубок колодец внутри Бреккера, как определить границы того, на что он готов и не готов пойти. Но у Нины не было власти над Казом, и, когда она прокралась в кровать Матиаса в ночь операции со Смитом, он убедился, что сделал правильный выбор, потому что, Джель тому свидетель, он был готов отдать ей все, что она захочет, лишь бы девушка продолжала его целовать.

Нина прервала его сон, который терзал Матиаса с Ледового Двора. Только что он бродил по морозу, ослепленный снежной выюгой, слушая волчий вой вдалеке, а в следующее мгновение проснулся, и Нина рядом, такая теплая и мягкая. Ему вспомнились ее слова, сказанные на корабле, когда наступил пик действия парема. «Ты вообще можешь думать своей головой? Я просто очередной командир, за которым ты будешь следовать. Сначала это был Ярл Брум, а теперь я. Не нужна мне твоя чертова клятва».

Он не считал, что она говорила это всерьез, но ее слова все равно его зацепили. Будучи дрюскелем, он служил безнравственной цели. Теперь он это видел. Но тогда у него был свой путь, своя страна. Матиас знал, кем являлся и чего от него хочет мир. Теперь он не был уверен ни в чем, кроме своей веры в Джеля и слова, которое он дал Нине. «Я рожден, чтобы защищать тебя. Только смерть освободит меня от этой клятвы». Неужто он просто променял одну цель на другую? Искал ли он убежища в своих чувствах к Нине, потому что боялся выбрать будущее для себя?

Матиас сосредоточился на гребле. Их судьбы не решатся за одну ночь, и им предстояло многое сделать до наступления рассвета. Кроме того, ему нравился ритм ночных каналов, нравилось, как фонари отражаются в воде, тишина, ощущение невидимости когда невидимым проходишь через спящий мир, мелькание свечей в окнах. Нравилось наблюдать за тем, как кто-то, страдая от бессонницы, поднимается с кровати, чтобы закрыть шторы или посмотреть на город. Они старались не покидать Черную Вуаль в дневное время, поэтому именно таким он узнал Кеттердам. Однажды ночью он увидел женщину в вечернем платье, расшитом драгоценными камнями, сидящую за туалетным столиком и вынимающую шпильки из волос. Муж-

чина – ее муж, как предположил Матиас, – встал у нее за спиной и начал помогать ей, а она повернулась к нему и улыбнулась. В тот миг Матиас не смог определить, что за боль возникла у него в груди. Он был солдат. Нина – тоже. Они не предназначены для подобных домашних сцен. Но он завидовал тем людям и легкости, с которой они жили. Их уютным домам и уютным отношениям.

Он знал, что и так слишком часто задавал Нине этот вопрос, но когда они высадились возле Восточного Обруча, Матиас не сдержался:

– Как ты себя чувствуешь?

– Отлично, – беспечно ответила она, поправляя вуаль. Девушка была одета в мерцающий синий наряд Потерянной Невесты – тот же костюм, который был на ней в ночь, когда она и другие члены «Отбросов» появились в его камере. – Скажи мне, дрюскель, ты когда-нибудь бывал в этой части Бочки?

– У меня не было возможности осмотреть достопримечательности, пока я сидел в Хеллгейте, – ответил Матиас. – И я все равно бы сюда не пошел.

– Ну, еще бы. Столько развлечений и людей в одном месте, фьерданец в тебе бы взбунтовался.

– Нина, – тихо обратился к ней Матиас, пока они шли к меховщику. Он не хотел давить на нее, но ему нужно было знать. – Когда мы пошли к Смиуту, ты воспользовалась париком и косметикой. Почему ты просто не перекроила себя?

Девушка пожала плечами.

– Так было проще и быстрее.

Парень замолчал, не зная, стоит ли ему продолжать расспросы.

Они прошли мимо сырного магазина, и Нина вздохнула.

– Как я могу пройти мимо витрины, полной головок сыра, и ничего не почувствовать? Я сама себя не узнаю. – Она выдержала паузу, затем сказала: – Я пыталась использовать свою силу. Что-то происходит странное. Другое. Мне удалось лишь убрать круги под глазами, и на это потребовались невероятные усилия.

– Но ты никогда не была одаренной портнихой.

– Где твои манеры, фьерданец?

– Нина!

– Дело не в этом. Было не просто сложно, но и больно. Мне трудно объяснить.

– Что насчет твоего новообетенного дара убеждения, который проявился в Ледовом Дворе, когда ты была под воздействием парема?

– Сомневаюсь, что и сейчас на это способна.

– А ты пыталась?

– Не совсем.

– Испробуй его на мне.

– Матиас, нас ждет работа.

– Давай же.

– Я не собираюсь копать в твоей голове, когда мы не знаем, к чему это может привести!

– Нина...

– Ладно, – раздраженно вздохнула она. – Подойди.

Они почти дошли до Восточного Обруча, и толпа гуляк стала гуще. Нина затащила его в проулок между двумя зданиями. Затем подняла его маску и свою вуаль и медленно взяла лицо парня в руки. Ее пальцы зарылись в его волосы, и его сознание затуманилось. Казалось, она прикасается к нему везде.

Девушка посмотрела ему прямо в глаза.

– Ну что?

– Я ничего не чувствую, – ответил он. Его голос звучал предательски хрипло.

Нина выгнула бровь.

– Что, совсем ничего?

– Что ты пыталась заставить меня сделать?

– Убедить тебя поцеловать меня.

– Очень глупо с твоей стороны.

– Это почему же?

– Потому что я всегда хочу тебя поцеловать, – признался он.

– Тогда почему никогда этого не делаешь?

– Нина, ты недавно прошла через страшное испытание...

– Да, верно. И знаешь, что могло бы помочь? Много поцелуев. Мы не оставались наедине с тех пор, как спустились с борта «Феролинда».

– Это когда ты чуть не умерла? – спросил Матиас. Кто-то же должен помнить о том как серьезна их ситуация.

– Я предпочитаю думать о хорошем. Например, о том, как ты поддерживал мои волосы, пока я блевала в ведро.

– Прекрати смешить меня.

– Но мне нравится твой смех!

– Нина, сейчас не время флиртовать.

– Мне нужно заставить тебя врасплох, иначе ты слишком занят вопросами о моем самочувствии и попытками защитить меня.

– Что плохого в том, что я волнуюсь?

– Ничего. Плохо то, что ты относишься ко мне так, словно я могу сломаться в любую секунду. Я не такая нежная или хрупкая. – Она резко опустила его маску, дернула за свою вуаль, чтобы вернуть ее на место, протопала мимо него, выйдя из проулка, пересекла улицу и направилась к магазину с золотым барсуком на двери.

Он последовал за ней. Матиас знал, что ляпнул что-то лишнее, но понятия не имел, как поступить правильно. Когда они вошли в магазин, зазвенел маленький колокольчик.

– Почему это место открыто в такое время? – пробормотал парень. – Кто захочет купить шубу посреди ночи?

– Туристы.

И действительно, несколько человек осматривали меха и шкуры. Матиас пошел за Ниной к прилавку.

– Мы хотим забрать заказ, – сказала она приказчику в очках.

– Ваше имя?

– Джудит Коэнен.

– Ага! – воскликнул мужчина, сверившись с гроссбухом. – Золотая рысь и черный медведь, все уже оплачено. Минутку. – Он исчез в задней комнате и вышел, сгибаясь под весом двух огромных свертков из коричневой бумаги, перевязанных бечевкой. – Вам нужна помощь, чтобы отнести их...

– Нет, все в порядке. – Матиас поднял сверки без особого труда. Жителям этого города требовалось больше свежего воздуха и физических упражнений.

– Но может пойти дождь! Позвольте мне хотя бы...

– Все нормально, – прорычал фьерданец, и приказчик отшатнулся.

– Не обращайтесь на него внимания, – улыбнулась Нина. – У него недосып. Спасибо вам большое за помощь.

Приказчик выдавил слабую улыбку, и они ушли.

– Ты же понимаешь, что тебе это плохо дается, верно? – полюбопытствовала Нина, как только они оказались на улице и пошли по Восточному Обручу.

– Ложь и обман?

– Вежливость.

Матиас задумался.

– Я не хотел быть грубым.

– Просто позволь мне говорить за нас обоих.

– Нина...

– Не называй меня здесь по имени.

Она злилась на него. Он слышал это в ее голосе и понимал, что дело не в его обращении с приказчиком. Они ненадолго остановились, чтобы Матиас сменил свой костюм Безумца на один из многих нарядов Мистера Кримсона, сложенных в свертки меховщика. Парень сомневался, что приказчик знал, что было завернуто в коричневую обертку, были ли костюмы сшиты в магазине, и был ли «Золотой барсук» лишь местом передачи. У Каза имелись загадочные связи по всему Кеттердаму, и только ему было известно, как это все работало.

Когда он нашел длинный красный плащ и надел на голову красно-белую лакированную маску, Нина вручила ему мешочек с серебряными монетами.

Матиас подкинул его на ладони, и монеты радостно зазвенели.

– Они же ненастоящие, правда?

– Естественно. Но об этом никто не знает. В этом и заключается все веселье. Давай потренируемся.

– Потренируемся?

– «Маменька, папенька, рента уплачена?» – пропела Нина мелодичным голоском.

Матиас уставился на нее.

– У тебя что, лихорадка?

Девушка откинула вуаль, чтобы он прочувствовал всю силу ее сердитого взгляда.

– Это из «Зверской Комедии». Когда Мистер Кримсон выходит на сцену, зрители кричат...

– «Маменька, папенька, рента уплачена?» – закончил Матиас.

– Именно. Тогда ты отвечаешь: «Нет, дорогая, все деньги потрачены», а затем кидаешь горсть монет в толпу.

– Зачем?

– По той же причине, по которой все шипят на Безумца и бросают цветы Королеве Скарабеев. Это традиция. Туристы не всегда ее понимают, но керчийцы – да. Так что сегодня, если кто-то закричит: «Маменька, папенька, рента уплачена?»...

– «Нет, дорогая, все деньги потрачены», – мрачно продолжил Матиас, подкидывая монеты в воздух.

– Больше энтузиазма! – настаивала Нина. – Это должно быть весело.

– Я чувствую себя глупо.

– Иногда приятно чувствовать себя глупым, фьерданец.

– Ты говоришь так только потому, что у тебя нет ни капли стыда.

К его удивлению, вместо того, чтобы дать резкий отпор, девушка ничего не ответила и хранила молчание, пока они не заняли свою первую позицию перед игорным домом Крышки, примкнув к музыкантам и бродячим актерам и расположившись через два дома от клуба «Кучевые облака». Затем, будто кто-то щелкнул переключателем, и Нина преобразилась.

– Подходите, все подходит к «Сабле Кримсона!» – объявила она. – Вы, там! Вы слишком тощий! Как вы смотрите на то, чтобы получить бесплатную еду и графин вина? А вы, сударыня? Вот вы выглядите так, будто умеете веселиться!

Одного за другим Нина мастерски заманивала к ним туристов, предлагая бесплатный ужин и напитки и раздавая костюмы с листовками. Когда один из вышибал игорного дома вышел посмотреть, что происходит, они быстро ретировались, направляясь то на юг, то на запад и продолжая раздавать наряды и маски, которые добыл для них Каз. Когда люди спра-

шивали, в чем же дело, Нина отвечала, что это рекламная акция нового игорного дома под названием «Сабля Кримсона».

Как она и предсказывала, время от времени кто-нибудь замечал костюм Матиаса и кричал: «Маменька, папенька, рента уплачена?»

Матиас покорно отвечал и изо всех сил старался звучать радостно. Если туристы и гуляки и считали его выступление вялым, никто не жаловался. Скорее всего, потому, что их отвлекал дождь из серебряных монет.

К тому времени как они добрались до Западного Обруча, все наряды закончились, а солнце начало подниматься. Матиас мельком заметил вспышку с крыши отеля «Эммберс» – Джеспер подавал им сигнал зеркальцем.

Фьерданец проводил Нину в комнату на третьем этаже отеля, заказанную на имя Джудит Коэнен. Как Бреккер и сказал, с балкона открывался прекрасный вид на широкие просторы Гудмедбриджа и воды Западного Обруча, граничащие с обеих сторон с гостиницами и домами удовольствий.

– Что это значит? – поинтересовался Матиас. – Гудмедбридж?

– Мост благой девы.

– Почему его так назвали?

Нина прислонилась к дверному косяку и ответила:

– Ну, существует легенда о женщине, которая узнала, что ее муж влюбился в девушку с Западного Обруча и собирается ее бросить. Она взшла на мост и, не желая жить без него, прыгнула в канал.

– Из-за мужчины, у которого нет совести?

– А ты бы не поддался соблазну? Если бы перед тобой выложили все удовольствия и плотские радости Западного Обруча?

– Ты бы бросилась с моста из-за такого мужчины?

– Я бы не бросилась с моста даже ради короля Равки.

– Ужасная история, – покачал головой Матиас.

– Я сомневаюсь в ее правдивости. Вот что случается, когда позволяешь мужчинам придумывать названия для мостов.

– Тебе стоит отдохнуть, – сказал он. – Я разбужу тебя, когда придет время.

– Я не устала, и не нужно мне рассказывать, как делать мою работу.

– Ты злишься.

– Или говорить, что я чувствую. Иди на свой пост, Матиас. Ты тоже выглядишь слегка потрепанным в своих золоченых доспехах.

Ее голос был ледяным, спина – прямой. Воспоминание о его сне накатило так резко, что он почти почувствовал, как кусает ветер, как снег жалит щеки. Его горло горело, а голос сел, потому что он звал Нину. Он хотел сказать ей, чтобы она была осторожной. Хотел спросить, что случилось.

– Ни траура, – пробормотал Матиас.

– Ни похорон, – ответила она, не сводя глаз с моста.

Матиас тихо вышел, спустился по лестнице и пересек канал по широкому Гудмедбриджу. Затем посмотрел на балкон отеля «Эммберс», но не увидел Нину. Это хорошо. Если он не может увидеть ее с моста, значит, и у Ван Эка не получится. Несколько каменных ступенек привели его к причалу, где в розоватом сиянии зари продавец устанавливал свою баржу, полную благоухающих цветов. Матиас обменялся с ним парой слов и, пока мужчина ухаживал за своими тюльпанами и нарциссами, заметил значки, которые вывел мелом Уайлен над уровнем воды по обеим сторонам канала. Они готовы.

Затем он поднялся по лестнице к Империи, окруженному со всех сторон людьми в масках, вуалях и мерцающих плащах. У каждого этажа была своя тематика: настоящее буйство

фантазии. Матиас пришел в ужас, увидев стойку с костюмами дрюскелей. Тем не менее это место идеально подходило, для того чтобы не привлекать внимания.

Он поспешил на крышу и подал зеркальцем сигнал Джесперу. Теперь все стояли на своих местах. Незадолго до полудня Уайлен спустится вниз и будет ждать в кафе у канала, которое всегда привлекало шумные труппы уличных артистов, – музыкантов, мимов, жонглеров – выманивающих денежки у туристов. А пока что парнишка прилег на боку, спрятавшись под каменным выступом крыши, и дремал. Винтовка Матиаса, завернутая в клеенку, лежала рядом с Уайленом, он также выставил целый ряд фейерверков, их фитили завивались, как мышинные хвостики.

Фьерданец прислонился спиной к выступу, стоя с закрытыми глазами, впадая в забытье. Он привык к долгим периодам без сна со времен своей службы в отряде дрюскелей. Когда будет нужно, он проснется. Но сейчас Матиас шагал по льду, и ветер завывал в его ушах. Даже у равкианцев было для него имя: «Грузебуря» – жестокий, смертельный ветер. Он дул с севера – шторм, поглощающий все на своем пути. Солдаты гибли всего в паре шагов от своих палаток, потерявшись в белизне; их крики о помощи пожирал безликий холод. Там была Нина. Он знал это и никак не мог до нее добраться. Он выкрикивал ее имя снова и снова, чувствуя, как ноги немеют в сапогах, а мороз просачивается сквозь одежду. Парень прислушался, чтобы разобрать ответ, но в его ушах ревела буря, а где-то вдалеке выли волки. Она умрет на льду. Она умрет в одиночестве, и это будет его вина.

Матиас проснулся, задыхаясь, и резко втянул воздух. Солнце стояло высоко в небе. Над ним стоял Уайлен и слегка тряс его.

– Почти пора.

Матиас кивнул и встал, разминая плечи и вдыхая теплый весенний воздух Кеттердама. В его легких он казался чужеродным.

– Ты в порядке? – осторожно поинтересовался Уайлен, но, судя по всему, злобный взгляд Матиаса послужил ему исчерпывающим ответом. – С тобой все чудесно. Выглядишь отлично, – кивнул парень и поспешил спуститься по лестнице.

Матиас сверился с дешевыми латунными часами, которые приобрел для него Каз. Почти двенадцать. Он надеялся, что Нине удалось отдохнуть получше, чем ему. Парень посветил зеркалом на ее балкон и почувствовал облегчение, увидев ответную яркую вспышку. Затем подал сигнал Джесперу, склонился над выступом крыши и стал ждать.

Матиас знал, что Каз выбрал Западный Обруч за густую толпу, в которой легко затеряться. Его обитатели уже просыпались после веселья и наслаждений прошлого вечера. Прислуга, выполняя поручения различных домов, шла за покупками, принимала поставки вина и фруктов для следующих ночных гуляний. Туристы, только что прибывшие в город, бродили по обеим сторонам канала и указывали на красиво оформленные вывески, обозначающие каждый дом – как известные, так и пользующиеся дурной славой. Он видел многолепестковую розу, сделанную из белого кованого железа, покрытого серебром. Дом «Белой розы». Нина проработала там почти год. Он никогда не расспрашивал ее о том времени, не имел права. Она осталась в городе, чтобы помочь ему, и была вольна поступать так, как считала нужным. Тем не менее он не мог перестать представлять ее там – изгибы ее обнаженного тела выставлены на всеобщее обозрение, зеленые глаза слегка прикрыты, кремовые лепестки вплетены в темные локоны ее волос. Бывали ночи, когда он фантазировал, как она подзывает его ближе, а бывали, когда он представлял, как она приветствует во тьме кого-то другого, и тогда он просыпался, гадая, что быстрее сведет его с ума: ревность или желание? Матиас оторвал взгляд от вывески и достал подзорную трубу из кармана, сосредотачиваясь на том, чтобы осмотреть остальную часть Обруча.

За несколько минут до полудня Матиас заметил Каза, идущего с запада и стучащего своей тростью в такт неровной походке; его силуэт, темное пятно, рассекающее толпу. Люди, каза-

лось, расступались перед ним, как будто чувствуя, какая цель им движет. Это напомнило Матиасу о том, как жители деревни выводят знаки в воздухе, чтобы защититься от злых духов. Элис Ван Эк ковыляла рядом с ним. С нее сняли повязку, и через подзорную трубу Матиас увидел, как шевелятся ее губы. *Ради Джеля, неужели она все еще поет?* Судя по кислому выражению лица Каза, это было вполне вероятно.

С другой стороны моста Матиас увидел Ван Эка. Купец вытянулся, как струна, и крепко прижимал руки к телу, словно боялся, что пропитанный грехами воздух Бочки запятнает его костюм.

Каз ясно дал понять: убийство Ван Эка – крайняя мера. Они не хотели губить члена Торгового совета – не среди бела дня и не перед свидетелями.

– Разве нельзя прибегнуть к более чистым методам? – спросил Джеспер. – Сердечный приступ? Воспаление мозга?

Матиас бы предпочел честное убийство, открытый бой. Но в Кеттердаме подобные дела решались иными способами.

– Он не сможет страдать, если будет мертв, – ответил Каз, и на этом разговор был окончен. Демжин не терпел возражений.

Ван Эк пришел в окружении охраны, разодетой в красные с золотом ливреи его дома. Они вертели головами из стороны в сторону, осматривая местность в поисках угрозы. По тяжести их сюртуков Матиас понял, что все они вооружены. Там же, в окружении трех здоровых стражников, находилась маленькая фигурка в капюшоне. *Инеж.*

Матиас удивился благодарности, затопившей его сердце. Хотя он только недавно узнал маленькую сулийку, его с первого дня восхищала ее храбрость. Она много раз спасала их жизни, подвергая риску свою. Он сомневался во многих своих решениях, но никогда – в стремлении вырвать ее из лап Ван Эка. Единственное, о чем он жалел, что она остается с Казом Бреккером. Эта девушка заслуживала большего. С другой стороны, возможно, Нина тоже заслуживала кого-то получше, чем Матиас.

Обе группы дошли до моста. Каз и Элис вышли вперед. Ван Эк подал сигнал стражникам, охраняющим Инеж.

Матиас посмотрел вверх. С другой крыши лихорадочно сверкало зеркальце Джеспера. Фьерданец осмотрел территорию вокруг моста, но не заметил ничего подозрительного, из-за чего стрелок мог бы так запаниковать. Затем он взял подзорную трубу и изучил лабиринты улиц, раскинувшихся по обеим сторонам от Обруча. Путь отступления Каза был чистым. Но когда парень посмотрел на восток, за спину Ван Эка, его сердце наполнилось ужасом. По улицам двигались фигуры, одетые в фиолетовое, и все они направлялись в сторону Обруча. *Городская стража*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.